

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке

**Материалы Международной
научно-практической конференции**

29 апреля 2014 г.

Санкт-Петербург
2014

УДК 81(063)
ББК 81я431

Редакционная коллегия: О. Н. Морозова (отв. редактор);
А. Н. Гребенев;
В. И. Филимоненко

Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке:
материалы междунар. науч.-практ. конф., 29 апреля 2014 г. – СПб.:
ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2014. – 220 с.

ISBN 978-5-8290-

В сборнике «Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке» представлены материалы научно-практической конференции ученых и аспирантов вузов Российской Федерации (Москва, Санкт Петербург, Белгород, Владивосток, Липецк, Орел, Ростов-на-Дону, Череповец), и ближнего зарубежья (Шостка – Украина), прошедшей в Ленинградском государственном университете имени А.С. Пушкина 29 апреля 2014 года. Материалы содержат статьи по современным проблемам исследования текста и дискурса; теоретическим проблемам языковых систем, художественного текста, а также по вопросам модернизации преподавания иностранных языков и их роли в профессиональном знании.

Материалы конференции могут представлять интерес для ученых и аспирантов, занимающихся исследованиями в области теории языка, частного языкознания и лингводидактики.

ISBN 978-5-8290-

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
им. А. С. Пушкина, 2014

Содержание

Раздел 1. Теоретические проблемы языковых систем, теории коммуникации и моделирование языковых процессов

Д. Я. Гордиенко

Проблема происхождения языка в современной лингвистике:
восприятие, слово, концепт.....9

Н. И. Дзенс

Культурный контекст немецких этнореалий
эпохи средневековья (к проблеме перевода).....14

Е. Н. Заботина

Особенности употребления парадоксальных гиперфреймов
в современных английских скетчах как текстах постмодернизма..24

Л. Б. Кацюба

Лингвокультурная константа «Терроризм»
в современном фольклорном сознании.....30

В. А. Панченко

Лингвофилософская концепция В. фон Гумбольдта
в контексте развития лингвокультурологии.....38

Е. А. Попов

Гипертекст как объект лингвистического исследования.....46

О. И. Просяникова

Глагольные значения синкретических форм
с предметным значением имени существительного.....51

К. В. Скорик

Экстралингвистические основы явления «диалогичность»
как важный фактор в изучении диалогизации текста.....56

А. В. Скворцова

Преимущества когнитивного подхода в изучении
лексической системы языка.....62

П. А. Федаюк

Лексико-семантическая группа «WIND»
как фрагмент картины мира.....66

Е. А. Хамаганова

Особенности формирования терминологических словосочетаний
со значением деятеля в английском языке
(на материале логопедии, специальной педагогики
и специальной психологии).....72

О. С. Шурупова

Основные особенности концептосферы
Ташкентского текста русской литературы.....80

Раздел 2. Теория дискурса и языковые стили

И. Ю. Артемова

Намек как коммуникативно-семантическая категория:
способы репрезентации в русском устном публичном дискурсе...88

А. И. Атарщикова

Функционально-стилистическое варьирование
и национально-региональная стратификация языка.....97

А. Н. Гребенев

Личные местоимения как средство когезии в цикле сонетов.....108

Е. В. Долгова

К проблеме определения институционального дискурса.
Дискурс средств массовой информации.....113

М. В. Ермолова

Опредмечивание как маркер дегуманизации
в рассказах Рэя Брэдбери.....124

Е. В. Калинина

Читатель и персонаж: чтение как путешествие и исследование.132

Е. В. Котельникова

Научная инновация и ее репрезентация в дискурсе.....137

И. А. Кудряшов

Нетипичное повествование: архитектура, рассказчик, смысл..144

О. Н. Морозова

Основные направления в становлении политической
коммуникации в Интернете.....149

Е. В. Постева

Репортаж как специфический тип дискурса СМИ:
экстралингвистические особенности.....154

А. Б. Пшеничникова

К вопросу о релевантности прагматического фактора «гендер»
в аудиторном дискурсе педагога
(на материале речевого акта команды).....159

Л. С. Сафонова

Адресат в императивных предложениях
в текстах магического фольклора.....170

Г. Д. Скар

Дискурсивная анафора и дейксис как когнитивные процедуры
при интерпретации высказывания.....174

Л. Н. Стефанкова

Контраст образов персонажей как концептуальная характеристика
комического рассказа В. Аллена «История моего безумия».....179

<i>В. О. Чернышева</i>	
Прагматическая динамика взаимодействия собеседников в неформальном интервью.....	184
<i>А. Ю. Шаюк</i>	
Взаимодействие структурных компонентов концепта цвета «GRAU» в создании образа отрицательных героев (на примере романа М. Энде «Момо»).....	189
Раздел 3. Модернизация преподавания иностранных языков и профессиональное знание	
<i>Ю. В. Батурина</i>	
Стратегии аргументации как важный компонент содержания обучения иностранному языку студентов-психологов.....	197
<i>С. П. Бурдынская</i>	
Самостоятельная работа с использованием профильных текстов при обучении иностранному языку в системе бакалавриат.....	206
<i>Д. С. Николаева</i>	
Иностранный язык как средство формирования ценностного отношения студентов к здоровому образу жизни.....	211
Сведения об авторах.....	216

Contents

Section 1. Theoretical problems of language systems, theory of communication and language processes modeling

D. Y. Gordienko

Language Origin Problem: Perception, Word, Concept.....9

N. I. Dzents

Cultural context of German historical ethnorealities
(from point of translation approaches).....14

E. N. Zabolina

Some usage features of paradoxical hyperframes
in the modern English sketches as postmodernism texts24

L. B. Katsyuba

Lingvocultural concept «Terrorism» in the minds
of modern folklore30

V. A. Panchenko

W. von Humboldt's linguophilosophical conception in the context
of cultural linguistics development.....38

E. A. Popov

Hypertext as a subject of linguistic research46

O. I. Prosyannikova

Verbal meanings of syncretic forms with subject meaning of noun51

K. V. Skorik

The factor of extralinguistic bases in text dialogism.....56

A. V. Skvortsova

Advantages of the cognitive approach in the study
of lexical system of language62

P. A. Fedayuk

Lexico-semantic group «WIND» as worldview fragment66

E. A. Khamaganova

The Peculiarities of Formation of Terminological Phrases with the
Meaning of the Doer of Action in the English Language
(on the Example of Logop(a)edics, Special Education and Special
Psychology Terminology)72

O. S. Shurupova

The Main Peculiarities of the Concept Sphere of Tashkent Text
of Russian Literature80

Section 2. The Theory of Discourse and Language Styles

I. Y. Artemova

Allusion as a communicative-semantic category:
methods of representation in the Russian public discourse88

A. I. Atarschikova

Functional stylistics' varieties and national regional
stratification of the language97

A. N. Grebenev

Personal pronouns as means of cohesion in the sonet sequence 108

E. V. Dolgova

To The problem of determining of institutional discourse.
Mass MEDIA DISCOURSE 113

M. V. Ermolova

Objectification as a marker of dehumanization
in short stories by Ray Bradbury 124

E. V. Kalinina

Reader and Character: Reading as travelling
and investigation..... 132

E. V. Kotelnikova

Innovation and its representation in the discourse..... 137

I. A. Kudryashov

Unreliable narration: architectonics, characters, meaning 144

O. N. Morozova

The main directions in development
of political communication on the Internet..... 149

E. V. Postevaya

Reportage as a specific type of Mass-Media Discourse:
Extra Lin-guistic Peculiarities 154

A. B. Pshenichnikova

On relevance of gender in teachers' class-room discourse
(speech acts of command) 159

L. S. Safonova

Addressee in the imperative sentences in magic folklore texts 170

G. D. Sknar

Discursive anaphora and deixis as cognitive procedures
in inter-preting an utterance..... 174

L. N. Stefankova

Character Image Contrast as a conceptual characteristics
of W. Allen's «The Lunatic's Tale» 179

V. O. Chernysheva

Pragmatic Dynamics of Interlocutors' Interaction
in Non-Formal Interview 184

A. Y. Shayuk

Interaction of structural components of a color-concept «GRAU»
in creation of an image of villains (in M. Ende's novel «Momo») 189

Section 3. Modernization of Teaching Foreign Languages and Professional Knowledge

Y. V. Baturina

Argumentative strategies in the foreign language teaching
of students-psychologists 197

S. P. Burdinskaya

The Use of Profile Texts at Students' Independent Work
in Teaching Foreign Languages in Baccalaureate System 206

D. S. Nikolaeva

Foreign language as a means of forming valuable attitude
of students to a healthy lifestyle 211

About Authors 216

**Раздел 1. Теоретические проблемы языковых систем,
теории коммуникации
и моделирование языковых процессов**

**Section 1. Theoretical problems of language systems,
theory of communication
and language processes modeling**

УДК 1 (430) (47+57)

Д. Я. Гордиенко
D. Y. Gordienko

**Проблема происхождения языка в современной лингвистике:
восприятие, слово, концепт**

Language Origin Problem: Perception, Word, Concept

В статье рассматриваются теории современных исследователей проблемы происхождения языка, согласно которым язык появляется как точка перехода от мысли, основанной на фиксировании результатов восприятия внешнего мира, к концептуальному мышлению. Исследователи предлагают модель, в соответствии с которой человеческий мозг под воздействием внешней среды, актов воспоминания о предшествующем опыте в форме имеющихся результатов восприятия, потребностей передачи накопленного опыта представителям сообщества «превратился» в нелинейную динамическую систему. Слово, оперируемое как концепт, стало функционировать в качестве аттрактора для всех результатов восприятия, ассоциирующихся с этим словом. Значение произносимого слова начало принадлежать не отдельному индивиду, а всему сообществу, к которому принадлежит этот индивид.

The article deals with the modern investigators' theories according to which language emerges as the point of transition from thought based on external world perception result fixation to conceptual thinking. The investigators offer a model in accordance to which human brain under the influence of external environment, memory acts on the previous experience in the form of perception results, need of transmitting the experience to the representatives of the community turned into non-linear dynamic system. A word operating as a concept began functioning as an attractor for all the perception results associated with this word. The meaning of the word pronounced began to belong not to an individual, but to all the community to which this individual belonged.

Ключевые слова: происхождение языка, результаты восприятия внешнего мира, слово, концепт, сознание, мышление, аттрактор.

Key words: language origins, external world perception results, word, concept, consciousness, thinking, attractor.

Современные лингвистические изыскания в сфере глоттогенеза исходят из той теоретической предпосылки, что новая стадия в развитии языка предстает своеобразной реакцией на хаотичность, ставшую, в свою очередь, результатом информационного перенасыщения языка на предшествующей стадии развития. В качестве исходной точки указанных изысканий исследователи признают, что до появления речи гоминиды обладали мышлением, основанным на фактах непосредственного восприятия действительности, которое было унаследовано ими от своих предков.

В частности, М. Дональд указывает на то, что миметическая культура гоминид, которые существовали до появления вербального языка, была перцептивной по своей основе [2, с. 226]. Принцип сходства, который является связующим звеном между миметическими действиями и их референтами, базировался на акте непосредственного восприятия, а основное коммуникативное средство представлялось как реализуемая метафора действия [3, с. 61].

Первые человекоподобные гоминиды появились в африканских саваннах, в которых они оказались мишенью для многочисленных хищников. Для защиты от угроз, а также в целях увеличения запасов пищи гоминиды выработали новые навыки по изготовлению орудий труда, осуществления контроля над поддержанием огня в очаге, группового пропитания, координированной охоты [1, с. 42].

Данные виды деятельности, в свою очередь, привели к появлению более сложных форм социальной организации. Мысль, основанная на восприятии, с усложнением социального существования гоминид уже не могла обеспечить достаточного уровня абстракции. Сознание гоминид – с опорой на сенсорное восприятие – более не справлялось с богатством проявления жизненных явлений. Данный факт вызвал информационную перегрузку жизни гоминид и последующий хаос в способе общения. В связи с этим, появляется «новое» абстрактное мышление, выражаемое в форме вербального языка. Язык стал задействоваться для регулирования и контроля социального и физического окружения, мышление приобрело концептуальный характер.

Результат акта восприятия – это непосредственное впечатление, полученное от воздействия внешнего мира посредством органов чувств; концепты, напротив, являются абстрактными идеями, возникающими как результат обобщения определенных явлений внешнего мира. Концепты дают возможность иметь дело с объектами, которые удалены в пространственном и временном измерениях. Если первые слова гоминид выражали концепты, то язык давал им возможность репрезентировать объекты, которые находятся не «здесь» и

«сейчас». Другими словами, язык появляется в том числе как реализация мыслительной функции «замещения» [4].

Концепты также увеличивают разнообразие способов моделирования внешнего мира. Если результаты акта восприятия предстают специализированными, конкретными, связанными с отдельным явлением, то концепты являются по своей природе абстрактными и обобщенными. Одни концепты, в свою очередь, могут комбинироваться с другими концептами и актами восприятия, что усиливает отражение разнообразных проявлений внешнего мира в воспринимающем этом мир сознании.

Признавая тот факт, что язык является формой коммуникации и системой по информационной переработке, исследователи приходят к заключению, что появление речи репрезентировало кардинальный переход от мысли, основанной на восприятии, к мышлению посредством концептов. Утверждается, что произнесенное слово – это действенное средство, механизм, посредством которого выражаются или репрезентируются концепты. Вместе с тем, говорится о том, что язык не порождает концепты, а сами концепты не приводят к появлению языка. Человеческая речь и способность к концептуализации появляются в один и тот же момент, взаимно создав условия для своего появления. Язык и концептуальное мышление рассматриваются как динамически взаимосвязанные элементы когнитивной системы, заложенной в человеческом сознании. Способность выражения мысли посредством слова трансформирует мозг первобытного человека, замещая отражаемые в сознании результаты актов восприятия концептами.

Конкретное слово интерпретируется исследователями проблемы глоттогенеза как своеобразный аттрактор для всех результатов восприятия, ассоциируясь с концептом, репрезентируемым данным словом. Слово, таким образом, «упаковывает» многообразный человеческий опыт в рамках одного высказывания или отдельного языкового знака. Бесконечное количество результатов восприятия внешнего мира, характерное для данной языковой общности, посредством языка «расфасовывается» по отдельным словам, мыслительными аналогами которых выступают концепты. Слова репрезентируют концепты, а концепты репрезентируются словами [5, с. 237]. Слова и концепты появляются одновременно.

Таким образом, слово обеспечивает способ репрезентации концепта, о котором в данный момент говорится или мыслится. Слово породило субстанцию для соответствующего концепта, который стал репрезентироваться словом. Согласно мнению других исследователей, слова появляются в целях коммуницирования концептов, которые существовали до появления языка [66, с. 17].

Однако первоначальная связь между словами и концептами единодушно признается всеми исследователями. Слово – это произвольный знак, отражающий связь между сигналом и концептом. Слово – это концепт, который, в свою очередь, «завернут» в слово как определенную последовательность звуков.

В связи с этим, в лингвистике утверждается, что для осознания такого феномена, как язык и слова, мы должны прежде всего проанализировать проблему происхождения концептов и причин их появления. Концепт интерпретируется как форма слова, связанная с многочисленными результатами восприятия внешнего мира отдельным индивидом и, следовательно, «расширитель» способности человеческого мозга к запоминанию информации.

Слова, как концепты, рассматриваются в качестве формы «искусственной» памяти, порождающей не менее «искусственные» взаимосвязи. Слова упорядочивают хаотическое сознание, наполненное воспоминаниями обо всех проявлениях человеческого опыта. Язык, таким образом, появляется как «новый» порядок фиксации информации, поступающей из внешнего мира. При этом лексикон стал выступать как центр языковой системы. Появление языка связывается прежде всего с появлением лексикона, который впоследствии порождает фонологическую и синтаксическую структуры. Синтаксические структуры также представляют собой концепты, которые превосходят отношения между словами, точно также как слова – это концепты, которые превосходят отношения между результатами восприятия внешнего мира.

Исследователи также задаются вопросом: какие тенденции в эволюции гоминид породили проблему адекватной фиксации информации, поступающей из внешнего мира, информационное перенасыщение и, следовательно, хаос, который привел к бифуркации от восприятия – к концептосфере, появлению речи? С уверенностью нельзя сказать, что отдельная тенденция оказалась решающей в этом процессе. Скорее всего, «сработал» сразу комплекс тенденций, таких как использование орудий труда, контроль над поддержанием огня в очаге, социальная организация, требующая, чтобы большие группы гоминид вместе жили и разделяли пищу, координированная охота, разделка туш животных, убитых на охоте, браки, ритуалы и т. д.

Указанные аспекты повседневной жизни гоминид породили новые уровни жизнедеятельности, потребовали новых навыков, которые в свою очередь, стали стимулами для появления языка. Элементарная фиксация результатов восприятия внешнего мира под действием указанных факторов оказывается неэффективной в запечатлении всего богатства и разнообразия мира, повседневного опыта гоминид, требующего новых навыков. Исследователи

указывают, что именно в подобной проблемной ситуации появляется речь, обнаруживается переход (бифуркация) от перцептивного мышления – к мышлению концептуальному. Первоначальные концепты фактически легли в основу самых первых слов устного языка. Каждое слово служило своеобразной метафорой, специфическим аттрактором, объединяющим все существовавшие до этого результаты восприятия внешнего мира, которые впоследствии стали ассоциироваться с отдельным словом и концептом. Весь накопленный опыт стал «схватываться» отдельными словами, за которыми стояли самостоятельные концепты.

Исследователи выдвигают модель, в соответствии с которой человеческий мозг под воздействием внешней среды, актов воспоминания о предшествующем опыте в форме имеющихся результатов восприятия, потребностей передачи накопленного опыта представителям сообщества «превратился» в нелинейную динамическую систему. Слово, оперируемое как концепт, стало функционировать в качестве аттрактора для всех результатов восприятия, ассоциирующихся с этим словом. Значение произносимого слова начало принадлежать не отдельному индивиду, а всему сообществу, к которому принадлежит этот индивид.

При этом слово в каждом конкретном случае своей реализации закреплялось за определенным контекстом своего употребления. Контекст включал и другие слова в произносимом высказывании. Главной функцией нарождающегося языка стало обеспечение обмена социально значимой информацией с целью облегчения совместного проживания представителей отдельной социальной группы, установления личностных и супружеских отношений между членами этой группы.

Список литературы

1. Барулин А.Н. К построению теории глоттогенеза // Лингвистическая компаративистика в культурном и историческом аспектах: Мат-лы V Междунар. Конференции по сравнительно-историческому языкознанию. – М.: МГУ, 2007. – С. 9–44.
2. Donald M. The Origin of the Modern Mind. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991. – 341 p.
3. Donald M. Mimesis and the Executive Suite // Approaches to the Evolution of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – P. 44–67.
4. Hockett Ch. The origin of Speech // Scientific American, 1960. – № 203. – P. 88–111.
5. Logan R.L. The Extended Mind Model of the Origin of language and Culture // Proceedings of the Media Ecology Association. 2004. – Vol. 5. – P. 234–262.
6. Pinker S. Language as an Adaptation in the Cognitive Niche // Language Evolution. Oxford: Oxford University Press, 2003. – P. 16–37.

**Культурный контекст немецких этнореалий
эпохи средневековья (к проблеме перевода)****Cultural context of German historical ethnorealities
(from point of translation approaches)**

В статье, на основании системно-диахронического подхода, обоснованного Й. Триром, отмечается системное развитие немецких исторических этнореалий в рамках лексико-семантических групп («Костюм», «Рыцарский доспех») культурно-семиотической сферы «Мода», с учетом семантической взаимосвязи лингвистических единиц в составе ЛСГ и системно обусловленного перераспределения их значений на различных синхронных срезах истории немецкой лингвокультуры. В аспекте исторического развития для многих лексем характерна диахроническая полисемия (полиденотатность), «асимметрия» первичного, исходного и конечного, современного значений лексем и различная социо-культурно-семиотическая значимость соответствующих «культурных предметов» в рамках соответствующего социума на конкретном историческом этапе его развития, что непременно должно дифференцированно учитываться при переводе художественных текстов, содержащих исторические этнореалии. Определяющим в диахроническом развитии отношения «слово – вещь» являются экстралингвистические, культурологические факторы, и прежде всего – модификации и изменения культурных предметов, вплоть до смены денотата (превращение одной «вещи» в другую), обусловленные развитием моды и изменением семиотической значимости культурных предметов для членов социума. На основании анализа переводов научной литературы по истории моды в работе систематизируются приемы перевода немецких исторических реалий на русский язык.

The article touches on the basis of diachronic field theory of J.Trier upon the system – based diachronic development of German historical ethnorealities as parts of lexical – semantic groups (“Clothes”, “Knight Armour”) within the “Fashion” term system, from the point of meaning for-mation and meaning distribution between the lexical units within the mentioned LSG’s in differend periodes of German language history, of forming the diachronic polysemy of many lexical units and the multi-stage restructuring of the whole spectrum of meanings within these microsystems of nominations. The evolution of the correlation “word – thing/denotatum” is determined by the multiple cultural modifying and changing the character (models) of the “things” and of their social-cultural-semiotic value. The article reviews the most important approaches to translating the German histor-ical ethnorealities into Russian on the material of scientific works about the German “Mode”-history.

Ключевые слова: исторические этнореалии, диахроническая полисемия, системно-диахронический подход, лексико-семантические группы, перевод, генерализация, конкретизация, транскрипция/транслитерация, аналоги, картина мира.

Key words: diachronic ethno-realities, diachronic polysemy, system-based diachronic approach, lexical-semantic groups, translation, transcription/transliteration, specification, analogon, picture of the world.

В отечественной лингвокультурологии и этнолингвистике широко распространено мнение, что связь истории, культуры и мышления народа с языком особенно ярко проявляется на фразеологическом уровне, чем обусловлено значительное число исследований фразеологического фонда различных языков в диахроническом аспекте, в то время как лингвокультурологическое изучение исторических реалий в основном «отдается на откуп» этимологии, с чем, однако, невозможно согласиться, поскольку значительное число номинаций, представляющихся «беспроблемными» в плане семантики и культурной коннотации, а, соответственно, и в плане перевода, на самом деле требуют от билингва глубоких знаний национальной культуры, отсутствие которых может привести к значительным ошибкам в силу неосведомленности о характере обозначаемых денотатов («вещей»), их национальной специфике применительно к тому или иному историческому периоду и динамике их исторического развития, поскольку для многих исторических реалий характерна интеркультурная лакунарность (отсутствие в сознании переводчика соответствующих ментальных репрезентаций), являющаяся одним из факторов «лингвоэтнического барьера».

Одним из источников интеркультурной лакунарности является «диахроническая полисемия» исторических этнореалий. Данное явление применительно к абстрактной лексике (полю средств выражения интеллектуальной деятельности, «Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes») впервые отметил Й.Трип, исследовавший с позиций полевого подхода перераспределение значений между лексемами list, kunst, witz, wisheit на материале средневерхненемецких источников (XII–XVI вв.). Используя образ ипподрома, а позднее – калейдоскопа, он отмечает, каким образом происходит перераспределение значений: одна из лексем, обретая новое, дополнительное, значение, часть своих функций передает другому члену ЛСГ, а тот, в свою очередь, передает некоторые свои значения третьему компоненту понятийного поля и т. д. В итоге, в динамическом аспекте исследования, для каждой из лексем выявляется диахроническая полисемия, сущность которой заключается в том, что в диахроническом аспекте, на различных этапах своего развития лексема имеет разные значения, не утрачивая полностью связь с исходным, первичным семантическим признаком, обретающим статус инварианта. Наиболее наглядно перераспределение значений и оттенков понятия «(со)знание»

между компонентами поля «VERSTAND» можно представить в виде матрицы:

	XII–XV вв.	XVI–XVII вв.	XVIII–XX вв.
list	ум, знание (в т.ч. маг.- культов.), искусство (воин., ремесл)	разум, мудрость, хитроумие, ловкость	хитрость, коварство, лукавство
kunst	знание (практический опыт), мастерство	знание наук, ученость, искусность	искусство, талант, художественные способности
witz	мудрость, разум, (co)знание	острый ум, разум, рыцарское «вежество» (поведение)	остроумие, живость ума, находчивость
wisheit	житейская мудрость, жизненный опыт (о старших)	ум, ученость, высшее знание (научное, религиозное)	мудрость, умудренность (науки, жизненный опыт)

[10, с. 40–43, 49–59, 100, 193–194; 8, с. 118, 128, 325; 4, с. 154, 161, 250, 251; 7, с. 336, 361, 682, 695]

Как видим, различия значений применительно к каждому конкретному синхронному срезу в ряде случаев довольно значительны, и при переводе древних текстов необходимо внимательно вчитываться в контекст с целью выбора правильного варианта перевода (необходим учет не только исторического периода, но и культурного контекста).

Й. Трир полагал, что подобные процессы характерны лишь для абстрактных понятий, а в сфере конкретной лексики имеет место не развитие значений, а замена лексических номинаций («рука остается рукой, нога – ногой») [10, с. 58–59, 196], однако уже его последователи подвергали данный тезис сомнению, но исследований в этом направлении не предпринимали. Вместе с тем, лингвокультурологическое направление уже выявило значительное число тематических сфер, в которых проявляется перераспределение значений конкретных существительных в рамках ЛСГ, ТГ и ФСП в зависимости от влияния культурологических факторов. Таким образом, знание диахронической полисемии и лингвокультурного контекста необходимо также и при переводе предметных («вещных») номинаций, что, в частности, довольно ярко проявляется в сфере этнореалий тематической группы «Мода». Скрытая лакунарность многих национально-культурных номинаций (НКН) этой тематической сферы проявляется прежде всего в том, что в их семантической структуре уживается целый мир многообразных,

исторически разновременных «культурных предметов» (денотатов), зачастую мало или совершенно не похожих на денотаты, репрезентируемые этими лексемами на современном уровне.

Возьмем для примера лексико-семантическую группу древненемецкого языка со значением «одежда третьего ряда» («верхняя одежда»): *mantel*, *karpe*, *mütze*. Рассмотрение в диахроническом аспекте дает довольно сложную картину развития значения каждой лексемы и характера перераспределения значений этих лексем в рамках ЛСГ на различных синхронных срезах истории немецкого языка. Здесь можно лишь коротко наметить путь их развития:

- Родовое понятие лексемы *Mantel* (верхняя одежда), возможно, восходит к общеиндоевропейскому корню и обозначает в древнегерманскую эпоху (*mandal*, *mantil*) вначале звериную шкуру, надетую непосредственно на тело, а позднее – грубую ткань, обтягивающую торс. В VIII–XX вв., под влиянием галло-римской культуры (лат. *mantum*, *mantulum* «накидка, покрывало»), древневерхненемецкое слово *mantal/mentil* уже обозначает одежду из цельного полотнища, закрывающего голову и тело, укрепляемую фибулой под подбородком либо наголовным обручем (у женщин: *scharpel*), а в XI–XV вв. становится обозначением одной из моделей верхней одежды с капюшоном либо без капюшона, наряду с *karpe* и *mütze*, которые в VIII–XIII вв. обозначали одежду священнослужителей (монахов, хористов, пасторов); однако уже с XII в. слово *mantel* становится родовым понятием, включающим в свой объем различные виды одежды, в том числе и различные модели плащей и светской одежды, обозначаемые словом *karpe* и целым рядом номинаций новых моделей верхней одежды: *hoike*, *schoube*, *schapperun*, *trappert*, *sorket*, *wams* и многие др.

- Лексемы *karpe*, *mütze* с XI века постепенно обретают дополнительные значения, которые со временем становятся обозначениями совершенно иных денотатов, в связи с изменениями обозначаемых предметов моды, ср.: монашеская ряса или плащ с капюшоном (XI–XIII вв.) > капюшон с длинной пелериной (XIV в.) > капюшон с застежкой на груди (либо пришивной, уже воспринимаемый как самостоятельная деталь одежды – 15/16 вв.) > головной убор (*karpe* – для легких головных уборов, *mütze* – для утепленных, с XVII–XVIII вв.) [6, т.4, с.1731; т.5, с.188–189; т. 6, с.1607, 2839–2840; 7, с.283–284, 376, 406; 9, с.111–112, 128–129; 11, с.560–565; 12, с.141,170; более подробно развитие семантической структуры данных лексем в диахронической перспективе – см.: 1, с.205–219].

Данная ЛСГ не является единственной группой лексем, обнаруживающих диахроническую полисемию и многократное переструктурирование семантического поля ЛСГ: так, аналогичные

процессы выявлены и тщательно проанализированы в диссертационном исследовании С.Г. Глушецкой также и в рамках ЛСГ «Rock – Hemd – Wat – Gewand – Kleid – Wams»; « Bruoch – Hose – Strumpf – Socke – Schuh – Stiefel» [2, с. 65–164]. Аналогические процессы наблюдаются также в рамках ЛСГ «Рыцарский доспех».

Наиболее сложную картину в плане семантизации и перевода представляет диахроническая полисемия лексемы Hose: наголенники-обвязка (плотные кожаные или полотняные полосы-ленты, охватывающие крест-накрест голени от щиколоток до колен – с доисторического периода вплоть до 8-9 вв.) > наголенники-гамаши (вязаные или полотняные, также скрепленные накрест обвязкой из полос ткани или кожи – в X–XI вв.) > «чулки-башмаки» (из кожи или полотна, без подошвы – XII–XIV вв.) > «штаны-чулки» (чулки-башмаки, соединенные с короткими портами bruoch, со шнуровкой на спине; даже кожаные «штаны-сапоги» ledersen не имели подошвы, завершаясь длинными «носами» Entenschnäbel – к. XV–XVI вв.) > штаны (соединение «bruoch + hose», типа широких шаровар или узких панталон – сер. XVI в. – XVII в.) > брюки (к. XVII – н. XVIII вв.; вначале – множ. число: hosen, затем – ед. число: die Hose) [2, с.124–131]. На основании разделения трех частей «штанов-чулок» Ledersen (Bruche + Beinlinge + Füßlinge) сформировались три вида верхней одежды: Hose, Strümpfe (букв.: «отрезанные», «отделенные»), Schuhe.

Источником лакунарности являются также так наз. «эксплицитные» лакуны, т. е. «понятийные НКН», обозначающие предметы светской одежды и воинского (рыцарского) облачения прошлых эпох и ставшие архаизмами вместе с ушедшими в прошлое культурными предметами.

В настоящее время в рамках социологии и культурологии, а также в ряде работ по когнитивной лингвокультурологии утверждается мнение о семиотическом (знаковом) характере не только языка, но и культуры, в том числе и «языка моды»: как в России, так и в Германии эпохи средневековья одежда имела особенно ярко выраженную семиотическую значимость, регламентировалась «уставами о платье» (Kleiderordnung), и «модные» предметы являлись знаком социального статуса и имущественного положения их обладателей. Таким образом, костюм был специфическим «текстом», содержащим определенную информацию о человеке, являясь одним из важнейших средств «авербальной» кодификации, элементом культурного «дискурса». Именно на эти этнокультурные знания своих читателей-современников рассчитывали писатели и историки прошлых лет, употребляя те или иные этнореалии в своих произведениях. Так, А.П.Чехов отмечал: «Для того чтобы подчеркнуть бедность

просительницы, не нужно тратить слов, не нужно говорить о ее жалком несчастном виде, а следует только вскользь сказать, что она была в рыжей тальме» (цит. по: [3, с.5]).

Р.М. Кирсанова подчеркивает «асимметрию» ментальных образов читателей прошлых эпох и нашего времени: «Предметная среда литературного произведения была средой обитания для читателей. Поэтому было так легко представить себе не только пластический образ персонажа, но и понять, какие превратности судьбы скрыты за упоминанием о костюме или ткани, из которой он сшит. В ином положении оказываемся мы, читая произведения русской художественной литературы XIX века. Все, что связано с костюмом минувшего столетия, давно ушло из нашей повседневной жизни. Исчезли из обихода даже слова, обозначающие старинные костюмы и ткани» ([3, с. 5]; выделено нами – Н.Д.). Что же остается говорить о положении переводчика, которому предстоит переводить реалии русской древности на немецкий либо реалии немецкого средневековья на русский язык? Сравним: ферязь, азам, опашень, охавень, терлик, сибирка, тяжело и др.; schoube, sorket, wams, goufe, koife, lentner, hersenier и.а. Толковые словари немецкого и русского языков либо двуязычные переводческие словари, в чем-то помогая, в чем-то сбивая с толку, еще более затрудняют жизнь переводчика, если он не обладает соответствующей профессиональной компетенцией (а таковых, как кажется, преобладающее большинство).

На основании анализа профессиональных переводов немецких монографий по истории моды на русский язык можно сделать вывод о том, что в принципе этнореалии тематической группы «Мода» допускают использование всех приемов перевода, характерных для передачи безэквивалентной лексики, однако они в разной степени сохраняют национально-историческую специфику переводимого слова и текста в целом. Это обширная тема, которая может стать предметом научного исследования, поэтому здесь можно лишь наметить основные подходы, ориентированные на передачу национально-исторического колорита и фактологической информации слова. Поскольку в эпоху средневековья культурологическая семиотика костюма в Германии и на Руси обнаруживала более черт различия, чем общности (отсутствие института рыцарства на Руси), перевод исторических реалий немецкого языка представляет значительные трудности. Здесь можно лишь бегло наметить основные подходы.

В теоретической литературе, с ее обобщающим предметно-тематическим подходом, широко используются родовые обозначения различных видов светской одежды и рыцарского облачения, к числу которых относятся и лексемы с диахронической

полисемией (фактически это полиденотатные лексические единицы), которые в настоящее время вобрали в свой понятийный объем все виды и модели соответствующего типа одежды (имеющие, вместе с тем, свои специфические обозначения). Поскольку в русском языке соответствующие родовые номинации отсутствуют (это так наз. «родовая» лакунарность), переводчик вынужден прибегнуть к дифференциации культурных предметов, репрезентируемых полиденотатными лексемами, используя затем прием конкретизации при выборе переводческих соответствий, с учетом исторического колорита, ср.: Карре – ряса, сутана, (закрытый, дорожный) плащ, накидка (типа епанчи), капуца, капюшон (с пелериной), куколь, камилавка, колпак, шапка, берет, шапочка (типа ермолки), кепка. Как видим, иногда дополнительно используется прием описательного перевода.

Прием конкретизации часто необходим при передаче родовидовых отношений в сфере номинаций воинского доспеха, меняющего свой характер в зависимости от структуры воинского снаряжения (защиты торса либо всего тела, материала, характера сочленения деталей и т. д.): так, лексемы Harnisch, Panzer, Brünne (внутренняя форма которых восходит к семантическому при-знаку «защита для тела/живота»), в настоящее время воспринимаемые как синонимы и родовые обозначения доспеха, в **XI–XIV** вв. еще дифференцировались по своему функциональному назначению и материалу: как и в более ранний период, harnas/harnisch и panzier обозначают длинную (до колен) кожаную или уплотненную тканевую безрукавку, надеваемую на кольчужную рубаху с рукавами, обозначаемую лексемами brünne, kettenhemd, и лишь позднее, в **XIII–XIV** вв., эти термины употребляются как близкие понятия, включающие в свою понятийную сферу большое число видовых обозначений, при этом постепенно доминирующим становится термин Panzer, на основе которого создается значительное число видовых обозначений, ср.: Schuppenpanzer, Panzerhemd, Ketten(panzer)hemd, Ringpanzer; с **XV–XVI** вв. доспех представляет собой сложную стальную конструкцию, закрывающую все тело рыцаря с головы до ног. Таким образом, при переводе номинаций Brünne, Harnisch, Panzer применительно к конкретным видам доспеха, переводчики нередко обращаются к приемам дифференциации и конкретизации: кожаные латы (ленднер), кольчатые латы (кольчуга/кольчужная рубаха), стальные латы; кожаный/кольчатый/стальной панцирь; кожаный/стальной доспех; термин броня применим лишь к стальному доспеху. Аналогично требует конкретизации, в зависимости от конструкции доспеха, реалия halsberg(e): кольчужная / стальная бармица, кольчужный воротник, стальной воротник (бовиер), ожерелье.

Довольно широко используется прием калькирования, нередко сопровождаемый пояснением посредством видовой номинации, ср: Lamellennharnisch, Spangenharnisch – ламеллированный / пластинчатый доспех; Spangenhelm – каркасный шлем; Schamkapsel – «срамная капсула»; Schinkenärmel – «ветчинные рукава» (рукава с буфами); Mühlstein – жабо «мельничный жернов»; Kuhmäuler, Bärentatzen – железные башмаки «коровьи морды» / «медвежьи лапы». Для сохранения национального колорита нередко в скобках дается либо транскрипция, либо немецкий вариант номинации: Schnabelschuhe – клювовидные башмаки (шнабельшу), Entenschnäbel – «утиные носы» (башмаки Entenschnäbel).

Транскрипция (реже – транслитерация) в научном переводе используется довольно часто, однако обычно в сочетании с калькированием или описательно-разъяснительным переводом (далее: К, ОРП), т.е. посредством «контаминированной» репрезентации: К+ТС, ТС+ К, ОРП+ТС, ТС+ОРП, ср.: Topfhelm – топфхельм (горшковый шлем); Beckenhaube – чашеобразный шлем (беккенхаубе); Hundsgugel – собакомордый шлем «хундсгугель», «хундсгугель» (шлем с коническим забралом типа собачьей морды); Schute – шляпа «шуте», «шляпа-гнездо» (шуте), шуте.

В научной литературе довольно часто используются аналоги, при этом при переводе названий воинского снаряжения преобладают номинации романских языков, из которых заимствовано значительное число обозначений рыцарского доспеха, ср.: Topfhelm – бацинет, Schaller – салат, Eisenhaube – капеллина, шапель, Sturmhaube/Pickelhaube – бургонет, бургиньон, Hirnhaube – цервельер.

В ряде случаев встречаются и русские аналоги: Eisenhaube – каска; isenhose, isenkolze (= "Eisenhose") – кольчужные чулки, ноговицы (здесь слово hose сохраняет более раннее значение: «защита для голеней»); Senftenier,

Bauchreifen, Bauchrock – набрюшник.

Генерализация применяется при передаче разнообразных видовых номинаций моделей одежды (во избежание повторов транскрипционных или описательных вариантов): schoube, tappert, glocke, sorket, h(o)upelande, roc, wams – кафтан, верхняя одежда, одежда третьего ряда.

Таким образом, многие лексемы допускают несколько вариантов перевода: Klapphut – складной цилиндр, шапокляк; Sturmhaube – штурмак, бургонет, бургундский шлем; Hirnhaube – черепник, цервельер, шапочка типа ермолки, шлем, плотно облегающий голову; Muschel – мушель, «раковина», наколенник-раковина, наколенник, Lendner – ленднер, панцирь, кожаный панцирь, Ledersен – «штаны-чулки», ледерсен(ы), высокие кожаные мужские сапоги (см. также приведенные выше примеры).

В заключение следует отметить, что в анализируемых научных текстах, посвященных подробному описанию культурной специфики «модных» предметов, не было необходимости при переводе обращаться к сноскам и примечаниям (так наз. описательно-разъяснительному переводу как одному из аспектов переводческой метакоммуникации), однако при переводе художественных текстов, ориентированных на передачу специфики этнокультурной картины мира соответствующего социума, примечания и разъяснения необходимы, и в этом заключается основная сложность, поскольку переводчик либо должен обладать глубокими знаниями в соответствующей области, либо обращаться за консультацией к эрудированным специалистам, осведомленным в специфике сопоставляемых культур.

Расширение международных контактов и межкультурного общения, процессы глобализации влекут за собой, с одной стороны, сближение культур и культурных кодов, а с другой – стремление ознакомить представителей «чужой» (контактирующей) культуры с национальной спецификой «своей» культуры, сохранить память о национальных корнях, о национальной специфике культуры прошлых исторических эпох, в связи с чем в последние десятилетия появляется много популярных и научных работ об истории европейских этнокультур, а соответственно возник запрос на переводы и на создание переводческих лингвокультурологических специальных словарей (в том числе и немецко-русского и русско-немецкого словарей по теме «Мода») особого типа: дающих прежде всего сжатое историческое «эссе» о становлении и развитии того или иного культурного предмета с соответствующими иллюстрациями и рекомендациями по переводу, с учетом диахронической полисемии и социально-семиотической «знаковости» модных предметов на различных синхронных срезах истории сопоставляемых этнокультур. Исследование этнореалий в диахронии позволит воссоздать элементы архаичной и средневековой культурной картины мира и реконструировать историю ментальности народа.

Список литературы

1. Дзенс Н.И., Глушечкая С.М. Диахроническая полисемия в контексте межкультурной компетенции // Вестник Челябинского гос. пед. унив.: науч. журнал. – Челябинск, 2009. – № 4. – С. 205–219.
2. Глушечкая С.М. Диахроническая полисемия названий одежды в немецком языке: Лингвокультурологический аспект: дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2010. – 188 с.
3. Кирсанова Р.М. Розовая ксандрейка и дроздедамовый платок: Костюм – вещь и образ в русской литературе XIX в. – М.: Книга, 1989. – 286 с.

4. Baufeld Ch. Kleines frühneuhochdeutsches Wörterbuch: Lexik aus Dichtung und Fachliteratur des Frühneuhochdeutschen. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1996. – 264 s.
5. Böheim W. Handbuch der Waffenkunde. – Leipzig: Seemann, 1890. – 694 s.
– Бехайм В. Энциклопедия оружия. – С.Петербург.оркестр, 1995. – 576 с.
6. Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. – Leipzig: S.Hirzel, 1854 – 1971.
7. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Berlin/Leipzig: de Gruyter, 1934. – 740 s.
8. Matthias Lexers mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. – Leipzig: St.Hirzel, 1966. – 343 s.
9. Thiel E. Geschichte des Kostüms. – Berlin: Henschel, 2004. – 464 S. – Тиль Э. История кос-тюма. – Лейпциг: Легкая индустрия, 1971. – 104 с.
10. Trier J. Aufsätze und Vorträge zur Wortfeldtheorie. –The Hague/Paris:Mouton, 1973. – 220 s.
11. Weiss H. Kostümkunde. – Stuttgart: Ebner & Seubert, 1864. – Вейс Г. История культуры народов мира. – М.: Эксмо, 2004. – 960 с.
12. Wisniewski C. Kleines Wörterbuch des Kostüms und der Mode. – Stuttgart: Philipp Reclam, 2005. – 284 с.

**Особенности употребления парадоксальных гиперфреймов
в современных английских скетчах как текстах постмодернизма**

**Some usage features of paradoxical hyperframes
in the modern English sketches as postmodernism texts**

В статье «Особенности употребления парадоксальных гиперфреймов в современных английских скетчах как текстах постмодернизма» рассматриваются особенности употребления современного английского парадокса, представляющего собой сложную иерархическую фреймовую структуру двух основных типов, в основе которых лежат когнитивные модели, выстраиваемые по принципу парадоксального синтеза. В статье дается обоснование принадлежности исследуемых скетчей к текстам постмодернизма, а также приводятся некоторые результаты сопоставительного анализа, выявляющего зависимость особенностей употребления парадоксальных гиперфреймов от жанровой принадлежности текстов (скетчи и романы), в которых они функционируют.

The article «Some usage features of paradoxical hyperframes in the modern English sketches as postmodernism texts» deals with the usage features of the modern English paradox presented as complex hierarchical frame structure of two main types based on the cognitive models built on the principle of paradoxical synthesis. The article proves the sketches under consideration to belong to postmodernism texts, and also presents some results of the comparative analysis revealing the dependence of the usage features of paradoxical hyperframes on the genre of the texts (sketches and novels) in which they are used.

Ключевые слова: парадокс, парадоксальный синтез, парадоксальный гиперфрейм, скетч, тексты постмодернизма, жанр, пародия, Стивен Фрай, Хью Лори.

Key words: paradox, paradoxical synthesis, paradoxical hyperframe, sketch, postmodernism texts, genre, parody, Stephen Fry, Hugh Laurie.

Согласно «Оксфордскому словарю литературных терминов» [1], постмодернизм относится к современной западной культуре XX века и характеризует, с одной стороны, произведения эпохи массового телевидения, начиная с середины 1950-х годов, с другой – состояние культуры, преобладающей в развитом капиталистическом обществе, начиная с 1960-х годов, и характеризующейся изобилием разнородных стилей особенно в сфере телевидения, рекламы и коммерческого дизайна. Постмодернизм как поиск альтернатив модернизму обладает следующими характеристиками: антиформа,

игра, случайность, анархия, деконструкция эстетического субъекта, контраст, интертекстуальность, языковая игра, цитатность как метод художественного творчества, неопределенность, культ ошибок, фрагментарность, иронизм, пародийность, парадоксальность, пастиш, деканонизация традиционных эстетических ценностей, аксиологический плюрализм, поверхностно-чувственное отношение к миру, смешение жанров, высокого и низкого, высокой и массовой культуры, серийность и ретрансляционность, ориентированные на массовую культуру, потребительскую эстетику, новейшие технологические средства массовых коммуникаций [7, с. 145–147; 4].

Результаты проведенного анализа скетчей «Шоу Фрая и Лори» Стивена Фрая и Хью Лори («A bit of Fry & Laurie»), экранизированных в 1989–1995 гг., показывают, что изучаемые современные английские скетчи отвечают критериям эстетики постмодернизма, причем на первый план выходят: 1) парадоксальность (каждый скетч содержит от 2 до 7 структур парадокса); 2) серийность (представляется возможным сгруппировать большинство скетчей в отдельные тематические блоки (TV program/ chatshow, service sector, public speaking/ presentation, politics и др.); 3) иронизм и пародийность.

Как и постмодернистская литература в целом, исследуемые скетчи отвечают критериям постмодернистских текстов: 1) использование смешанной хронологии, внезапное переключение с одного исторического периода на другой, с мысли одного героя на мысли другого (нарушение линейной/ диахронической организации дискурсов, заменяемое синхроническим/ горизонтальным повествованием, синтезирующим прошлое, будущее и настоящее) – см. скетчи «Fascism», «Hugh's Poem», «Dammit 2», «Fan Club», «Forward to the Past» и др., содержащие структуры парадокса, определяемые в нашем исследовании как парадоксальный гиперфрейм (ПГФ), логическая формула которого содержит временную противоречивость; 2) отсутствие завершенности повествования, тексты с открытой, неопределенной концовкой или концовкой, соотнесенной с началом текста, что образует кольцевую композицию – см. скетчи «The "Burt"», «Haircut», «Remembering Lines», «Sound Name», «Introducing my Grandfather to...», «Borrowing a Fiver off» и др., характеризующиеся фрагментарностью и незавершенностью; 3) утверждение о неспособности истории раскрыть правду, неспособности языка передать реальность, неспособности искусства создать смысл, что ведет к фрагментарности, незаконченности и саморефлексивности и выражается в том, что смысл создается в соотношении с реальностью, внешним миром, о чем свидетельствует большое количество имплицитных структур в когнитивных моделях

парадоксов; 4) наличие сатиры и пародии в отношении к аспектам культуры, которые традиционно воспринимались положительно (критерии см. [6, с. 3–22, 96–99; 5]).

О наличии пародии и сатиры в скетчах Стивена Фрайя и Хью Лори свидетельствует то, что различные серии скетчей, объединенных постоянными – сквозными – персонажами, представляют собой пародию на телешоу, программы или ситуации, происходившие ранее: 1) скетчи, главным действующим лицом которых является Алан – тайный агент «Департамента», представляют собой пародию на несколько телешоу 70-х, больше всего похожую на «Профессионалов» («The Professionals»); 2) скетчи, главным героем которых является ведущий программы ужасов «Седьмое измерение» Гэллиант Гатфрайт, представляют собой пародию на истории из «Сумеречной зоны»; 3) скетчи, объединенные вокруг персонажей Джона и Питера, являются пародией, берущей начало в таких мыльных операх, посвященных исполнительной власти, как: «The Power Game», «Man at the Top», «Howards' Way»; 4) скетчи, посвященные группе «Епископ и Бог войны», содержат намек на судебный процесс над британской группой «Judas Priest», прецедент, имевший место в 1991 году; 5) скетчи, главными действующими лицами которых являются тайные агенты Контрол и Тони, представляют собой пародию на мрачные, угнетающие теледрамы периода холодной войны: «Callan», «Тайная служба», «Лудильщик, портной, солдат, шпион» и «The Sandbaggers» и др.

Таким образом, скетчи, вышедшие из жанра «коротких рассказов» («short stories»), обособившиеся и развивающиеся как отдельный жанр, на современном этапе (вторая половина XX в.) приобретают черты эстетики постмодернизма, в силу чего представляется возможным отнести современные английские скетчи Стивена Фрайя и Хью Лори к постмодернистским текстам. Вследствие этого структуры парадокса в исследуемых скетчах являются модифицированными по сравнению со структурами парадокса, встречающимися в текстах классиков XIX в., и соответствуют общим тенденциям эпохи постмодернизма, чем продиктована целесообразность рассмотрения общей характеристики эстетики постмодернизма.

В данном исследовании выделяется два типа когнитивных моделей парадоксов, выстраиваемых по принципу парадоксального синтеза: ПГФ-когнитивная карта (тип парадоксального гиперфрейма (фрейм + сценарий), выходящий за рамки одного высказывания и образующийся на основе противопоставления как эксплицитных, так и имплицитных аксиом, вступающих в парадоксальный синтез на уровне сценария текста и обнаруживающих тенденцию к увеличению внутрискруктурной дистанции между элементами, создающими

парадокс в тексте); ПГФ-скрипт (тип парадоксального гиперфрейма (фрейм с более сложной когнитивной структурой), образующийся на основе противопоставления как эксплицитных, так и имплицитных аксиом, вступающих в парадоксальный синтез на уровне одного высказывания, и обнаруживающий сходство с классическим парадоксом).

Сопоставительный анализ парадоксов в скетчах и парадоксов, употребляющихся в романах тех же авторов, выявил особенности употребления парадоксальных гиперфреймов в зависимости от жанровой принадлежности текстов (скетчи и романы). Для проведения сопоставительного анализа было проанализировано 8 романов Стивена Фрая общим количеством 3356 страниц. В результате анализа было выявлено три тенденции: 1) для скетчей характерно преобладание парадоксов, определяемых в нашем исследовании как ПГФ-когнитивная карта, в то время как для романов использование ПГФ-скрипта является преобладающим; 2) парадоксальный гиперфрейм в романах приближен к классическому парадоксу, что проявляется в более частом использовании ПГФ-скрипта с нелинейным хиазматическим парадоксальным синтезом частично-имплицитных аксиом, употребление которого в скетчах является наименее частотным; 3) парадоксальные гиперфреймы, используемые в скетчах, как правило, служат для создания комического эффекта, в романах данная функция парадокса является факультативной, ее можно охарактеризовать как интеллектуально-экспрессивную. Указанные тенденции продиктованы объемом текстов исследуемого дискурса, с одной стороны, и с другой – сравнительно недавним выделением скетча в самостоятельный жанр юмористического дискурса.

Современный английский парадокс в романе:

Paperweight: [3, с. 21]

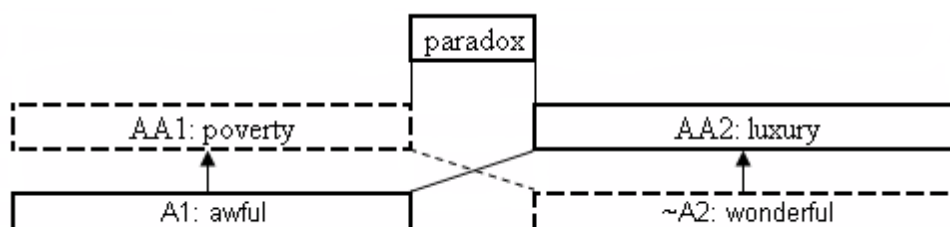
Парадокс 1. ПГФ-скрипт: объектная противоречивость: «Its preciousness and privilege notwithstanding, the smugness of those present aside, the awful luxury of the whole event discounted, this is a fine place to be». Т.е. paradox (luxury) = A1 (awful) + AA2 (luxury).

1. Парадокс представляет собой исключенное третье, слитое с А и не-А.

2. Нетождественность: многоликость: luxury (A) = awful (A1) = luxury (A2).

3. Отсутствие достаточных оснований, поскольку в основе данного парадокса лежит субъективное мнение героя.

Хиазматический парадоксальный синтез частично-имплицитных аксиом – m1: paradox = A1 + AA2.

Современный английский парадокс в скетче:

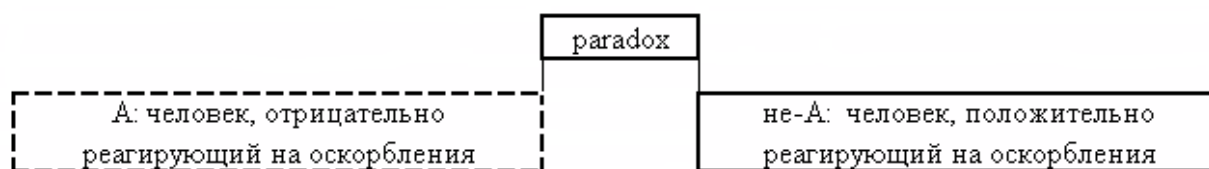
Chatshow: [2, с. 17]

Парадокс 2.1. ПГФ-когнитивная карта: субъектная противоречивость: герой ток-шоу в ответ на раздражающее поведение ведущего, всем видом показывающего равнодушие к его творчеству, осыпает его оскорблениями, которые вместо негодования вызывают положительную реакцию у ведущего, вследствие чего поведение героев можно охарактеризовать как парадоксальное. Кроме того, ведущий не просто одобряет, а даже приветствует такое поведение гостя, подсказывает ему слова, поскольку оказывается, что все это было спланировано и соответствует сценарию программы. Т.е. paradox (герой) = А (человек, отрицательно реагирующий на оскорбления) [общепринятое мнение, ожидаемая ситуация] + не-А (человек, положительно реагирующий на оскорбления) [действительная ситуация].

1. Допустимость исключенного третьего, где третье представляет собой результат вытеснения одной противоположности другой. Т.е. $A + \text{не-}A = \text{paradox}$, где парадокс приобретает третье истинностное значение в многозначной логике.

2. Нетождественность: многоликость: герой (А) = человек, отрицательно реагирующий на оскорбления (А1) = человек, положительно реагирующий на оскорбления (А2).

Парадоксальный синтез имплицитной и эксплицитно-моделируемой аксиом: $\text{paradox} = A + \text{не-}A$.

Таким образом, представленная дифференциация парадокса на два типа отражает когнитивную структуру современного парадокса, при использовании которого в текстах постмодернизма прослеживается зависимость особенностей употребления парадоксальных гиперфреймов от жанровой принадлежности текстов (скетчи и романы), в которых они функционируют. Принимая

во внимание количество парадоксов, соответствующих каждой когнитивной модели, можно прийти к выводу о том, что парадоксальность является доминирующей характеристикой исследуемых скетчей как особого жанра юмористического дискурса, включающего в себя парадоксальный.

Список литературы

1. Baldick C., Concise Oxford Dictionary of Literary Terms. Oxford University Press, 2008.
2. Fry, Stephen. Laurie, Hugh. A Bit of Fry & Laurie, <http://www.geocities.com/mmemy/>
3. Fry, Stephen. Paperweight. Arrow Books, 2004. – 467 p.
4. Introduction to Modern Literary Theory: <http://www.kristisiegel.com/theory.htm#postmodern>
5. Liu, C. Modern/ Postmodern English Literature: http://www.eng.fju.edu.tw/iacd_2003S/c_pm_lit/index.htm
6. Saraçoğlu, S. Self-reflexivity in postmodernist texts: a comparative study of the works of John Fowels and Orhan Pamuk: A Thesis submitted to the graduate School of Social Sciences of the Middle East Technical University, 2003. – 122 p.
7. Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. – СПб.: Алетейя, 2000. – 347 с.

**Лингвокультурная константа «Терроризм»
в современном фольклорном сознании****Lingvocultural concept «Terrorism»
in the minds of modern folklore**

В статье описаны результаты лингвокультурологического исследования концепта «Терроризм» на материале так называемого антитеррористического фольклора. Данное исследование является одним из этапов выявления этнокультурной специфики языкового сознания носителей русской культуры, отраженного в поговорках.

The article describes the results of the study of linguistic-cultural concept «Terrorism». Subjects – idioms, which we refer to the anti-terror folklore. This research continues to identify the specific of ethno linguistic consciousness of Russian culture-bearer, reflected in proverbs.

Ключевые слова: идиомы, поговорки, концепт «Терроризм», лингвокультурология, когнитивное исследование.

Key words: idioms, proverbs, the concept of «Terrorism», cultural linguistics, cognitive research.

Идея отражения в современных научных направлениях, в частности, в лингвистических работах когнитивного характера, актуальных проблем человечества, связанных с политикой, властью, действиями террористических организаций и т. п., приобрела сегодня особенное звучание. Понятие «когнитивный» мы относим к терминологии когнитивной парадигмы знания, и, вслед за Е.С. Кубряковой, рассматриваем когнитивную науку как многоаспектную, «представленную целым рядом достаточно различающихся между собой школ», которые, «несомненно, объединяет стремление дать языковым фактам и языковым категориям психологическое объяснение и так или иначе соотнести языковые формы с их ментальными репрезентациями и с тем опытом, которые они в качестве структур знания отражают» [9, с. 9].

В настоящей статье мы представляем исследование некоторых лингвокультурологических аспектов фольклорного сознания через современное бытование фольклорных текстов, которые, согласно заявленной теме, относим к особым формам идиоматики, так называемому антитеррористическому фольклору. В данном случае

под фольклорными произведениями мы понимаем единицы устного творчества, которые могут относиться к идиоматическим, паремиологическим (фразеологическим), фольклорным в широком смысле слова. Их можно объединить в группу единиц, которые обозначают:

- 1) пословицу; высказывание, относящееся к пословице;
- 2) краткое афористичное высказывание (часто, в переносном значении), состоящее из нескольких слов в форме предложения, излагающее общую важную истину, наставление, правила или принципы поведения, нравственные законы, сформулированные на основе жизненного опыта;
- 3) высказывание, дискурс, речь; акт речи.

В статье мы опирались на понятие «концепт», в понимании которого присоединяемся к точке зрения Г.С. Воркачева, согласно которой концепт – единица коллективного знания (сознания), отправляющая к высшим духовным ценностям (добавим – антиценностям), отмеченная этнокультурной спецификой, имеющая языковое выражение [10, с. 5].

Выявляя культурологические, «дефиниционные» характеристики концепта, мы пытались приблизиться к пониманию его значения как «итога идиоэтнической концептуализации культурно значимых непредметных сущностей» [17, с. 14].

Судя по анализу печатных и интернет-источников, фольклорные единицы антитеррористической тематики активно проявили себя относительно недавно: острый политический дискурс интернет-пространства и средств массовой информации – вот их постоянная среда обитания в последние десятилетия. В свою очередь отметим, что тщательно изученные нами паремии, принадлежащие концептосферам «Война/Мир», «Дружба/Вражда» и другим [6, 7], не включают единицы о терроризме. Несмотря на то, что явление терроризма не ново для русской культуры и русского человека и имеет статус лингвокультурной константы, включенной Ю.С. Степановым в словарь русской культуры [16, с. 923–937], в проанализированных нами классических и нового типа печатных сборниках паремий [3, 5, 12, 14] подобные единицы не нашли своего отражения. Настоящее исследование проведено на материале интернет-источников [19, 20, 21].

Репрезентация террористической константы в устойчивых единицах проведена нами с помощью дефиниционного анализа лексико-семантического ядра концепта на основе ведущих лексикографических изданий, в число которых вошли толковые и академические словари русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой, С.И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, Л. П. Крысина, В.И. Даля и других [1, 4, 11, 13, 15, 18]. Согласно

проанализированным определениям, базовые лексемы концепта «Терроризм» трактуются следующим образом:

«Терроризм»:

- «Устрашивающее, устрашение смертными казнями, убийствами и всеми ужасами неистовства» [4, с. 401].

- Политика и практика террора [13, с. 796].

- Политика и тактика террора [15, с. 359].

- 1. Политика террора. 2. Деятельность террористов [8, с. 695].

«Террор»: [от лат. terror – страх, ужас]:

- 1. Угроза физической расправы с кем-нибудь по политическим и иным мотивам, а также сама такая расправа. 2. Запугивание с угрозой насилия и с его физическим применением [8, с. 695].

- 1. Устрашение своих политических противников, выражающееся в физическом насилии, вплоть до уничтожения; 2. Жесткое запугивание, насилие [13, с. 796].

«Терроризировать»: 1. Преследовать, угрожая физической расправой. 2. Запугивать, держа в состоянии страха [8, с. 695].

«Террорист»: 1. Участник или сторонник террора. 2. Бандит, добивающийся своих целей путем захвата заложников и угроз применения к ним насилия вплоть до их физического уничтожения [8, с. 695].

Терроризм как высшая форма проявления человеконенавистничества относится к безусловной антиценности. В словаре Ю. С. Степанова «Константы: словарь русской культуры» концепту «Терроризм» посвящена объемная глава. Автор словаря разгадывает этимологию русского терроризма, проводя параллели с международным терроризмом, вскрывая его принципы, разлагающие человека: безнравственность или недостаток нравственного содержания жизни, жизнь без идеалов, без любви, ненависть, возведенная в культ, в абсурд, потеря Бога и т. д. [16, с. 931–932]. (Неслучайным мы считаем и «соседство» константы с такими концептами, как «Абсурд» и «Весь мир – театр»).

Русский терроризм, по Степанову, многолик: он сродни революции, «русскому бунту, бессмысленному и беспощадному». У него две крайности: жизнь без идеала, и, напротив, «жизнь во имя абсолютного идеала» [16, с. 931], малопонятного, но такого притягательного, делающего террориста «героем» в его сознании. Вдохновителей и исполнителей террористических (экстремистских) актов уже давно называют «крайними» – людьми, кому неведом компромисс и толерантность: «от них не жди никаких уступок ни здравому смыслу, ни человеческому чувству, ни истории» [16, с. 931]. Их «алкание» несбыточного абсолютного идеала «ненасытимое», и в этой страсти они подобны бесноватым безбожникам.

В процессе анализа статьи прорисовывается пространство концепта «Терроризм» через выраженные имплицитно, тонко соединенные с ним концепты «Война», «Зло», «Государство», «Власть», «Карьеризм», «Ненависть», «Убийство»/«Убивание», во многих из которых четко просматривается антиценностная составляющая. Отрицательная коннотация этой концептуальной линии еще больше оттеняется через лингвокультурную оппозицию с такими концептами, как «Мир», «Любовь», «Бог», «Душа», «Нравственность», «Мать», включенными в описательную часть значения концепта «Терроризм».

Кроме того, нас особенно заинтересовал гендерный аспект явления через противопоставление терроризма и женщины как участника и «вдохновителя» террористического акта, описанного в статье: «мы можем представить себе политический заговор; ... мы можем представить, что женщина участвует в этом заговоре. Но чтобы женщина становилась во главе заговора, ... чтобы женщина, сделавшись душой заговора, бежала смотреть на его последствия, становилась в нескольких шагах от места злодеяния и любовалась делом рук своих, – такую роль женщины обыкновенное нравственное чувство отказывается понимать» [16, с. 926] (из речи прокурора о С. Л. Перовской). Сегодня мы знаем случаи осуществления женщиной (возможно, женщиной-матерью) самых страшных террористических действий, жертвами которых стало мирное население разных стран, в том числе и дети.

Идея актуализации концепта «Терроризм» получила свое развитие в устойчивых единицах, сформировав иерархично выстроенные структурно-семантические части (группы, подгруппы) данного концепта, которые укладываются в общее представление об этом явлении и соотносятся со словарными дефинициями.

1. Безусловная антиценность терроризма (политический аспект):

1) Терроризм как следствие несостоятельности органов государственной власти и ее представителей (продуктивная группа):

Уж брата Ленина живут теперь дела в бравадах смертоносных террористов; Терроризм – это не ислам и не афганцы с чеченцами. Терроризм – это то, что начинается у нас на кухне и продолжается у нас в думе; То, что Басаев жив и продолжает пачками взрывать представителей власти, говорит о распутности ФСБ; В России странные границы: где-то и мышь не проскользнёт, а где-то свободно проходят вооруженные до зубов арабы; Непонятно, зачем нужна гигантская армия, не умеющая за десятки лет справиться с кучкой террористов.

Речь Владимира Путина на встрече с журналистами в Астане: «Будем преследовать террористов везде. В аэропорту – в аэропорту. Значит, вы уж меня извините, в туалете поймает – и в

сортире их замочим, в конце концов!» породила несколько афоризмов:

Владеть немецким и татарским языками – дело хорошее, но мочить террористов в сортире было бы лучше;

Продаются замоченные террористы. Дешево, т.к. условия замочки не всегда соответствуют ГОСТу. Спросить Вову.

2) Терроризм как следствие несостоятельности политики государства:

Терроризм, как и любая агрессия – стихийные бедствия, возвращённые зашедшей в тупик политикой.

3) Терроризм как антидемократическая идеология:

С ростом терроризма разрешающая способность демократии заметно падает.

4) Терроризм как проявление (или насаждение) страха в обыденном сознании:

Раньше самолеты взлетали в воздух, а сейчас всё чаще – на воздух; Есть самолёты, после которых не до девушек.

2. Мнимая «ценность» терроризма:

1) Терроризм как псевдогероизм:

Террорист входит в вечность через ослепительную яркость одного мгновения.

2) Терроризм как театральное действо:

Террористы хотят сделать хорошую мину при плохой игре; Хлопушка – любимая шутка террориста.

3) Терроризм как «источник» доверия, правды:

Мир больше всего доверяет тому, что говорят террористы. Видимо, потому что эти **уроды** являются единственными последовательными правдолюбями, которые всегда делают то, что говорят.

4) Терроризм как панацея и решение проблем:

Террористы, возможно, решают задачу: какой градусности должна быть водка, чтобы все пьющее население России вымерло за пару месяцев.

3. Виды терроризма (группы условно названы нами в зависимости от цели, способа террористических действий, причины и т. п.):

1) Религиозный терроризм:

БОГ – Боевая Организованная Группа; Терроризм – это религия ненависти; Большинство террористов либо атеисты, либо фанатики.

2) «Международная» сущность терроризма:

Терроризм – внебрачное дитя дружбы народов.

3) Национальные особенности терроризма:

Раньше если гора не шла к Магомету, то Магомет шел к горе. Теперь Магомет такую гору взрывает.

4) Идеологически заданный, социальный (революционный) терроризм:

Любая революция родственница терроризму; Терроризм всегда преследует политические цели, хотя и может прикрываться второстепенными.

4. Антикультурная природа терроризма (терроризм как явление антикультуры, процесс, искажающий ход истории) (одна из продуктивных групп):

Еще остались бои, дошедшие до нас со времён дикости; Льющей кровью верой наивных управляет расчёт циничных; Пролитая кровь точно так же может быть символом беспомощности, как и разбитое окно; Где-то живут дикари, взрывающие в воздухе самолеты; Если даже двадцать лайнеров врежутся в пирамиду Хеопса, то с ней ничего не будет; Террорист нагло сует палку в колесо истории.

Таким образом, наше исследование показало, что устойчивые единицы данной тематики представляют заметный запас в фольклорном сознании современных носителей языка, выраженный в публицистической сфере. Реализованные в речи, эти фольклорные единицы актуализируют концепт «Терроризм» в языковой (конкретнее, во фразеологической) картине мира, и данный концепт можно рассматривать как структурную составляющую концептосферы «Война/Мир», как концепт, тесно пересекающийся с антиценностной группой концептов «Зло», «Ненависть», «Убийство»/«Убивание» и другими и противопоставленный концептам «Любовь», «Бог», «Душа», «Нравственность».

Анализ лексикографических, интернет-изданий и дефиниционный анализ концепта показал, что современным словарям, на наш взгляд, необходимы дополнения в определении понятия «Терроризм». Дефиниция получила бы существенное уточнение, если включала бы в определение расшифровку террористических действий с конкретизацией видов, целей, причин, которые, по нашему мнению, являются сущностными признаками терроризма и знание которых позволяет эффективно бороться с этим явлением.

Думается, что актуализация темы терроризма на лингвистическом уровне – процесс не случайный, поскольку слово и культура находятся в непрерывном сотрудничестве: «имеется тесная связь между жизнью общества и лексикой языка, на котором оно говорит» [2, с. 14]. Необходимо отметить также, что данные идиоматические единицы еще раз продемонстрировали способность «говорить» на острые, современные темы и

«оживлять» их в сознании носителя языка, тем самым приоткрывать тайны своей востребованности и «крылатости» – быстрое отражение насущных проблем.

К сожалению, терроризм стал активной составляющей жизни современного общества, вспомним фразу Ю. С. Степанова: «Терроризм как быт российского общества» (выделено нами – Л.К.). Это то, что бытует, что с нами каждый день, что касается каждого из нас. Лингвокультурологическая реализация концепта «Терроризм» – это отражение явления в сознании, это ответ на вопрос: «Не является ли терроризм психологической «Константой»?», которым завершает разговор на эту тему Ю. С. Степанов.

Да, терроризм сегодня, как и всегда, – явление психологическое, культурологическое и лингвокультурное, социальное, историческое, политическое. Сложная неоднозначная природа терроризма, его тысячелетняя история, уходящая корнями в эпоху ассасинов (сект «фидаев», обреченных) [16, с. 935–936], определили его жизнестойкость, интернациональность, большую воздействующую устрашающую силу. Задача нашего времени и нашего поколения не из простых: перевести терроризм из явления бытового в неординарное, лишить его статуса константы, противопоставить его «морали» культуру добра, нравственности, помня современный афоризм: «Лучшая борьба с террором – убить террориста в себе».

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000.
2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа: сборник: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1984.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: ТЕРРА, 1994.
5. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – 7-е изд. – М.: Русский язык, 2000.
6. Кацюба Л. Паремии концептосферы «дружба» в языковом сознании носителей русской культуры // Езикът и културата в съвременния свят: материали от Международната научна конференция, проведена в Университет «Проф. Д-р Асен Златаров». Бургас на 22 и 23 юни 2012 г. – составители М. Парзулова, К. Цанков. – Велико Търново, ИК «Знак 94», 2012. – С. 244–251.
7. Кацюба Л.Б. Русские паремии: лингвокультурологический словарь-справочник. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2010.
8. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Изд-во Эксмо, 2007.

9. Кубрякова Е.С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник ВГУ, 2001. В. 1. – С. 4–10.
10. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования: монография / под общ. ред. проф. С.Г. Воркачева. – Волгоград: ВолГУ, 2007.
11. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Толковый словарь современного русского языка. – М.: Эксмо, 2008.
12. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений / под общ. ред. проф. В.М. Мокиенко. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007.
13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук: Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. – М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2003.
14. Прохоров Ю.Е. Россия. Большой лингвострановедческий словарь: ок. 2000 реалий истории, культуры, природы, быта и др. – М.: Аст-Пресс Книга, 2007.
15. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотипное. – М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999.
16. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004.
17. Телия В.Н. Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии // Национально-культурный компонент в тексте и в языке. Тезисы докладов межд. науч. конф.: в 2 ч. – Ч. 1. – Мн.: «Універсітэцкае», 1994. – С. 14–15.
18. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. проф. Д. Ушакова. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2007.
19. [Электронный ресурс]: <http://aphorisms.org.ru/themes/theme-700/showlist-1.html>
20. [Электронный ресурс]: <http://www.libreria.ru/aphorismes/topics/940/>
21. [Электронный ресурс]: http://www.aphorism.ru/700_2.shtml

**Лингвофилософская концепция В. фон Гумбольдта
в контексте развития лингвокультурологии**

**W. von Humboldt's linguophilosophical conception
in the context of cultural linguistics development**

В статье рассматриваются идеи лингвофилософской концепции Гумбольдта, касающиеся его учения об отражении в языке глубинных и устойчивых черт национальной культуры; аргументируется антропологическая направленность исследования языка и ее значимость в становлении лингвокультурологии.

This article examines the W. von Humboldt's ideas of linguophilosophical conception concerning his teaching about the reflection of profound and stable features of national culture in the language. The anthropological orientation of language study and its significance in linguistic and culturological formation are also considered here.

Ключевые слова: язык, человек, культура, лингвофилософская концепция, антропоцентризм, лингвокультурология.

Key words: language, people, culture, linguophilosophical conception, anthropocentrism, linguistics and studies.

Лингвокультурология включает в свою область последовательное проведение антропологического подхода к языку, выдвигая на первый план направление на изучение тесной взаимосвязи языка и культуры. В настоящее время она сформировалась как научная филологическая дисциплина синтезирующего типа, использующая данные других гуманитарных наук, необходимых для объективного описания культурного нравственного опыта и национальной ментальности в сопоставительном аспекте, которые представлены на языковом уровне непосредственно с концептами национальной культуры. Получить адекватное представление о природе языка возможно лишь исходя из сущности человека, осознающего свою роль в мире и культуре. Культура формирует и организует мысль языковой личности, формирует и языковые категории, и концепты. Таким образом, в лингвистике конца XX века стало возможным принять следующий постулат, который вытекает из достижений как русских, так и зарубежных ученых: язык тесным образом связан с культурой, он произрастает из нее, развивается в ней и выражает ее.

Во многих отечественных языковедческих работах эксплицитно провозглашается принцип постижения языка в тесной связи с «бытием человека» [10, с. 29]. Язык является не только средством общения, но и воплощением духовного и материального опыта народа, отражением этно-исторической среды и в то же время средством воздействия на этническое мировосприятие. В. А. Маслова определяет язык как важнейший фактор культуры, он ее составная часть, наследуемая нами, и одновременно ее орудие. Культура народа вербализуется в языке, именно язык аккумулирует ключевые концепты культуры, транслируя их в знаковом воплощении – в словах. Создаваемая языком модель мира есть субъективный образ объективного мира, она несет в себе черты человеческого способа миропостижения. Репрезентация действительности в виде национально-культурных концептов все более связывается с проблемой систематизации семантических единиц, акцентирующих лингвокультурологический аспект языка. «Жизнь» языка, его содержание, понятийные категории неразрывны с самой сутью этноса и его истории.

В том же русле почти сто пятьдесят лет назад пытался направить учение о языке и Вильгельм фон Гумбольдт, когда утверждал о необходимости рассматривать язык не только как средство общения, а как орудие мыслей и чувств народа. «Народ» (или «нация»), как утверждает Гумбольдт, является формой индивидуализации общечеловеческого духа и имеет «языковой» статус. Языки – органы оригинального мышления наций, народов и других социальных общностей. В своих трудах «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода», «Характер языка и характер народа», «Лаций и Эллада» и др. Гумбольдт сформулировал положение о взаимосвязи характера языка и характера народа, разрешил многие кардинальные проблемы языкознания, в том числе и взаимосвязь внутренней формы языка и культуры этноса. Широкую известность получили его утверждения о том, что «разные языки по своей сути, по своему влиянию на разные чувства являются в действительности различными мировидениями, ... своеобразие языка влияет на сущность нации, поэтому тщательное изучение языка должно включать все, что история и философия связывают с внутренним миром человека» [4, с. 370–377]. Исследуя характер греческого языка в работе «Лаций и Эллада» Гумбольдт пишет: «Всякое изучение национального своеобразия, не использующее язык как вспомогательное средство, было бы напрасным, поскольку только в языке запечатлен весь национальный характер» [5, с. 303]. Новизна подобного подхода состояла в том, что за различными языковыми формами ученый видел различия в способах мышления и

восприятия действительности и сделал вывод о том, что в языке воплощается своеобразие культуры.

В учении Гумбольдта, язык есть «народный дух», он «само бытие народа» и реальность культуры, ибо только через язык человек может познать культуру. В подтверждение этой мысли В.А. Звегинцев в своих комментариях приводит слова великого мыслителя: «Духовное своеобразие и строение языка народа настолько глубоко проникает друг в друга, что, коль скоро существует одно, другое можно вывести из него. Умственная деятельность и язык способствуют созданию только таких форм, которые могут удовлетворить их обоих» [6, с. 360]. Единицы языка (в том числе слово, фразеологические единицы, поговорки и др.) являются лишь сигналами, функция которых – побудить человеческое сознание, затронуть в нем определяемые концепты, готовые откликнуться на этот сигнал (А.А. Потебня, Л.В. Щерба, А.Р. Лурия, А.А. Леонтьев). «Принявши... дух в смысле сознательной умственной деятельности, предполагающей понятия, которые образуются только посредством слова, мы увидим, что дух без языка невозможен, потому что сам образуется при помощи языка и язык в нем есть первое во времени событие» [11, с. 37].

Главные проблемы учения Гумбольдта связаны с определением роли языка в становлении мироощущения и мировоззрения человека как феномена культуры. За различными языковыми формами Гумбольдт видел не только различные способы мышления и восприятия действительности, но, более того, воплощение в языке своеобразия культуры. Гумбольдт утверждал, что разные языки – это разные видения мира. «Разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее; и если вещь эта не является предметом внешнего мира, каждый [говорящий] по-своему ее создает» [3, с. 349].

В трактовке Гумбольдта язык не представляет собой прямого отражения мира. В нем осуществляются акты интерпретации мира человеком. Слово – это отпечаток не предмета самого по себе, а «его чувственного образа», созданного этим предметом в нашей душе в результате языкотворческого процесса. Оно эквивалентно не самому предмету, а его пониманию в акте языкового созидания. Всякий язык, обозначая отдельные предметы, в действительности созидает; он формирует для говорящего на нем народа картину мира. «Каждый язык образует вокруг народа, к которому он принадлежит, круг, выйти за пределы которого можно, только вступив в другой круг» [5, с. 80]. Язык, будучи системой мировидения, оказывает регулирующее воздействие на человеческое поведение: человек обращается с предметами так, как их преподносит ему язык.

С точки зрения Гумбольдта, своеобразие каждого языка представляет собой единство внешней (звуковой) и «внутренней формы», т. е. определенной конфигурации семантического устройства языка. Раз за разом Гумбольдт показывает, что различия в строе языков, будь то языки изолирующее (такие, как китайский), агглютинативные (такие, как тюркские) или флективные (индоевропейские), означают различия в способе описания действительности [9, с. 18]. Каждый язык, по Гумбольдту, предлагает свой взгляд на действительность, а значит, создает свою «картину мира». Более того, каждый человек обладает своим собственным языком, и поэтому речь каждого человека – отражение его личного взгляда на мир.

Интерпретация Гумбольдтом о свойственном каждому языку способе концептуализации действительности в последнее время обстоятельно соотнесена с все шире разрабатываемой тематикой взаимоотношения культурной (понятийной, концептуальной) и языковой картин мира. В работе Е.С. Кубряковой «Роль словообразования в формировании языковой картины мира» утверждается, что концептуальная и языковая картины мира соотносятся друг с другом как целое с частью. Языковая картина мира – это часть культурной (концептуальной) картины, хотя и самая существенная. Однако языковая картина беднее культурной, потому что в создании последней участвуют, наряду с языковым, и другие виды мыслительной деятельности. «Наиболее адекватным пониманием картины мира является ее определение как исходного глобального образа мира, лежащего в основе мировидения человека, репрезентирующего сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющегося результатом всей духовной активности человека» [7, с. 21]. Под влиянием культурной картины мира в процессе коммуникации происходит познание объективного мира.

Существенные особенности языка и культуры вскрываются при сравнительном изучении языков и культур. Если языковой барьер абсолютно очевиден, то барьер культур становится явным только при столкновении с чужими обычаями, традициями, менталитетом, отличными от нее. Только выйдя за рамки своей культуры, то есть, столкнувшись с иным мировоззрением, мироощущением можно понять специфику своего общественного сознания, можно увидеть различия или конфликт культур. Именно эта необходимость перестройки мышления, перекраивания собственной, привычной, родной картины мира по чужому, непривычному образцу и представляет собой одну из главных трудностей (в том числе и психологическую) овладения иностранным языком. Изучающий иностранный язык проникает в культуру носителей этого языка и подвергается воздействию заложенной в нем культуры. На первую

картину мира родного языка и родной культуры накладывается вторичная картина мира изучаемого языка. Вторичная картина мира, возникающая при изучении иностранного языка и культуры, – это не столько картина, отражаемая языком, сколько картина, создаваемая языком. Следовательно, путь от реального мира к понятию и далее к словесному выражению различен у разных народов, что обусловлено различиями в истории, географии, особенностях жизни этих народов и, соответственно, различиями их общественного сознания. Таким образом, язык, мышление и культура взаимосвязаны настолько тесно, что практически составляют единое целое, состоящее из этих трех компонентов, ни один из которых не может функционировать (а следовательно, и существовать) без двух других. Все вместе они соотносятся с реальным миром, противостоят ему, зависят от него, отражают и одновременно формируют его.

Концепция Гумбольдта получила своеобразную интерпретацию в работе А.А. Потебни «Мысль и язык», в трудах Ш. Балли, Ж. Вандриеса, И.А. Бодуэна де Куртэ, Р.О. Якобсона, а также в неогумбольдтианстве (особенно в школах Сепира – Уорфа и Й.Л. Вайсгербера). Вайсгербер писал, что каждый язык обладает присущим ему космосом понятий и мыслительных форм. Во второй половине XX века проблему взаимодействия языка и культуры пытаются решить многие отрасли лингвистики – она исследуется в межкультурной коммуникации (60-е годы, США), лингвострановедении (70-е годы), лингвокультурологии (90-е годы), антропологической лингвистике. Базируясь, учитывая или отталкиваясь от классических теорий взаимоотношения языка и культуры, современные лингвокультурологи (А. Вежбицкая, Е.М. Верещагин, В.В. Воробьев, Д.Б. Гудков, Ю.Н. Караулов, Г.В. Костомаров, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, Е. И. Кукушкина, В.А. Маслова, Ю.Е. Прохоров, В.Н. Телия, С.Г. Тер-Минасова и др.) развивают, переосмысливают, уточняют представления о языке как лингвокультурного компонента.

Лингвокультурология, по определению В.Н. Телия, «ориентирована на культурный фактор в языке и языковой фактор в человеке» [8, с. 42]; здесь исследуется то культурное содержание, которое отложилось в значении языкового знака и составляет своего рода культурную память нации. Следовательно, важнейшим результатом лингвокультурологического описания должно стать создание «национального образа мира». В.Н. Телия определяет лингвокультурологию как часть этнолингвистики, которая исследует и описывает соответствия языка и культуры в их синхронном взаимодействии. «Объект лингвокультурологии изучается на

«перекрестке» двух фундаментальных наук: языкознания и культурологии» [12, с. 222]. С точки зрения В.Н. Телия, главной сферой интересов лингвокультурологии «является изучения способов воплощения в живом национальном языке материальной культуры и менталитета этноса, рассмотрение взаимодействия языка и общечеловеческих форм культуры, исследование языковых процессов через взаимосвязь с этнической культурой» [12, с. 216].

Наиболее полно в современной отечественной лингвистике теоретико-методологические основания лингвокультурологии изложены в работе В.В. Воробьева «Лингвокультурология: теория и методы» [1, с. 97]. Лингвокультурология, как считает В.В. Воробьев, «исследует живые коммуникативные процессы порождения и восприятия речи, опыт языковой личности и национальный менталитет, дает системное описание языковой картины мира и обеспечивает выполнение образовательных и воспитательных интеллектуальных задач обучения» [2, с. 125]. Исследование выполнено В.В. Воробьевым в традициях гумбольдтианства: изучение культуры, воплощенной в языке, предлагается проводить на основе гипотезы Сепира-Уорфа, а также активно используется терминология, введенная Й.Л. Вайсгербером.

Лингвокультурология рассматривается В.В. Воробьевым как теоретическая база лингвострановедения: она определяется как комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании. Предметом данной дисциплины являются «национальные формы бытия общества, воспроизводимые в системе языковой коммуникации и основанные на его культурных ценностях», все что составляет «языковую картину мира» [1, с. 32]. В.В. Воробьев вводит основную единицу лингвокультурологического анализа – лингвокультурему, определяя ее как диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного и предметного) содержания» [1, с. 44–45]. Для описания различий между словом и лингвокультуремой используется категория «ближайшего/дальнейшего значения слова» А.А. Потебни. План её содержания дробится на языковое значение и культурный смысл. Однако, в теории Воробьева не раскрываются механизмы того, где и как прикрепляется культурная информация и как она «работает» в языке, а указывается лишь на факт ее наличия в языковом знаке, что известно еще со времен Гумбольдта.

Важный источник культурной маркированности – вовлеченность языковых единиц в определенный тип дискурса. В этой связи представляют интерес те понятия, которые имеют

непосредственное отношение к лингвокультурному анализу художественного текста. Прежде всего – это культурная универсалия, которая, с одной стороны, обращена к вещному миру, а с другой – к национально-культурным проблемам этноса. Текст – это истинный стык лингвистики и культурологии, так как он принадлежит языку и является его высшим ярусом, в то же время текст есть форма существования культуры. А лингвокультурология как раз и рассматривает язык как систему воплощения культурных ценностей.

Понимание сложности лингвокультурных связей обусловило появление нового направления лингвистических изысканий, концентрирующегося вокруг триады: язык – национальная личность – культура, поскольку отношения языка и культуры, как определяет Е.Ф. Тарасов, могут быть адекватно поняты только в контексте более широкой проблемы, которую условно можно было бы обозначить как «человек и культура». Речь в данном случае идет о лингвокультурологическом подходе к изучению языка. В содержание лингвокультурологического исследования входит изучение языкового выражения уклада жизни и традиций народа. Менталитет народа как «психологическая детерминанта поведения миллионов людей, как некий инвариант социально-культурных изменений» [1, с. 305], также попадает в сферу интересов лингвокультурологии, поскольку манифестируется в языке. К лингвокультурологическим относятся и чисто лингвистические работы, осуществляющие выход в экстралингвистические сферы и занятые поиском когнитивных, культурных и социальных объяснений фактам языка. Неизбежность опоры на внеязыковую реальность обусловлена пониманием того, что полное описание языковых структур, создание целостного и полнокровного «образа языка» (Ю.С. Степанов) невозможно без обращения к лингвокультурологической проблематике.

Таким образом, в статье исследована своеобразная интерпретация лингвофилософской концепции Гумбольдта, утверждающей изначальное единство языка и культуры. Изучение культур невозможно, с точки зрения Гумбольдта, без анализа специфических особенностей языка, так как язык каждой нации является инструментом познания мира. Антропоцентрическая направленность исследования языка, открытая Гумбольдтом, стала сегодня актуальной в гуманитарном знании и нашла свое продолжение в становлении такой науки как лингвокультурология в теориях В.В. Воробьева, В.Н. Телия, Е.С. Кубряковой, Ю.С. Степанова, В.А. Масловой, Е.Ф. Тарасова, А. Вежбицкой и др.

Список литературы

1. Воробьев В. В. Лингвокультурология: теория и методы. Монография. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
2. Воробьев В. В. О статусе лингвокультурологии // Русский язык, литература и культура на рубеже веков: 9 Межд. Конгресс МАЯПРЯЛ. 1. Тез. докл. и сообщ. – Братислава, 1999. Т. 2. – С. 125–126.
3. Гумбольдт В. фон. Об изучении языков, или план систематической энциклопедии всех языков. // Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – С. 346–350.
4. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
5. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
6. Звегинцев В.А. О научном наследии Вильгельма фон Гумбольдта // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 356–363.
7. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 164–182.
8. Маслова В.А. Homo lingualis в культуре. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
9. Москвин А. Ю. Большой словарь иностранных слов. – Изд-во Центрполиграф: ООО «Полюс», 2001. – 816 с.
10. Постовалова В.И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культурологии. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 25–33.
11. Потебня А.А. Мысль и язык. 4-е изд. – Одесса: Гос. издательство Украины, 1992. – 185 с.
12. Телия В.Н. Русская фразеология семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

Гипертекст как объект лингвистического исследования**Hypertext as a subject of linguistic research**

Данная статья посвящена истории возникновения и развития гипертекста как явления технического, социального и лингвистического. В статье также рассматриваются элементы гипертекста, его структурные составляющие и принципы, присущие данному типу текста.

This article is devoted to the history of the hypertext and its development as a technical, social and linguistic phenomenon. The article also considers the elements of the hypertext, its structural components and principles specific to this type of the text.

Ключевые слова: гипертекст, гиперссылка, нелинейный текст, ризома, когезия и когерентность, постмодернизм.

Key words: hypertext, hyperlink, non-linear text, rhizome, cohesion and coherence, postmodern.

Кажется очевидным, что понятие «гипертекст» прежде всего связано с созданием всемирной «паутины» Интернет (WWW) в 1990-м году. Однако, идея о гипертексте не так нова, как это может показаться на первый взгляд. Впервые идея гипертекста как метода хранения данных возникла в 1940-х годах. Эта идея была сформулирована Ванневаром Бушем, советником по науке при президенте Рузвельте. В статье «As we may think», опубликованной в журнале «Atlantic Monthly», Буш указывал на несоответствие способов обработки и хранения информации «внутри» (человеческая память ассоциативна и нелинейна) и «вовне» (например, каталоги библиотек упорядочены в алфавитном порядке, т.е. линейно). Для избавления от такого противоречия Буш мечтал создать электромеханическую систему, в которой информация хранилась бы так же, как она хранится в человеческой памяти. Исходя из этого Буш сформулировал принцип ассоциативной индексации который определил как «механизм, благодаря которому любой элемент информации может служить отправной точкой для немедленного автоматического выбора любого другого элемента информации». Действие такого механизма Буш описал в виде машины, названной им the Memex [2].

Само понятие «гипертекст» было введено в употребление в 1965-м году программистом, математиком и философом Теодором Нельсоном и обозначало документ, составленный из фрагментов текста таким образом, что эти фрагменты можно читать не в одном определенном порядке, а разными путями – в зависимости от интересов читателя. Читатель сам вправе выбирать путь прочтения документа, сам определяет «маршрут следования» по документу или нескольким документам при помощи гиперссылок – указаний на другие фрагменты текста [3].

Нельсон сформулировал это следующим образом: «Под гипертекстом я понимаю непоследовательное сочинение – текст, который разветвляется и позволяет читателю выбирать. Проще говоря, это ряд кусков текста, соединенных linkами, предлагающими читателю различные пути» [3].

Идея нелинейного текста (гипертекста), предложенная Нельсоном, не является чем-то новым, ранее неизвестным. Напротив, нелинейная (гипертекстовая) форма предоставления информации, знания традиционна для религиозных писаний. Примером такого гипертекста может служить Библия. Библия состоит из Книг Старого Завета и Книг Нового Завета. Книги разбиты на стихи, пронумерованные в пределах каждой книги. Многие стихи сопровождаются ссылками на другие стихи этой же или других книг Библии. Это позволяет читать Библию «нелинейно» [4]. Помимо Библии, примерами нелинейного текста (гипертекста) может послужить любая энциклопедия, инструкция по применению, словарь, учебник, сборник научных статей и т. д.

Нельсон полагал, что «главной характерной чертой гипертекста является отсутствие непрерывности – прыжок: неожиданное перемещение позиции пользователя в тексте». Ссылка (линк) в гипертексте, по мнению Михаила Визеля, это своего рода материализовавшаяся коннотация, аллюзия в обычном тексте. Такая синтагматизация парадигматических связей есть не что иное, как живое воплощение процесса смены «гутенберговой цивилизации» (текст рассматривается как феномен письменной культуры) «цивилизацией образа»: аллюзия и намеки огрубляются, визуализируются, вытаскиваются на поверхность [1].

С появлением сети Интернет в 1990 основной средой использования гипертекстов является непосредственно сеть Интернет. «Виртуальная паутина» была создана Тимом Бернерсом-Ли, который создал первый в мире web-site «info.cern.ch» в 1990 году (калька с английского web-паутина, site-место). На сайте было опубликовано описание новой технологии

WWW (World Wide Web), основанной на протоколе HTTP, системе адресации URI и языке гипертекстовой разметки HTML (Hypertext Mark Up Language). Именно разработанный Бернерсом-Ли и его коллегами язык гипертекстовой разметки сделал гипертекст удобным и понятным для человека инструментом поиска информации в сети Интернет [5].

Так как гипертекстуальность является одной из основных категорий постмодернизма, то является совершенно логичным рассматривать гипертекст через призму постмодернизма. Американский критик Ихаб Хассан называет целый ряд признаков постмодернизма: 1) неопределенность; 2) фрагментарность и принцип монтажа; 3) деканонизация; 4) отсутствие психологических и символических глубин; 5) отказ от мимесиса (подражание действительности) и изобразительного начала; 6) ирония; 7) стилевой синкретизм; 8) театральность, работа на публику, обязательный учет аудитории; 9) срастание сознания со средствами коммуникации [1].

На сайте «Электронный лабиринт» дается следующее определение гипертекста. «Гипертекст – это представление информации как связанной сети гнезд, в которых читатели свободны прокладывать путь нелинейным образом. Он допускает возможность множественности авторов, размывание функций автора и читателя, расширенные работы с нечеткими границами и множественность путей прочтения» [6]. Как можно видеть из данного определения оно напрямую перекликается с признаками постмодернизма, предлагаемыми Ихабом Хассаном. Так «неопределенность» по Хассану находит свое отражение в «нелинейности, нечеткости границ и размывании функций»; «фрагментарность и принцип монтажа» находит отражение в определении гипертекста данного Нельсоном «отсутствие непрерывности»; принципы: театральности, стилевого синкретизма и срастания сознания со средствами коммуникации – есть не что иное как разнородность и мультимедийность.

Помимо принципов предложенных Ихабом Хассаном необходимо упомянуть еще один принцип присущий постмодернизму – принцип ризомы. Согласно определению предложенному электронным словарем «Академик», «ризома – это понятие философии постмодернизма, фиксирующее принципиально внеструктурный и нелинейный способ организации целостности» [7]. Термин «ризома» был введен в философию в 1976 году французским философом Жилем Делезом. Насколько это можно видеть из определения понятия «ризома – нелинейный способ

организации целостности», то окажется очевидным, что для определения понятия гипертекст ризома выступает в качестве одного из основных принципов его организации. И действительно, если обратиться к определению гипертекста предложенного Теодором Нельсоном: «гипертекст – это текст, который разветвляется и позволяет читателю выбирать», то можно непосредственно заметить ключевое слово, определяющее ризому, «разветвляется». Таким образом, ризома является неотъемлемой характерной чертой присущей гипертексту. В свою очередь, так как принцип ризомы – это нелинейный способ организации целостности, разветвленность, то можно сказать, что гипертексту присущи такие категории текста как когезия и когерентность. Осуществление принципов когезии и когерентности в линейном тексте позволяет добиться его связности и целостности. Для гипертекста такие параметры как целостность и связность так же является жизненно необходимым. В отличие от линейного текста, когезия и когерентность в гипертексте достигается при помощи гиперссылок (линков), позволяющих каждому читателю выстраивать свой собственный текст.

Гиперссылки (линки), которые «создают» гипертекст, позволяют выбирать «маршрут прочтения» и, таким образом, позволяют реализовать в гипертексте принципы когезии и когерентности. Иначе говоря, позволяют добиться целостности гипертекста и связности его фрагментов. Гиперссылка в гипертексте в сети Интернет представляет собой средство достижения когезии и когерентности (связности фрагментов гипертекста). Для гипертекста более значимым принципом является когезия (связность), а не когерентность (целостность), так как гипертекст относительно безграничен и куски гипертекста могут не составлять единое целое, но они являются связанными друг с другом при помощи гиперссылок. Можно сделать вывод, что гиперссылки представляют собой средство достижения в большей степени когезии, чем когерентности.

Рассмотрев различные точки зрения по определению понятия гипертекст и его компонентов, можно сделать вывод, что гипертекст это, с одной стороны, непосредственно, линейный текст, который представляет собой гораздо более сложное единство. Гипертекст содержит в себе фрагменты линейных текстов связанных друг с другом ссылками (линками), которые позволяют реализовать принципы когезии и когерентности. С другой стороны, гипертекст – это нелинейный текст, так как он содержит в себе элементы нелинейного письма (гиперссылки, линки). Гипертексту присущ

принцип ризомы (множественности, разветвленности) и, соответственно, определенной бесконечности и безграничности, границы гипертекста размыты. И так, гипертекст – это текст, который обладает всеми характеристиками линейного текста, но значительно расширяет возможности читателя, предоставляет ему право выбора, «пути прочтения» и, таким образом создания своего уникального текста.

Список литературы

1. Визель М. Гипертексты по ту и эту стороны экрана. // Иностранная литература. – 1999. – № 10. – URL: <http://www.netslova.ru/viesel/visel-ht.html> (дата обращения: 31.03.2014).
2. Bush W. As we may think. // Atlantic monthly. – V.176, 1945, № 1. – URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/1945/07/as-we-may-think/303881/2/> (дата обращения: 31.03.2014).
3. Nelson T.N. A file structure for the complex, the changing, and the indeterminate //in: ACM 20th National Conference – Proceedings (Cleveland, Ohio, 1965). – URL: <http://rogerclarke.com/II/Nelson-1965.pdf> (дата обращения: 31.03.2014).
4. Эпштейн В. Л. Введение в гипертекст и гипертекстовые системы. – URL: <http://www.lingvolab.chat.ru/library/hypertext.htm> (дата обращения: 31.03.2014).
5. Википедия. Свободная энциклопедия. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Бернерс-Ли,_Тим (дата обращения: 31.03.2014).
6. The Electronic Labyrinth. – URL: <http://www2.iath.virginia.edu/elab/hfl0037.html> (дата обращения: 31.03.2014).
7. Академик. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/history_of_philosophy/432/РИЗОМА (дата обращения: 31.03.2014).

Глагольные значения синкретических форм с предметным значением имени существительного

В статье рассматриваются синкретические формы типа существительное / глагол в английском языке. На основании классификации глагольных действий анализируются значения в группе с предметным значением имени существительного.

The article deals with the study of the syncretic forms type noun / verb in English. Based on the classification of verbal actions meanings are analyzed in the group of the object meaning nouns.

Ключевые слова: синкретизм, синкретические формы, глагольное значение, семантика.

Key words: syncretism, syncretic forms, verbal meaning, semantics.

Глагольный синкретизм или синкретизм основ с глагольным значением представляет собой одну из разновидностей синкретических форм. В английском языке синкретические формы типа существительное/глагол составляют самую многочисленную группу. Эти формы заключают в себе два категориальных значения – глагола и существительного. По мнению С.Л. Чарекова, возникновение глагольного синкретизма связано с историей формирования категории глагола: «допустимо предположить, что исторически простейшее действие и простейший предмет могли обозначаться одним и тем же грамматически никак не дифференцированным словом» [1, с. 19]. Такое предположение дало основание построить схему развития глагольного значения в зависимости от характера номинативного значения данной синкретической формы и выделить существительные в четыре группы: предметные, предметно-конкретные, непредметно-конкретные и отвлеченные [1, с. 20–21]. В перечисленных группах степень конкретности снижается от группы к группе и усиливается степень отвлеченности. Самой существенной характеристикой глагольных значений синкретических форм данного типа является их тесная, прямая связь со значением существительного.

Традиционные семантические классификации включают глаголы движения, глаголы речи и т. п., то есть представляют собой излишне детализированные системы, которые затрудняют выявление общих закономерностей. Классификация глагольных значений строится на том же принципе от конкретного к более

опосредованному (в данном случае действия), как и классификация существительных от предметных к отвлеченным. Глагольные значения всех синкретических форм выделены в пять типов действий, обозначаемых ими: 1) действие при помощи предмета, обозначенного исходной синкретической основой, 2) действие, направленное на предмет, обозначенный основой, 3) действие самого предмета, обозначенного основой, 4) действие, производящее предмет, обозначенный основой, 5) действие в сфере предмета, обозначенного основой [1, с. 8]. В этом случае классифицируются не собственно глагольные значения, а сами производящиеся в реальности действия. Анализ синкретических форм типа существительное / глагол, таким образом, проводится по двум категориальным значениям одновременно, причем избранный принцип классификации дает возможность соотнести эти значения между собой.

В глагольных синкретических формах типа существительное / глагол оказывается несложным выявить первичное и вторичное категориальное значение, что часто затруднено в других именных формах. В данном случае первичным чаще всего становится значение существительного. Такой вывод основывается на том, что категория глагола является более отвлеченной по сравнению с существительным, его формирование требует более высокого уровня абстрактного мышления. Анализ синкретических форм типа существительное/глагол позволил сделать вывод о том, что обособление слов на уровне грамматики не ведет к обособлению семантическому. Напротив, грамматически обособленные слова остаются связанными своим значением.

Рассматривая глагольные значения, мы строим свое исследование по следующей схеме: анализ глагольных значений проводим в соответствии с группами существительных. При анализе дефиниций учитывались следующие факторы, которые позволили насколько возможно точно определить, к какому типу глагольного действия относится тот или иной глагол. Чтобы описать действие предметом, используется предложное словосочетание (предлог с существительным), которое указывает, при помощи чего действие выполняется (*to cut with a knife*). Для описания действия, направленного на предмет, используются глаголы, являющиеся синонимами, с помощью которых прямо либо опосредованно выражается толкование действия. Тип действия «самореализация или действие самого предмета» выражается глаголами *to become*, *to be* (*to become moist*, *to be glued*), действие «производство предмета» описывается глаголами *to convert*, *to turn into*, *to form*, *to make*. Тип действия в сфере предмета предполагает пространственные отношения, которые выражаются сочетанием

предлога и существительного, указывающим на место действия (in the pit, through the hole). Далее представлены различные типы действий в группе предметных существительных, которая объединяет конкретные предметы – вещи, самостоятельные и целые, которыми можно манипулировать.

Действие при помощи предмета, обозначенного исходной синкретической основой или действие самим предметом объединяет самое большое количество синкретических форм, что косвенно подтверждает первичность этого вида. С семантической точки зрения этот вид составляют слова, обозначающие различные орудия, инструменты, предметы одежды, части тела человека и животного, предметы быта. Значение слова в глагольной функции определяется на основе классификации глагольных действий, которые характеризуются не по отношению к объекту действия, а по отношению к исходному понятию, обозначенному именем. Значение производных глаголов от существительных, обозначающих различные орудия и инструменты, – это, прежде всего, выполнение действия этим предметом: *angle – to fish with a hook / ловить крючком, comb – to draw a comb through / расчесывать, seine – to seek or catch with a seine / ловить неводом.*

Внутри многочисленной группы выделяются: а) существительные, обозначающие собственно инструменты, б) существительные, обозначающие различные сельскохозяйственные орудия, с) существительные, обозначающие предметы бытовой сферы. Так, в группе «инструменты» были выделены следующие синкретические формы, в которых глагол обозначает действие, выполняемое предметом, обозначенным основой: *file – to rub, smooth, or cut with a file, to sharpen with a file /обтачивать, chisel – to cut, pare, gouge, engrave, or shape with or as if with a chisel / высекать, gimlet – to pierce or penetrate with or as if with a gimlet / сверлить, gouge – to cut grooves, channels, or holes in with or as if with a gouge / выдалбливать, hammer – to strike blows especially repeatedly with or as if with a hammer/ бить молотком, saw – to cut with a saw / пилить, vise – to hold, force, or squeeze (as work) with or as if with a vise / сжимать [2; 3].*

Номинативное значение основы сохраняется в глаголе, отражающем прямое действие данных предметов. Однако у таких глаголов как *chisel, hammer, saw* появляется переносное значение: *hammer – to strike blows especially repeatedly, a) to make repeated efforts as if shaping with a hammer, b) to reiterate an opinion or attitude repeatedly and emphatically: to place emphasis by constant repetition or discussion*, которое возникает по аналогии с повторяющимися действиями – ударами молотка [2; 3]. Переносное значение глагола

saw – to play on a stringed instrument with a bow (пиливать) мотивировано, с одной стороны, движением, которое производится пилой, с другой стороны, звуками, которые сопровождают пиление, и которые похожи на звуки, извлекаемые из музыкального инструмента. Переносное значение глагола *chisel – to employ shrewd sometimes unfair practices to obtain an end*, возможно, имеет корни мотивировки в том, что работа стамеской по твердому материалу, в частности, при обработке мрамора, требует изощренных навыков. Заметим, что неразвитая полисемия существительных, причиной чего, вероятно, является узкое предназначение инструментов, не обязательно сохраняется и в значении глагола.

Глаголы, образованные от существительных, обозначающих, сельскохозяйственные орудия, отражают действия, характерные, для данного предмета: *flail – to thresh (grain) with a flail* / молотить, *harrow – to cultivate with a harrow* / боронить, *plough – to turn up, breakup, or trench (the soil) with a plow* / пахать, *rake – to collect, gather, or separate with rake* / рыхлить, *scythe – to cut with or as if with a scythe* / косить серпом. Характерное для глаголов прямое действие предметом подтверждается и в группе синкретических форм, которые обозначают предметы быта и действия с ними: *axe – to chop, cut, split, or sever with an axe* / рубить топором, *bolt – to sift (as meal or flour) usually through fine-meshed cloth* / просеивать, *club – to beat or strike with or as if with a club* / бить битой, *comb – to draw a comb through, to cleanse, disentangle, and collect together (animal or vegetable fibers) by the use of a comb* / расчесывать, *knife – to cut or mark with a knife* / резать, а также *fan, harness, harpoon, ladle, mangle, mop, sieve, seine* и др. [2; 3].

Но есть редкие случаи типа действия, направленного на предмет, обозначенный основой: *handle – to attach a handle* / приделывать ручку, *harness – to put a harness on* / надевать упряжь, *nail – to fasten with a nail* / забивать гвоздь, *screw – to fasten or tighten by means of a screw* / закручивать, а также тип действия, производящего предмет, обозначенный основой: *crook – to make a crook in* / скрючиться, *scoop – to make hollow* / выдолбить. Для данной группы тип «действие в сфере предмета, обозначенного основой», нехарактерен, ввиду того, что предметы, представляющие собой орудия, инструменты и пр. часто не обладают таким признаком, как пространство, поэтому имеются лишь единичные примеры: *churn – to stir, beat, or agitate (milk or cream) in a churn in order to make butter*, *sled – to ride on a sled* [2].

Что касается переносного значения, то оно логически возникает из той функции, которую выполняют эти предметы: *axe – to relieve of*

office or employment / урезывать, сокращать, fan – to stir up to activity as if by fanning / разжигать страсти, hook – to take by stealth / подцепить, поймать на удочку, lash – to make a verbal assault or riposte / бичевать, клеймить, needle – to vex by repeated sharp prods or gibes / дразнить, мучить, “подкалывать”, net – to cover with or as if with a network / покрывать сетью (железных, автомобильных дорог и т. п.), rake – to dig out and present (as unfavorable evidence) / ворошить (прошлое) [2; 3].

Возникновение переносного значения логически мотивировано для большинства рассмотренных случаев и связано с переносным значением имени. Семантика глаголов, образованных от существительных, обозначающих оружие или предметы, назначение которых связано с принуждением: club – дубина, lance – копье, lash – плеть, maul – колотушка, именует действие, наиболее характерное для этого предмета. А отрицательное насильственное воздействие любым из этих предметов – хлыстом, колотушкой, дубиной, перешло в переносное lash – хлыст / бичевать, maul – избивать / жестоко критиковать, club – бить дубиной / вынуждать.

Самой существенной характеристикой глагольных значений этих синкретических форм является их прямая связь со значением существительного. Они всегда обозначают непосредственное основное действие, наиболее характерное для первичного значения существительного (axe – топор / рубить топором), действие, направленное на предмет (nail – гвоздь / забивать гвоздь), действие в сфере предмета. Переносное значение глагола также возникает в прямой зависимости от переносного значения существительного.

Список литературы

1. Чареков С.Л. К происхождению языка. – СПб., 1997. – 81 с.
2. [WTNIDU] Webster's Third New International Dictionary, Unabridged. Merriam-Webster, 2002. <http://unabridged.merriam-webster.com>
3. [НБАРС] Новый большой англо-русский словарь под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна (онлайн версия) (<http://www.classes.ru/dictionary-english-russian-Apresyan-term-98840.htm>)

**Экстралингвистические основы явления «диалогичность»
как важный фактор в изучении диалогизации текста****The factor of extralinguistic bases in text dialogism**

Статья освещает вопросы изучения диалогичности и диалогизации текста с учётом их экстралингвистических особенностей. В настоящее время понятия «диалог», «диалогичность» находятся в центре внимания ученых различных научных областей. Рассмотрение экстралингвистических основ этих явлений лингвистики необходимо для понимания самой сути диалогичности текста, осмысления механизмов диалогизации в текстах художественной прозы.

The article touches upon the problem of dialogism and text dialoguing. Today such notions as “dialogue” and “dialogism” have become universal and popular in humanities and social life. To study the text dialoguing as a linguistic phenomenon we should take into consideration its non-linguistic basis. The article focuses on the philosophical aspect of dialogism that reveals the nature of dialoguing mechanisms in the text.

Ключевые слова: диалог, диалогичность, диалогизация, текст, автор, читатель, взаимодействие, понимание.

Key words: dialogue, dialogism, dialoguing, text, author, reader, interacting, understanding.

В последнее время понятие «диалог» занимает едва ли не центральное место в сфере гуманитарных наук. Интерес к этому явлению возникает в результате смены культурной парадигмы, изменения самого типа бытия и мышления человека. В свою очередь, эти изменения обусловлены процессами, происходящими в современной общественной жизни – развитием информационных технологий, культурным и научно-техническим прогрессом. Диалог является способом познания человеком окружающего мира и самого себя и составляет основу бытия и мышления современного человека, живущего в XXI в. По мнению учёных, проблема диалога чрезвычайно важна для современной науки, так как диалог, полемика – это «постоянные, имманентно присущие социальному бытию состояния общества и личности, имеющие целью преобразование, обновление наличной действительности» [3, с. 38].

С точки зрения лингвистики, диалогичность представляет собой сложное по своей природе свойство языка и речи. Исследование данного явления требует комплексного подхода, а именно,

рассмотрения не только его лингвистического аспекта, но и экстралингвистических основ. При изучении вопроса диалогизации текста неизбежно обращение к философским основам диалогичности как лингвистического явления. Признание диалога как взаимодействия различных смысловых позиций даёт возможность говорить о наличии в текстах художественной прозы явления многоголосия (полифонии). Зарождение и развитие на начальном этапе такой трактовки диалога произошло во многом благодаря деятельности древнегреческих мыслителей. Начиная со времён античности, диалогический принцип как способ преодоления разобщенности и несогласованности в обществе нашёл своё отражение в различных концепциях.

Диалог как самостоятельное произведение существует со времён античности. Древнегреческая философия в целом была диалогически ориентированной. Для античного диалога характерно наличие субъекта, владеющего диалектикой спора, с социально выраженной позицией, установкой на поиск истины. Древнегреческие философы-софисты (Горгий, Протагор, Продик и другие) оказали большое влияние на становление и развитие искусства античного диалога. Как справедливо отмечает Д.В. Джохадзе, «в лице софистики мышление человека всё больше стало интересоваться самим собой; оно как бы ищет самоутверждения, поэтому в центр внимания здесь ставится мыслящий субъект» [6, с. 9]. Диалоги Сократа, Платона, Аристотеля – яркие примеры «чистого», «первородного» диалога, возникшего как особый тип общения ещё в IV тыс. до н.э. Они являются самыми достоверными источниками для изучения теории античного диалога.

Диалоги Сократа – это основной метод познания человеком истины, приобретения новых знаний. По Сократу, истинные знания рождаются в ходе беседы (диалога), постановки вопросов, столкновения мнений и точек зрения оппонентов. Диалогический метод познания Сократа включал в себя четыре основных звена: иронию, майевтику, индукцию и определение. Сократовские диалоги преимущественно были посвящены человеку, его мышлению, сознанию, моральному облику, поведению, назначению в этом мире. Исследователи античного диалога отмечают, что диалогический метод познания Сократа не только оказал большое влияние на развитие античной и европейской философии, но остаётся актуальным и сегодня.

Диалоги Платона, как и Сократа, нацелены на обнаружение общепринятой истины путём сталкивания противоположных мнений. Это происходит посредством диалектики, которая занимает центральное место в диалоговом искусстве Платона. Сама диалектика является для него искусством диалога, беседы. В своих

диалогах Платон обращался к проблемам не только философским, но и житейским, включающим в себя вопросы воспитания, поведение в семье и обществе, и прочие. Д.В. Джохадзе характеризует платоновские диалоги как образец «философской глубины мысли» и отмечает, что они являются наглядной демонстрацией «дискурсивной природы человеческого мышления» [6, с. 123]. По мнению Х.Р. Яусса, «платоновский диалог создал герменевтический образец», который «конституирует не монологическое истолкование смысла, а диалогический поиск смысла понимания» [10, с. 102]. Аристотель развил полемическую и диалектическую направленности диалогов Платона. У Аристотеля диалог и диалектика взаимосвязаны, будучи двумя аспектами единого мышления [6, с. 188].

Именно древнегреческие мыслители впервые создали единое «диалоговое пространство», основанное на допущении и признании различных точек зрения («плюрализме мнений»), равноправии индивидуальных позиций [6, с. 6]. Признавая свободу и ценность как отдельной личности, так и общества в целом, они основывались на принципах нравственности и космополитизма. Опыт древних греков в этой области актуален и сегодня. Их склонность к рационализму, постановке вопросов и поиску ответов на них способствовала развитию античного диалога в частности, в целом – идеи диалога в лингвистических концепциях современности.

Проблема диалога является одной из старейших в философии, однако осмысление феномена диалога как основного компонента действительности, необходимой для человеческого существования, принадлежит главным образом XX столетию. Постановка проблемы диалога обязана антропологическому подходу в философии, возникшему в конце XIX – начале XX веков благодаря общему выдвиганию человека в центр научных изысканий в качестве предмета изучения. Этому во многом способствовала философская антропология Л. Фейербаха. По мнению философа, «человеческая сущность налицо только в общении, в единстве человека с человеком, в единстве, опирающемся лишь на реальность различия между Я и Ты» [8, с. 203].

Проблема диалога находит своё воплощение и в лингвистике. В основе техники диалогизации художественного текста лежит принцип взаимодействия «Я» и «Другого», то есть адресанта и адресата. Рассмотрение диалогических отношений как отношений между категориями «Я» и «Другой» является центральным в работах выдающихся учёных XX века М.М. Бахтина, М. Бубера, Э. Гуссерля, Г.-Г. Гадамера, П. Рикёра, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера, Ф. Эбнера. Анализируя бытие человека с позиции отношений «Я» – «Ты», «Я» – «Другой», они внесли большой вклад

в изучение диалога как основного компонента человеческой деятельности. Обращение к идеям, отражённым в их концепциях, способствует пониманию основ диалогичности текста, природы этого лингвистического явления, а также раскрытию механизма действия процесса диалогизации текста.

М. Бубер обращается к проблеме диалога как природе человеческого бытия. Его концепция диалога создаётся в связи с проблемой отчуждения, избавлением от которого может и должен стать диалог, способствующий установлению неотчуждённых отношений между людьми. Анализируя кризис отчуждения в жизни общества, бросая вызов существующим формам взаимоотношений, М. Бубер видел необходимость пробудить в людях (читателях) альтернативное мироощущение, изменить образ жизни человека путём выявления диалогической природы бытия, что должно способствовать установлению открытых, искренних отношений между людьми. Стремлением М. Бубера было изменить способ мышления человека с целью изменения самого бытия [2].

Основные категории концепции диалога М. Бубера – «Я» и «Другой». Именно в этом бисубъектном общении происходит становление человека как личности: «Когда одиночка узнает Другого во всей инаковости как самого себя, т.е. как человека и прорвётся к этому Другому извне, только тогда он прервёт в этой прямой и преобразующей встрече своё одиночество» [2, с. 229]. О необходимости «Другого» говорит и Ж.-П. Сартр: «...мне нужен другой, чтобы целостно постичь все структуры своего бытия» [7, с. 147], «...другой для меня с самого начала представляет собой бытие, для которого я являюсь объектом, т.е. бытие, посредством которого я приобретаю свою объектность» [7, с. 167]. Для Ж.-П. Сартра отношение «Я – Другой» представляется конфликтом двух свобод, «Другой» является необходимым условием для проявления индивидуальности «Я».

Ф. Эбнер говорит о том, что человек не является отдельным «Я» для себя, а всегда находится в связи с «Ты», и эта связь становится возможной благодаря языку: «так же как Я ... лежит в основании всех мыслей, так же и отношение Я к Ты ... лежит в основании словостановления (Wortwerdung) мыслей» [9, с. 36]. Ф. Эбнер говорит и об особой обратимости отношения «Я – Ты»: «Я – это ещё и Ты для кого-то, кто обращается к нему, таким образом, каждое Я есть одновременно Ты» [9, с. 29]. Схожую мысль высказывает и Э. Гуссерль, основатель феноменологии, занимавшийся разработкой интерсубъективности: «Другой указывает с помощью своего конститутивного смысла на меня

самого. Другой есть отражение меня самого и всё же не собственно отражение; аналогия меня самого не аналогия в привычном смысле» [5, с. 53].

Суммируя все эти точки зрения, можно сделать вывод, что в диалоге категории «Я» и «Другой» имеют основополагающее значение. Они равно необходимы, то есть существуют в рамках концепции диалога не по отдельности, а непосредственно в отношении друг с другом. Благодаря существованию «Другого» возможна диалогическая направленность межличностного взаимодействия. При этом «Другой» не обязательно должен пониматься как другой субъект, вступающий во взаимодействие и общение с «Я». Он может выступать как различные лики «Я» (Alter Ego). Только во взаимодействии категорий «Я» и «Другой» рождается диалог.

Проблема диалога, рассматриваемая М.М. Бахтиным, имеет много общего с проблемами герменевтики благодаря направленности его концепции на «понимание». Для М.М. Бахтина понимание есть взаимопонимание, например, между автором текста и его адресатом. Оно подразумевает, что смысл текста состоит в том, что «он вопрошающ, ответен, что сам текст живёт стремлением ... того, к кому автор обращается (непосредственно или через века) – понять» [1, с. 52]. По мнению Г.-Г. Гадамера, именно встреча двух активных начал – познающего и познаваемого есть диалог. Диалогические отношения возможны не только между личностями, но и между личностью и мировым бытием, между личностью и текстом, что раскрывается в диалогической природе самого языка. С точки зрения герменевтики, понимание текста диалогично. Оба участника герменевтического разговора (автор и читатель) играют важную роль. При этом читатель, являющийся интерпретатором, «помогает автору обрести свой голос» [4, с. 451].

Рассмотрение явления диалогичности текста в герменевтической традиции (с учётом термина «понимание») необходимо при исследовании вопроса о диалогизации художественного текста. Это связано с тем, что диалогизация текста является процессом двусторонним, и одним из его участников (антропоцентров) выступает реципиент – читатель. Текст, обладая определённым набором средств диалогизации, направлен на адресата, стремящегося в идеале к его пониманию.

Обращение к экстралингвистическим аспектам понятий «диалог» и «диалогичность» способствует наиболее глубокому пониманию основ диалогизации как лингвистического явления. Диалогизация не ограничивается отражением в тексте признаков

диалога как формы речи. Она способствует приобретению текстом признаков, свойственных диалогу как многозначному и многостороннему явлению действительности.

Список литературы

1. Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или поэтика культуры / В.С. Библер. – М. : Прогресс: Гнозис, 1991. – 169 с.
2. Бубер М. Два образа веры: сборник / Мартин Бубер; пер. с нем. Г.С. Померанца. – М.: Республика, 1995. – 462 с.
3. Бугреев А.Н. Социально-сущностный контекст сократовского диалога / А.Н. Бугреев, Ю.Н. Москвичев // Диалог и культура современного общества. – Волгоград: Изд-во ВАГС, 2001. – С. 35–39.
4. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы филос. Герменевтики / Ханс-Георг Гадамер; пер. с нем., общ. ред. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 699 с.
5. Гуссерль Э. Картезианские медитации / Эдмунд Гуссерль // От Я к Другому: сб. пер. по проблемам интересубъективности, коммуникации, диалога. – Мн.: «Минск», 1997. – С. 48–98. – 276 с.
6. Джохадзе Д.В. Философия античного диалога / Д.В. Джохадзе. – М.: Диалог – МГУ, 1997. – 224 с.
7. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Эссе феноменологической онтологии / Жан-Поль Сартр // От Я к Другому: сб. пер. по проблемам интересубъективности, коммуникации, диалога. – Мн.: «Минск», 1997. – С. 145–170.
8. Фейербах Л. Избранные философские произведения. В 2 т. Т.1 / Людвиг Фейербах; общ. ред. М.М. Григорьяна. – М. : Госполитиздат, 1955. – 676 с.
9. Эбнер Ф. Слово и духовные реальности (фрагменты) / Фердинанд Эбнер // От Я к Другому: сб. пер. по проблемам интересубъективности, коммуникации, диалога. – Мн.: «Минск», 1997. – С. 28–44.
10. Яусс Х.-Р. К проблеме диалогического понимания / Ханс-Роберт Яусс // Вопр. философии. – 1994. – № 12. – С. 97–106.

**Преимущества когнитивного подхода
в изучении лексической системы языка**

**Advantages of the cognitive approach in the study
of lexical system of language**

Статья представляет обоснования использования когнитивного подхода в исследовании лексических единиц языка, относящихся к сфере отношений, с целью изучения когнитивных аспектов их семантики.

The article presents the justifications for using a cognitive approach to the study of lexical units of a language belonging to the sphere of relations, in order to study the cognitive aspects of their semantics.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, языковая картина мира, сфера отношений.

Key words: cognitive linguistics, concept, linguistic picture of the world, the sphere of relations.

Проблема соотношения языка и мышления, привлекавшая внимание исследователей на протяжении практически всей истории развития науки, нашла новое отражение в когнитивном лингвистическом направлении, которое приобрело особую актуальность в течение последних двадцати лет. Непосредственно предметом исследования когнитивной лингвистики является изучение особенностей усвоения и обработки информации с помощью языковых знаков. Исследователи, придерживающиеся данного направления, считают, что именно язык как внешнее проявление мыслительной деятельности человека открывает наиболее широкий доступ для ее изучения.

Можно сказать, что возникновение когнитивной науки было обусловлено, так называемой, «когнитивной революцией», которую принято относить к началу 1960 годов. Смысл данной революции заключался в формировании новой научной парадигмы, ориентированной на человека и сосредоточившей свое внимание на познавательных процессах, вопросах, связанных с переработкой и хранением знаний, структурированием полученной информации.

В последнее время для современных лингвистических исследований стало характерным обращение к анализу конкретных лексических единиц с целью изучения когнитивных аспектов их семантики. Это объясняется тем фактом, что лексические единицы

представляют собой элементы народного сознания, в которых откладывается, аккумулируется общественно-историческая практика людей, что способствует выявлению специфики коллективного знания о данной сфере, языковое выражение которого закреплено в словарях.

На современном этапе развития лингвистической науки значительное внимание уделяется проблемам изучения когнитивной деятельности человека в ее лингвистической репрезентации. Актуальность данного направления подтверждается большим количеством очень широких и глубоких исследований, появившихся в последнее время. По словам Е.С. Кубряковой, «язык стал изучаться не только как уникальный объект, рассматриваемый в изоляции, но в значительной мере и как средство доступа ко всем ментальным процессам, происходящим в голове человека и определяющим его собственное бытие и функционирование в обществе» [4, с. 9]. Когнитивная лингвистика направлена на изучение соотношения когнитивных и языковых структур, что предоставляет возможность понять, как отражено в сознании человека его видение мира и его оценки.

В жизни, как отдельного человека, так и группы людей могут возникать ситуации, когда взаимопонимание оказывается проблематичным. Даже при условии, что общение осуществляется между носителями одного языка, порой приходится прикладывать определенные усилия, чтобы донести свою мысль до собеседника без «потерь». По словам Н.И. Жинкина: «Каждый принимает речь в своих собственных словах. Личный языковой опыт у каждого человека отличен от другого. Сложившийся у каждого словарь и оттенки значения слов своеобразны» [3, с. 328].

В процессе коммуникации осуществляется перекодировка – подбор подходящих лексических единиц, наиболее точно отражающих все оттенки смысла в конкретной ситуации согласно представлению говорящего. Затруднения могут быть вызваны тем, что семантическое наполнение одних и тех же слов относительно индивидуально даже в пределах одной социо-культурной группы. Безусловно, словарные дефиниции слова не будут разительно отличаться, но для отдельно взятого индивидуума отрезок знания – концепт, вербализуемый этой лексемой, связан с определенным сенсорным опытом, ассоциатами, отличными от имеющихся у других носителей языка. Таким образом, адресанту для осуществления продуктивного общения при перекодировке с ментального языка на язык словесный необходимо учитывать по возможности, как личностные характеристики, так и фоновые знания собеседника.

Задача построения эффективного диалога еще более усложняется, если речь идет о межнациональном общении. Язык – это не просто изолированная система, включающая набор слов с их

значениями и правила построения предложений, но и система, которая отражает этнокультурные характеристики его носителей. В языке проявляется специфика восприятия и оценки окружающей действительности данным этносом. Несовпадения в видении мира у разных народов обусловлены во многом различиями во внешних условиях их существования.

На формирование представлений об окружающей действительности оказывают влияние географические, климатические условия проживания, исторические условия формирования и развития этноса, коллективный исторический опыт членов этнической группы. Все эти факторы играют значительную роль в становлении этнонациональной ментальности, которая в свою очередь находит отражение в национальном языке. «В этнической ментальности в концентрированном виде выражаются основные элементы этнической культуры и этнического сознания и самосознания. Она включает в себя образы мира, мировоззренческие и ценностные установки в этнической сфере, этнические стереотипы...» [1, с. 13].

Рассматривая вопрос о соотношении языка и мышления, один из последователей идей Вильгельма фон Гумбольдта Лео Вайсгербер ввел понятие «языковая картина мира» [2]. Языковая картина мира представляет собой материальный, знаковый способ отражения того, как воспринимается и интерпретируется объективная действительность человеческим сознанием или этнонациональным сознанием. Каждый естественный язык предлагает «свою» языковую картину мира, которая при наличии сугубо индивидуальных характеристик обладает, безусловно, и универсальными, что обеспечивает возможность межнационального общения, возможность обучения иностранным языкам. В последнее время предпринимаются активные попытки реконструкции отдельных фрагментов национальных картин мира, так как именно языковая картина мира в большой степени приоткрывает область сознания.

Анализ языковых явлений с точки зрения когнитивного подхода позволяет приблизиться к пониманию «чужого» мировидения, что, в свою очередь, позволит учитывать знание о выявленных расхождениях для построения конструктивного диалога. Исследование национальной языковой картины мира предполагает анализ ключевых лингвоспецифичных концептов, то есть тех составляющих национального коллективного сознания, которые являются индивидуальными для данной конкретной нации и характеризуют способ мировидения этого народа.

Представляется целесообразным обращение к анализу ключевых концептов и способов их объективации в языке в процессе обучения иностранным языкам, так как это будет способствовать повышению языковой компетенции и

минимизировать возможные сложности, связанные с пониманием в процессе межкультурной коммуникации.

Рассматриваемый в настоящем исследовании концепт отношений, без сомнений, присутствует как составляющая во всех этнонациональных менталитетах, так как у членов любой этнической группы есть представление о родственных связях, члены любого человеческого сообщества, так или иначе, вступают во взаимодействие. Но при сопоставлении значений хотя бы таких употребительных слов как русское друг и английское friend становится понятно, что их семантическое наполнение неравнообъемно, а добавление синонимических рядов выявляет расхождения в способе концептуализации представлений о сфере дружеско-приятельских отношений.

Самоопределение человека в процессе его социализации, определение своего места в человеческом сообществе, будь то иерархические структуры или отношения на паритетных началах, отождествление себя с той или иной группой, связанная с этим самооценка – все это оказывает качественное влияние на процесс коммуникации. От того, как себя определяет человек, во многом зависит концептуализация воспринимаемой им информации, так как человеку свойственно определять положение вещей относительно себя. С другой стороны, способы концептуализации, предлагаемые тем или иным языком, в определенной степени обуславливают возможности самоопределения. Таким образом, изучение концептуальной сферы отношений с точки зрения ее когнитивного обоснования представляется важной для выявления бессознательных моделей мировосприятия, что будет способствовать их релевантной интерпретации. Кроме того, такой анализ лексической системы языка выводит на качественно новый уровень осмысления связи между денотатом и называющим знаком, когда говорящий получает возможность формировать и индивидуальную, и социальную языковую картину мира на тех основаниях, которые позволяют наиболее адекватно включиться в понимание национальной специфики лексической системы конкретного языка.

Список литературы

1. Авксентьев В.А. Феномен этнической ментальности: к методологии анализа. // Этнонациональная ментальность в художественной литературе: материалы Всерос. науч. конф. 22–24 сент. 1999. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. – 260 с.
2. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. – 3-е изд. – М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2009. – 232 с.
3. Жинкин Н.И. Психологические основы развития речи // Язык-речь-творчество: избр. тр. – М.: Лабиринт, 1998. – 366 с.
4. Кубрякова Е.С. Язык и знание. – М., 2004. – 555 с.

**Лексико-семантическая группа «WIND»
как фрагмент картины мира**

Lexico-semantic group «WIND» as worldview fragment

В статье показаны попытки лингвистов систематизировать и структурировать лексические единицы языка с помощью разных методов: полей, серий, групп, рядов, микроструктур. Дискутируется сама возможность какого-либо представления лексического состава любого языка в виде системы. Оптимальным вариантом представляется лексико-семантическая группа (ЛСГ) в качестве рубрики идеографической классификации лексики. В предлагаемой статье автор на основе компонентного анализа смоделировал ЛСГ «WIND», выделив в нём ядерную зону и ближнюю и дальнюю периферии, и определил характерные черты конститuentов каждой из зон. С помощью компонентного анализа удалось выделить 8 дифференциальных сем, на основе каждой из которых возможна дальнейшая классификация ЛСГ «WIND» по одному отличительному признаку.

The article shows the linguists' attempts to systematize and structure lexical units of the language by means of different methods: fields, series, groups, rows, microstructures. The possibility of a representation of lexical structure of any language as a system is debated. The best option seems to be lexico-semantic group (LSG) as an item of the ideographic language classification. In this article the author modeled LSG «WIND», on the basis of the component analysis and singled out its core, near and far periphery zones, and defined specific features of the constituents of each zone. With the help of the component analysis it came to be possible to pick out 8 differential semes, each of them can be further used for the classification of the LSG «WIND» taking into account one distinguishing characteristic.

Ключевые слова: система языка, структура языка, лексическая система, макроструктура языка, микроструктура языка, сема, лексико-семантическая группа, лексико-семантический вариант слова.

Key words: language system, language structure, lexical system, language macrostructure, language microstructure, seme, lexico-semantic group, lexico-semantic variant of the word.

Язык является системой. Система – это совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов [3, с. 34]. Введение понятия системы языка связывают с именем Ф. де Соссюра, хотя приоритет в этом принадлежит И. А. Бодуэну де Куртенэ [4, с. 207]. Особую роль в обосновании системного подхода к языку сыграли работы украинского языковеда А. А. Потебни [7].

Каждая система имеет свою структуру [3, с. 34]. Понятие структуры языка было предложено учеными Пражской лингвистической школы [4, с. 207]. В современном языкознании термин структура языка часто используют как синоним термина система языка, хотя большинство лингвистов дифференцируют эти понятия.

Структура – это способ организации системы, ее внутреннее строение [3, с. 34]. Структура – понятие динамическое, оно шире понятия системы [4, с. 214]. Языковая система неоднородна, то есть она имеет сложную структуру, поскольку состоит из частичных систем, называемых уровнями, или ярусами.

Идея уровневой организации языка получила распространение в середине XX в. в американской дескриптивной лингвистике [4, с. 214]. Она была подготовлена традиционным выделением в языкознании фонетики, морфологии, лексикологии, синтаксиса. В частности, лексико-семантический уровень представлен своей единицей – словом, на основе которой идентифицируются все другие единицы.

В исторической перспективе процесс становления понятия системности лексики в зарубежном языкознании не был однозначным. Он был представлен то: понятийными полями (Трир, Вайсгербер) [14, 15], то лексико-грамматическими группами слов (Ипсен) [11], то лексико-синтаксическими группами слов (Духачек) [10].

В результате дальнейшего развития понятия лексической системы в работах Ю. Д. Апресяна, Д. Н. Шмелева, А. А. Уфимцевой, П. Н. Денисова и др. сложилось её общепринятое для отечественного языкознания понимание: «К лексико-семантической системе относится вся область смысловых отношений лексических единиц, своеобразие типов их группировок и характер взаимодействия их друг с другом (лексическая парадигматика) и с элементами других подсистем языка, условия и формы языкового выражения результатов семантического варьирования словесных знаков (лексическая синтагматика) и т. п.» [8, с. 417].

В настоящее время большинство лексикологов согласно с тем, что «...лексико-семантические группы (ЛСГ) можно считать основным видом микросистемы лексико-семантической системы» [9, с. 263]. ЛСГ «...объединяют в себе слова одной части речи, в которых помимо общих грамматических сем имеется как минимум еще одна общая сема – категориально-лексическая (архисема, классема)» [5, с. 74].

Важной особенностью лексико-семантической системы языка является неоднородность ее компонентов. В современном языкознании предельно малой единицей системы, служащей для раскрытия внутрисловной системности, является лексико-

семантический вариант слова (ЛСВ), при анализе же внешних по отношению к слову системных связей в качестве единицы макросистемы используется группа слов. Группа слов является одновременно и самой крупной единицей лексической макросистемы, и микросистемой, состоящей из единиц более низкого уровня (слов или ЛСВ многозначных слов) [2, с. 290].

Существует однако полемика вокруг вопроса системности лексики. Аргументами против какой-либо возможной классификации лексики являются: 1) подвижность и безграничность словарного состава, 2) многозначность слова и множественность порождаемых им связей [2, с. 288]. Словарный состав подвижен, практически безграничен и в силу этого не поддается систематизации.

Каким образом в действительности группируется лексика в человеческом сознании, науке пока что не известно, и ученые, занимающиеся проблемами мозга человека, этого не скрывают, но тот факт, что она структурирована, сомнений не вызывает, поскольку ничем иным нельзя объяснить то, с какой скоростью человек извлекает из своей памяти нужные в определенной ситуации слова, дифференцируя его в доли секунды от тысяч других. В ракурсе современной когнитивно-дискурсивной парадигмы замечено, что лексическая система языка не исчерпывается внутривидовыми отношениями. Более того, сами эти отношения определяются способом осмысления мира человеком [6, с. 20].

Попытки объединить между собой логическими связями все множество «пучков слов» (термин Денисова П.Н.) выливаются в конечном итоге в построение идеографической классификации национальной лексики, где самые разнообразные типы объединений слов выполняют общую функцию рубрики систематизации такого рода национального лексикона [2, с. 295]. Более целесообразной представляется такая организация семантического пространства языка, которая бы учитывала даже самые непродуктивные типы отношений в любом из типов микросистем.

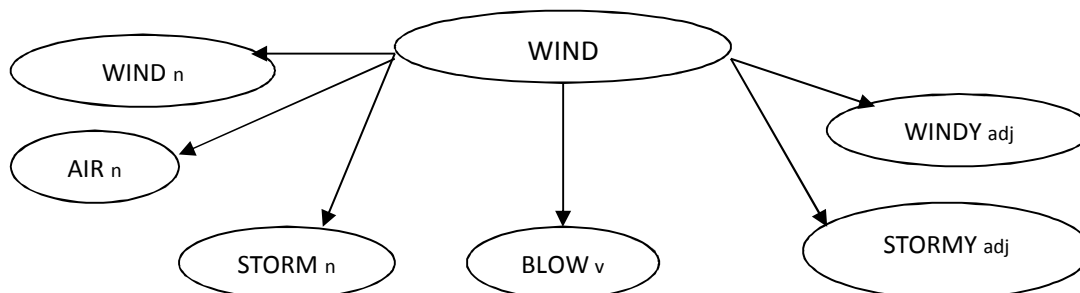
Так как в нашем исследовании мы рассматриваем лишь определённый участок лексической системы, то целесообразно представить её в качестве фрагмента национальной языковой картины мира (НЯКМ). Мы разделяем точку зрения Корнилова О.А., что «картинообразующая» функция означает интеграцию отдельных элементов в единое целое, единую «картину», но не гарантирует самого наличия однородных взаимообусловленных элементов и их структурированности, что и является признаком системности [2, с. 287].

Вся схема «WIND» строится по принципу родо-видовой организации единиц системы с помощью полевой организации

лексики наименований погодных условий и имеет несколько уровней обобщения, при переходе от высшего уровня обобщения к низшему число рубрик классификации увеличивается.

Целью данного исследования является изучение наполнения ЛСГ «WIND» и установление связей его составляющих в пределах данной структуры.

Лексико-семантическая группа «Wind»

Важным является применение компонентного анализа – метода изучения содержательной стороны лексических единиц языка, назначение и цель которого – разложить значение на минимальные семантические составляющие. Метод четко и полно освещает ту семантическую информацию, которая включает в себя лексему в виде сем. Лексикографическая выборка материала базируется на анализе словарных дефиниций, при которой каждое слово толкования приравнивается к семантическому компоненту.

Заметим, что ЛСГ «WIND» в английском языке многочисленное и образует синонимический ряд, который насчитывает 42 лексемы. Согласно толкованию лексемы «wind» в Oxford Advanced Learner's Dictionary, выделяем семантически активные семы «wind», «air» и «movement», которые являются общими для всех лексем синонимического ряда, а это в свою очередь дает нам возможность не только объединить их в ЛСГ «WIND», но и определить те лексемы, которые будут принадлежать к ядру, ближней и дальней периферии:

Ядро:

1. air flow = air + movement [13, с. 471]
2. breath of air = slight + movement + air [13, с. 138]
3. breeze = light + fresh + sea + air + wind [13, с. 141]
4. eddy = circular or spiral movement of air [13, с. 385]
5. flurry = short + sudden + movement + wind [13, с. 472]
6. gust = sudden + violent + wind + movement [13, с. 557]
7. hot wind = strong + air + movement [13, с. 1462]
8. icy blast = sudden + strong + air + movement [13, с. 112]
9. puff = short + light + wind + movement [13, с. 1009]

10. sandstorm = windstorm + sand + desert + movement [12, c.1194]

11. snowstorm = heavy + fall + snow + strong + wind + movement [13, c. 1281]

12. swirl = movement + wind + twists [13, c. 1302]

13. vortex = movement + mass + air [13, c. 1427]

14. whiff = movement + air [13, c. 1454]

Ближняя периферия:

15. blow = strong + wind / windstorm [12, c. 127]

16. blast = sudden + strong + air [13, c. 112]

17. cool = cool + air [13, c. 261]

18. cyclone = violent + destructive + wind-storm [13, c. 296]

19. dust devil = storm + strong + winds + large amounts + dust [12, c.428]

20. dust storm = violent + weather + strong + winds + large + quantities + dust [12, c. 4080]

21. easterly = wind + east [12, c. 413]

22. gale = strong + wind, storm [13, c. 506]

23. high wind = strong + wind [13, c. 1462]

24. hurricane = strong + wind [13, c. 610]

25. maelstrom = water + movement + strong + circular [12, c.817]

26. mistral = strong + cold + dry + northern/ northwestern + wind + France + winter [13, c. 796]

27. monsoon = the wind + monsoon rains [12, c. 879]

28. northeaster = strong + wind + storm + northeast [12, c. 926]

29. northwester = strong wind or storm + northwest [12, c.927]

30. simoom = hot + dry + wind + the Sahara and Arabian deserts + dust + clouds [13, c. 1187]

31. sirocco = hot + moist wind + Italy from Africa [13, c. 1190]

32. southeaster = strong wind or storm + southeast [12, c. 1295]

33. southwester = strong wind or storm + southwest [12, c. 1295]

34. thunderstorm = storm + thunder + lightning + heavy + rain [13, c. 1340]

35. waft = light + wind [12, c. 1495]

36. waterspout = funnel-shaped + water + sea + clouds+ whirlwind + mass of water [13, c. 1440]

37. whirlwind = funnel-shaped + swiftly + circulating + air [13, c. 1456]

Дальняя периферия:

38. blizzard = severe snowstorm [13, c. 115]

39. tornado = violent + destructive + storm + small area [13, c. 1355]

40. typhoon = violent + tropical + hurricane + western Pacific [13, c. 1384]

41. whirlpool = river + sea + whirling + currents [13, c. 1456]

42. zephyr = soft gentle breeze [13, c. 1490]

Выделив семантически активные семы в толкованиях вышеуказанных слов, можем отнести 14 лексем (1 – 14) к ядру поля, поскольку их дефиниции содержат 2 активные семы, общие с ключевой единицей «wind». В исследуемой нами ЛСГ «WIND» выделяем 8 дифференциальных сем, указывающие на силу, направление, температуру, влажность, место происхождения, место распространения и длительность ветра и наличие других сопутствующих погодных явлений.

Так, 23 лексемы (15 – 37) которые имеют только одну общую сему с ядерной лексемой «wind» относим к ближней периферии, а 5 лексических единиц (38 – 42) формируют дальнюю периферию, поскольку они не содержат ни одной дифференциальной семы, что отдаляет их от ядерных единиц ЛСГ. Итак, изучаемое ЛСГ «WIND» имеет вид открытой системы, в которой хорошо прослеживается взаимосвязь и взаимозависимость языковых единиц, благодаря этому раскрывается структурная иерархия языковых единиц. Это дает возможность исследовать лексические единицы не как отдельные лексемы, а как систему словарных единиц, что также раскрывает их связи с точки зрения семантики.

Список литературы

1. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания / П.Н. Денисов. – М.: Русский язык, 1980. – 253 с.
2. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: учеб. пособие / О.А. Корнилов. – 3-е изд. испр. – М.: КДУ, 2011. – 350 с.
3. Кочерган М. П. Вступ до мовознавства: підручник / М.П. Кочерган. – Вид. 2-ге. – К.: Видавничий центр «Академія», 2006. – 368 с.
4. Кочерган М.П. Загальне мовознавство: підручник / М.П. Кочерган. – Вид. 2-ге, випр. і доп. – К.: Видавничий центр «Академія», 2006. – 464 с.
5. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. – 2-е изд., испр. и доп. / Э. В. Кузнецова. – М.: Высш. шк., 1989. – 216 с.
6. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В.А. Маслова. – 5-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 296 с.
7. Потебня А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – К.: СИНТО, 1993. – 192 с.
8. Серебренников Б.А. Общее языкознание. Внутренняя структура языка / Б.А. Серебренников – М.: Наука, 1972. – 564 с.
9. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. – М.: Наука, 1968. – 272 с.
10. Ducháček O. Průcis de sūmantique francaise. – Brno, 1967.
11. Ipsen G. Der alte Orient und die Indogermanen. – Heidelberg: Winter, 1924. – 237 s.
12. Longman Dictionary of English Language and Culture. – L.: Longman Dictionaries, 1998. – 1568 p.
13. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / Ed. by A.P. Cavil. – Oxford: Oxford University Press. – Fourth edition, 1989. – 1550 p.
14. Trier J. Der Deutsche Wortschatz im Sinnerbezirk des Verstandes. – Heidelberg: Winter, 1931. – Bd. 1. – 347 s.
15. Weisgerber L. Zweimal Sprache: Deutsche Linguistik 1973 – Energetische Sprachwissenschaft [Text] / L. Weisgerber. – Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1973. – 228 s.

**Особенности формирования терминологических
словосочетаний со значением деятеля в английском языке
(на материале логопедии, специальной педагогики
и специальной психологии)**

**The Peculiarities of Formation of Terminological Phrases with
the Meaning of the Doer of Action in the English Language
(on the Example of Logop(a)edics, Special Education
and Special Psychology Terminology)**

Статья посвящена структурно-семантическому анализу терминологических словосочетаний со значением деятеля в английском языке (на материале логопедии, специальной педагогики и специальной психологии). Рассматриваются основные словообразовательные модели терминологических словосочетаний. Особое внимание уделяется синонимичным терминологическим словосочетаниям.

The article is devoted to the structural and semantic analysis of the terminological phrases with the meaning of the doer of action in the English Language (on the example of Logop(a)edics, Special Psychology and Special Education Terminology). The main word-formation models of terminological phrases are considered. The special attention is paid to the characteristics of synonymic terminological word-combinations.

Ключевые слова: термин, деятель, словообразование, образование терминов, система терминологии, синтаксические и семантические структуры терминологических словосочетаний, синонимичные терминологические словосочетания

Key words: term, doer of action, word-formation, term-formation, system of terminology, syntactic and semantic structure of terminological phrases, synonymic terminological word-combinations.

Данное исследование представляет собой попытку описать основные способы образования английских терминологических словосочетаний со значением деятеля в области логопедии, выявить основные словообразовательные модели, а также провести их семантический анализ.

Материалом для исследования послужили агентивные термины и терминологические словосочетания, отобранные методом сплошной выборки из специальной научной литературы на английском языке, англо-русских словарей по медицине, психологии

и логопедии, словарей-справочников, а также из специализированных интернет-сайтов.

Теоретической базой исследования послужили труды в области проблем словообразования, терминологии и терминоведения Д.С. Лотте, В.М. Лейчика, Т.А. Канделаки, К.Я. Авербуха, М.А. Мартемьяновой, З.С. Ахматьяновой, Ю.В. Сложенкиной и др.

В терминосистемах логопедии и смежных с ней научных дисциплинах (специальной педагогике, медицинских науках и специальной психологии) особую группу составляют многокомпонентные терминологические словосочетания со значением деятеля (*Nomina Agentis*), осуществляющего профессионально деятельность в научной и практической сфере. Они представляют собой именные, атрибутивные или атрибутивно-именные сочетания, в которых в качестве компонентов выступают существительные, прилагательные, причастия или их различные комбинации, находящихся между собой в определенных синтаксических и смысловых отношениях. Исполняя роль модификаторов, они, как правило, стоят перед базисным (опорным) словом, мотивируя и уточняя его значение.

В качестве базисного компонента в словосочетаниях выступают логопедические термины, заимствованные из различных терминосистем и сохранившие свою семантику. К их числу относятся такие слова, как *logop(a)edist*, *psychologist*, *therapist*, *phoniatician*, *pathologist*, *teacher*, *pedagogue*, *educator*, *instructor*, *clinician*, *physician*, *doctor*, *pediatrician/pediatrist*, *counselor*, *worker*, *specialist*, *professional* и др. В большинстве своем это сложные однословные термины, образованные от именных основ, обозначающих названия различных отраслей профессиональной деятельности людей (науки, образования, медицины и т. п.). Они выражают значение лица, занятого в той области профессиональной деятельности, на которую указывает производящая основа, напр.: *logop(a)edics/logop(a)edia* – *logop(a)edist*; *phoniatics/phoniatory* – *phoniatician*; *psychology* – *psychologist*; *pedagogics/pedagogy* – *pedagogue/pedagog*; *p(a)ediatrics/ p(a)ediatry* – *pediatrician/pediatrist*; *psychotherapy* – *psychotherapist*; *therapy/ therapeutics* – *therapist/therapeutist*.

Отдельную группу составляют простые однословные термины, образованные от атрибутивных и глагольных производящих основ, выступающих в качестве мотивирующей единицы, напр.: *to work* – *worker*; *to educate* – *educator*; *to assist* – *assistant*; *to teach* – *teacher*; *special* – *specialist*.

Рассмотрим основные словообразовательные модели терминологических словосочетаний со значением деятеля. Наиболее употребительными являются двухкомпонентные

атрибутивные словосочетания, состоящие из базисного слова, выраженного именем существительным, и препозитивного определения, выраженного именем прилагательным или причастием настоящего времени. Модель таких словосочетаний строится по формуле (Adjective+Noun):

1. educational logopedist; clinical aphasiologist; verbal therapist; clinical pathologist; developmental psychologist; educational psychologist; special psychologist; psychological clinician; mental physician; bilingual psychotherapist; therapeutic pedagogue; special pedagogue; social pedagogue; social worker; geriatric psychiatrist; pediatric neurologist; deaf psychotherapist.

Вторая модель представлена двухкомпонентными атрибутивными словосочетаниями с именем существительным, выполняющим функцию препозитивного определения. Это модель (Noun+Noun):

2. dyslexia assessor/tutor; dyslexia specialist; aphasia specialist; autism interventionist; autism specialist; behavior psychologist; language therapist; speech therapist; speech pathologist; voice therapist; speech correctionist; speech teacher; voice teacher; speech specialist; audiology specialist; communication specialist; eye therapist; child psychotherapist; child therapist; child/children neurologist; school psychologist; adult educator; adult psychiatrist; music therapist; family physician; healthcare professional; rehabilitation counselor, marriage educator.

Третья модель (Participle I+Noun) представлена препозитивным определением, выраженным причастием настоящего времени: reading teacher.

Во вторую группу вошли трех- и четырехкомпонентные атрибутивные терминологические словосочетания, в которых в качестве препозитивных определений выступают имена существительные, прилагательные и причастия настоящего времени. Они представлены следующими моделями:

1. Модель (Adjective+Adjective+Noun), clinical social worker; psychiatric social worker.

2. Модель (Adjective+Noun+Noun), behavioral health therapist; mental health counselor; public health practitioner; special education pedagogue; social work clinician; pre-school education logopedist; cognitive rehabilitation therapist; psychiatric rehabilitation practitioner.

3. Модель (Noun+Adjective+Noun), school social worker; psychotherapist social worker.

4. Модель (Noun+Noun+Noun), accent reduction specialist; speech correction specialist; speech production researcher; speech-language pathologist; speech-language correctionist; child guidance clinician;

marriage-family therapist; dyslexia specialist teacher; sign language tutor; eye care practitioner, rehabilitation care practitioner.

5. Модель (Noun+Participle I +Noun), blind teaching pedagogue.

6. Модель (Adjective+Adjective+Noun+Noun), special educational needs teacher.

7. Модель (Adjective+Noun+Noun+Noun), pediatric speech-language pathologist.

8. Модель (Noun+Noun+Noun+Noun), speech-language pathology professional; health care support worker.

9. Модель (Noun+Adjective+Noun+Noun), child mental health clinician.

Третью группу составляют атрибутивно-именные терминологические словосочетания, при образовании которых используются артикли, союзы, предлоги и другие соединительные элементы:

1. Модель (Noun+and+Noun+Noun), speech and language therapist, child and adolescent psychotherapist; deaf-and-dumb pedagogue.

2. Модель (Noun+of+Noun+and+Noun), teacher of the deaf and dumb.

3. Модель (Noun+Noun+ of+ Noun+and+Noun), articulation teacher of the deaf and dumb.

4. Модель (Noun+of+Adjective +Noun), teacher of blind students.

5. Модель (Noun+of+Adverb+Participle II+Noun), teacher of mentally handicapped children, teacher of visually impaired students.

6. Модель (Noun+of+Noun+with+Adjective+Participle I+Noun), teacher of students with specific learning difficulties.

7. Модель (Noun+in+Noun), specialist in Logopedics, specialist in Audiology; specialist in pronunciation.

8. Модель (Noun+in+Noun+and+Noun+Noun), specialist in phonetics and language disorders.

Таким образом, агентивные терминологические словосочетания обнаруживают большое разнообразие структурных моделей. Среди них преобладают двух- и трехкомпонентные словосочетания, состоящие из базисного существительного с определяющим его прилагательным или существительным, выполняющим функцию определения (модели A+N и N+N; A+N+N и N+N+N). Такие модели обеспечивают именование деятеля с одновременным указанием его признака, а именно: отраслевой принадлежности (speech and language therapist/speech and language pathologist/educator-logop(a)edist; special psychologist, special pedagogue, social worker); узкой специализации в профессиональной научной или практической отрасли (aphasia specialist, dyslexia tutor, sign language tutor; developmental psychologist, psychological clinician, psychiatric social worker; psychiatric rehabilitation practitioner); объекта нарушения

или субъекта с психофизическим или речевым нарушением, на которое направлено коррекционное действие (hearing impairment teacher; eye therapist; stuttering pedagogue; accent reduction specialist; speech correction specialist; child/children neurologist; blind teaching pedagogue; adult social worker; pediatric speech-language pathologist; teacher of nonfluent child и т. д.).

Необходимо отметить, что базисное слово как постоянная часть терминологического словосочетания сохраняет свое родовое понятие субъекта коррекционно-педагогической, социально-психологической или медико-профилактической деятельности, а изменяемые его части – прилагательные, причастия настоящего или прошедшего времени, наречия или существительные, стоящие в препозиции или постпозиции по отношению к базисному компоненту, выражают видовые понятия, выполняя при нем определяющую и уточняющую функцию.

Вместе с тем имя существительное как базисное слово может стоять как в начале терминологического словосочетания, так и заключать его, причем словосочетания с базисным компонентом в постпозиции характеризуются большей продуктивностью по сравнению с сочетаниями слов, имеющие базисные слова в препозиции. В частности, это можно объяснить наметившейся в английском языке тенденцией преобразования предложных словосочетаний в беспредложные, напр.: specialist in aphasia, модель (N+in+N) → aphasia specialist, модель (N+N); practitioner of psychiatric rehabilitation, модель (N+of+A+N) → psychiatric rehabilitation practitioner; модель (A+N+N); pedagogue of the deaf and dumb, модель (N+of+N+and+N) → deaf-and-dumb pedagogue (N+and+N+N). Причем в последнем словосочетании сочинительная связь между словами оформлена с помощью дефисного написания, что свидетельствует о стремлении беспредложных терминологических словосочетаний к синтаксическому единству и целостности.

Стремление к экономии языковых средств в английском языке проявляется также в образовании аббревиационных вариантов многокомпонентных терминов. Среди сложносокращенных единиц доминируют терминологические словосочетания с инициальной аббревиацией (сокращением начальных букв слов, входящих в состав словосочетания): BHP (behavioral health professional), психотерапевт, поведенческий психолог; OTs (occupational therapists), врач по профессиональным заболеваниям, врач-реабилитолог; SLTs (speech-language therapists, BrE), SLPs (speech-language pathologists, AmE), SP (speech therapist), логопед, коррекционный педагог; JVs (teacher of the visually impaired), тифлопедагог, педагог, обучающий слабовидящих детей, PTs

(physical therapists), физиотерапевт; HCAs (health care assistants), помощник врача, фельдшер; PHPs (psychiatric rehabilitation practitioners), психиатр-реабилитолог.

Вместе с тем английском языке широкое распространение получили аббревиационные варианты, когда усечению подвергается не все терминологическое сложное образование, а только один или несколько входящих в его состав определительных компонентов с сохранением базисного слова, напр.: SEN teachers (special educational needs teachers); ASL teachers (American sign language teachers).

Общая тенденция к экономии языковых средств в английском языке сказалась также в появлении сложных терминов с дефисным написанием (educator-psychologist, educator-logop(a)edist, art-therapist), или однословных составных терминов, образованных сложением основ, напр.: в американском варианте английского языка употребляется цельнооформленный однословный составной термин physiotherapist, а в британском варианте английского языка предпочтение отдается отдельно оформленному терминологическому словосочетанию physical therape(u)tist (физиотерапевт). Вместе с тем, в обоих вариантах английского языка используется усеченный разговорный вариант термина физиотерапевт «a physio», образованный посредством опущения (эллипса) базисного слова.

Таким образом, в современной терминологии логопедии и смежных с ней научных дисциплин допускается одновременное существование полных структурных моделей терминов и их кратких вариантов, что объясняется действием законов языковой компрессии или языковой экономии.

Нередко при терминообразовании допускается варьирование терминов при абсолютном тождестве их значения, что обусловлено использованием различных словообразовательных моделей, напр.: educational logop(a)edist /education logop(ae)dist/ educator-logop(a)edist, педагог-логопед; pediatric neurologist/ child/children neurologist, детский невролог; psycho-clinician/clinical psychologist, психотерапевт, модели (A+N) и (N+N).

Такая вариативность терминов неизбежно порождает синонимию. Так термин special pedagogue в значении “специальный педагог, педагог специального образования” представлен 3 синонимическими единицами: special educational needs teacher/special education teacher/teacher of students with specific learning difficulties, модели (A+A+N+N); (A+N+N); (N+of+N+with+A+Part.I+N). Термин p(a)ediatrician в значении “педиатр, детский врач” имеет синонимический ряд, насчитывающий 6 единиц: child therapist/children’s doctor/baby doctor /child guidance

clinician/pediatric clinician/children or child specialist, модели (N+N); (N+N+N); (A+N).

Однако самый разветвленный синонимический ряд, включающий 18 единиц, имеет термин logop(a)edist в значении «логопед, коррекционный педагог»: speech correction specialist/speech therapist/language therapist/verbal therapist/speech-language therapist/speech pathologist/speech-language pathologist/speech-language pathology professional/educational logopedist/speech correctionist/speech-language correctionist/speech teacher/ children speech pathologist/speech clinician/ specialist in Logopedics/ aphasia specialist/specialist in aphasia/dyslexia assessor/tutor, модели (N+N); (A+N); (N+N+N); (N+N+N+N); (N+in+N).

Подобная вариативность объясняется экстралингвистическими факторами – спецификой профессиональной подготовки специалиста в области логопедии – в одних случаях подготовка ведется в системе образования и социальной работы (educational logop(a)edist, children speech pathologist, pre-school education logop(a)edist), в других случаях в системе или для системы здравоохранения (speech clinician), появлением новых направлений в области логопедии, ее дальнейшей специализацией (aphasia specialist, dyslexia assessor/tutor, communication specialist). В отличие от перечисленных выше вариантов, в основу образования которых положены различные мотивирующие признаки, территориальные варианты термина «logop(a)edist», входящие в его синонимический ряд, характеризуются единством в плане содержания, однако различаются в плане выражения. Так термин speech-language pathologist «логопед, коррекционный педагог» употребляется преимущественно в Северной Америке (США, Канада), термин speech-language therapist/speech and language therapist общепринят в Великобритании, Ирландии и в некоторых странах Содружества (Новой Зеландии и Южной Африке). В Австралии и на Филиппинах используется термин speech pathologist. В Индии и в ряде азиатских стран предпочтение отдается термину speech therapist. В Нидерландах наряду с термином logop(a)edist встречаются варианты: speech and language pathologist/speech and language therapist. (10). В то же время в современном английском языке термин logop(a)edist приобрел узкоспециальную коннотацию и употребляется в профессиональной среде.

Таким образом, в структурном отношении терминологическая система логопедии и смежных с ней дисциплин (специальной педагогики, медицины и специальной психологии) на примере терминологических словосочетаний со значением деятеля в профессиональной сфере характеризуется большим разнообразием словообразовательных моделей с различной степенью

продуктивности и частностью употребления. Наиболее продуктивными способами образования агентивных терминов являются синтаксический (формирование терминологических словосочетаний), морфолого-синтаксический (аббревиация, словосложение). Отличительной особенностью терминологических словосочетаний со значением деятеля в данных областях знания является развитая синонимия, что говорит о незавершенности формирования их терминологических систем, подвижности и открытости терминологических границ. Вместе с тем, агентивные терминологические словосочетания являются важным источником пополнения непрерывно развивающихся терминосистем логопедии и смежных с ней дисциплин, становясь их неотъемлемой частью.

Список литературы

1. Авербух К.Я. Терминологическая вариантность: теоретические и прикладные аспекты // Вопросы языкознания. – М., 1986. – № 6. – С. 38–49.
2. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка / И.В. Арнольд. – Л.: Просвещение, 1973. – 376 с.
3. Ахматьянова З.С. Существительные Nomina Agentis в современном русском языке: дис. канд. филол. наук. – Уфа, 2000.
4. Гринев С. В. Введение в терминоведение. – М.: Московский Лицей, 1993. – 309 с.
5. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М., Академия, 2008. – 304 с.
6. Канделаки Т.А. Семантика и мотивированность терминов. – М.: Наука, 1977. – 167 с.
6. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 4-е изд. – М., ЛИБРОКОМ, 2009. – 256 с.
7. Мартеньянова М.А. Особенности формирования современных научных терминологических систем (на примере терминов нанотехнологии). – Ижевск: Иж ГТУ, 2012.
8. Сложенкина Ю.В. Терминология коррекционной педагогики: лексико-семантический аспект: дис. канд. филол. наук. – М., 2000. – 187 с.
9. Хамаганова Е.А. Некоторые аспекты суффиксального образования терминов со значением деятеля в английском языке (на материале логопедии и специальной педагогики // Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке: материалы междунар. науч.-практ. конф. 26 апреля 2013 г. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина. – С. 60–63.
10. https://en.wikipedia.org/wiki/Speech-language_pathology.
11. www.rc/ky/gov/Statutes/statute.aspx?id=31891.
12. Никошкова Е.В. Англо-русский словарь по психологии // English-Russian Dictionary of Psychology. – М., РУССО, 2001. – 352 с.
13. Понятийно-терминологический словарь логопеда / под ред. В.И. Селиверстова. – М.: ВЛАДОС, 1997. – 400 с.
14. Русско-английский медицинский словарь-разговорник // Russian-English Medical Dictionary Phrase-Book. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1987. – 597 с.

**Основные особенности концептосферы
Ташкентского текста русской литературы**

**The Main Peculiarities of the Concept Sphere
of Tashkent Text of Russian Literature**

Данная статья посвящена исследованию Ташкентского текста русской литературы с точки зрения его концептосферы. Автор выявляет особенности ее организации, подвергая анализу ключевые околоядерные концепты данного сверхтекста природа и культура, которые обнаруживают связь с периферийными концептами арык, вода, глина, дерево, дом, улица, базар.

The article is devoted to the analysis of Tashkent text of Russian literature by means of its concept sphere. The author shows the peculiarities of its structure with the help of analyzing its key perinuclear concepts nature and culture that are connected with periphery concepts aryk, clay, tree, home, street, market.

Ключевые слова: культура, Ташкентский текст русской литературы, сверхтекст, околоядерный концепт, периферийный концепт, концептосфера, сверхтекстовая картина мира.

Key words: culture, Tashkent text of Russian literature, supertext, perinuclear concept, periphery concept, concept sphere, supertext world picture.

В настоящее время исследования языка определяются идеей о неразрывной связи между языком и культурой. В русле современной антропоцентрической парадигмы развитие лингвистики определяется мыслью о том, что постичь сущность языковых явлений можно лишь на основе изучения человека как носителя языка, который, по замечанию Е.Г. Хомяковой, становится «тем кардинальным связующим звеном, которое придает научным изысканиям смысл, являясь мерилем их значимости» [4, с. 3]. Язык и культура, которые долгое время изучались как автономные системы, находятся в непрерывном взаимодействии, ибо, с одной стороны, язык представляет собой основной инструмент, с помощью которого человек усваивает культуру, с другой – он, наряду с другими семиотическими системами, оказывается составной частью культуры. Так, художественный текст, по мнению Л.Н. Мурзина, может быть назван формальной единицей культуры [1, с. 162]. Важными составляющими каждой культуры являются системные единства текстов, прежде всего художественных, в основе которых лежит устойчивый мифологический код, существующий в художественном сознании авторов, в

многочисленных вариациях проявляющийся в их произведениях и способный быть реконструированным в процессе их научного исследования. Объединенные вокруг подобной мифологемы сверткесты представляют собой многоуровневые системы, компоненты которых, находящиеся в прямых и обратных связях, участвуют в создании целостного художественного пространства. Исследуя тот или иной сверткест, возможно выделить тексты, как составляющие его ядро, так и находящиеся на границе культурно-системного единства, выявить ключевые образы и мотивы, играющие немаловажную роль в различных произведениях, относящихся к сверткесту, и, разумеется, проанализировать их языковую ткань. Многие вопросы, касающиеся изучения подобных текстовых единств, до сих пор не получили разрешения, и в современной науке наблюдается большое число различных точек зрения на проблемы, связанные с характеристикой и классификацией сверткестов. Тем не менее, большинство исследователей признает важность изучения сверткестов, которые, являясь немаловажной частью национальной культуры, оказывают серьезное влияние на ее развитие и анализ которых необходим для ее постижения.

В данной статье представляется необходимым рассмотреть, как Ташкентский текст русской литературы, который, по мнению Э. Шафранской, следует, наряду с Петербургским, Московским, Киевским текстами, считать одним из ключевых для отечественной культуры сверткестов [5]. Ташкент воспринимается в пределах данного сверткеста с особой точки зрения, не как другие столичные или провинциальные города. К собственно Ташкентскому тексту, то есть городскому сверткесту, который характеризуется собственной сверткестовой картиной мира, можно отнести такие тексты, как «Ташкент – город хлебный» А.С. Неверова, «ташкентские» стихотворения А.А. Ахматовой, «Раковый корпус» А.И. Солженицына, «На солнечной стороне улицы», «Камера наезжает!» и другие «ташкентские» произведения Д. Рубиной, стихотворения современных поэтов С. Демидовой («В Ташкенте цветет недотрога»), Б. Кримера («Песня о Ташкенте»), Н. Семикозовой («В Ташкенте помню липы и каштаны», «Ташкентский дворик»). Таким образом, существует определенное количество текстов, обнаруживающих глубинное сходство, устойчивые мотивы и образы, а значит, можно говорить о городском сверткесте, который, хотя и продолжает свое развитие в настоящее время, по прогнозам исследователей, близок к завершению. Для постижения особенностей данного сверткеста, необходим анализ его ключевых концептов, получающих репрезентацию во всех составляющих сверткеста и составляющих

единую концептосферу, в которой отражается свойственная для Ташкентского текста сверхтекстовая картина мира.

Формированию собственно Ташкентского текста предшествовало появление произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа ташкентцы», в котором получило отражение стремление русских людей отправиться на поиски счастья в завоеванный Туркестан, а также романа Ф.М. Достоевского «Бесы», в котором упоминается о прокламации со стихотворением «Светлая личность», в котором есть строки: «А народ, восстать готовый... / От Смоленска до Ташкента / С нетерпеньем ждал студента», доказывающие, что Ташкент воспринимался тогда русскими людьми как далекий, но родной, русский город, подобный Смоленску. Ташкент был для тогдашних чиновников землей обетованной, местом, где они надеялись получить выгодную должность, обогатиться, начать новую жизнь. Не случайно в Ташкент собирался ехать Вронский, герой романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина», готовясь навсегда расстаться с Анной и начать новую жизнь в далеком, неведомом краю, хотя ему так и не пришлось туда отправиться. Именно во второй половине XIX в. Ташкент стал восприниматься в народном сознании как «хлебный», теплый, приятный для жизни, что впоследствии получило отражение в Ташкентском тексте, окончательное оформление которого можно связать с появлением повести А.С. Неверова «Ташкент – город хлебный», главный герой которой отправляется в Ташкент в надежде найти там пищу и спасти себя и свою семью от голодной смерти. Надежды этого персонажа в полной мере сбываются, и, несмотря на трудности, которые он испытывает в Ташкенте, ему удается вернуться домой с запасами хлеба. Практически во всех составляющих сверхтекста Ташкент предстает как теплый, хлебный, благодатный город, который гостеприимно открывается каждому, кто пожелает связать с ним свою судьбу. Такое восприятие города в полной мере отразилось в концептосфере связанного с ним сверхтекста.

Концептосферу Ташкентского текста русской литературы можно изобразить в виде круга, в центре которого будет находиться ядерный концепт Ташкент, обнаруживающий связи с околоядерными концептами, важнейшими среди которых являются концепты природа и культура, которые в пределах этого сверхтекста вступают в отношения бинарной оппозиции, и опосредованно с рядом периферийных концептов. Концепт культура явно преобладает по количеству репрезентантов над концептом природа: с природной сферой больше связаны окрестные поселки, куда отправляются отдохнуть жители города: Шахимардан, Янгиюль и т. п., – предгорья Чимгана, где собираются художники и музыканты и т. д. Такие концепты ближней периферии, как арык, сад, сквер, и

дальней – как дерево, мак, сирень, принадлежат скорее сфере культуры: каждый арык, каждое деревце отвоеваны у суровой азиатской природы человеком.

Важными концептами ближней периферии являются, как и в других городских сверхтекстах, дом и улица. Что касается концепта улица, он, безусловно, реализует в пространстве Ташкентского текста положительные признаки, получая репрезентацию в словах улица, улочка, переулок, сквер. Улицы города становятся для героев сверхтекста местом, где проходит большая часть их жизни. Не случайно «ташкентский» роман Д. Рубиной назван «На солнечной стороне улицы»: «...Вся жизнь Ташкента проходила на улице. Неторопливо так прогуливались...». Если в доме человек может чувствовать одиночество, то на ташкентских улицах он всегда член толпы людей, всегда ощущает свою слитность с другими. Улицы города оказывают целительное воздействие на героя повести А.И. Солженицына «Раковый корпус», который понимает, что ходить или ехать по ним – «вид жизни, вид свободы». По солнечным, светлым улицам Ташкента герой сверхтекста редко убегает от преследования, обычно на них, несмотря на шум, крики торговцев, смех детей, царит покой: «Отсюда хорошо было наблюдать улицу. Он оживлялась, но не было ни у кого торопливой городской пробежки. Размеренно двигались прохожие» (Солженицын. Раковый корпус); «...Было какое-то обаяние в нашей улочке, укрытой зеленью, тихо звенящей арыками» (Рубина. На солнечной стороне улицы). Несмотря на то, что улицы Ташкента образуют сложный лабиринт, «путаный бесконечный лабиринт переулков, тупиков, бесчисленного множества узбекских дворов» (Рубина. На солнечной стороне улицы), они не напоминают тот пугающий, таящий угрозу лабиринт, который образуют улицы Петербурга или Москвы (в блоке текстов, объединенных мифологемой «Москва бесовская»). Улица нередко становится для персонажей Ташкентского текста и местом, где можно поесть (так, с удовольствием ест здесь шашлык Костоготов из повести «Раковый корпус») и поиграть с друзьями. Все, кто живет на одной улице, являются соседями, членами одного сообщества: «...Вспоминаю наших соседей – кто на этой маленькой улице только не жил, кого там только не было» (Рубина. На солнечной стороне улицы). Концепты улица и дом сближаются в данном сверхтексте, практически не противостоят друг другу. Дома ташкентцев нередко небогатые, скромные, но их обитатели счастливы и довольны своей жизнью. В доме ташкентца часто бывает много людей: «К ним приходили как в семью – дом стал открытый, шумный. Часто вваливалось человек по восемь-десять» (Рубина. На солнечной стороне улицы). В то же время в этом сверхтексте иногда подчеркивается обособленность хозяев дома от соседей, высокая степень свободы, которой обладает житель Ташкента: «Доктор

Орещенков... не заработал каменных палат, но деревянный одноэтажный домик с садиком все же купил» (Солженицын. Раковый корпус); «Моя память так уютно обжила эти недели, зимние и летние, прожитые на Кашгарке, в домике с единственным, но большим окном, лучезарным, как экран» (Рубина. Бабка); «Маленький, в две комнаты, с застекленной терраской дом, в котором жила учительница с мужем, завершал собой тихий тупичок» (Рубина. Дом за зеленой калиткой). Независимость обладателей домов в Ташкенте подчеркивает и то, что репрезентантом данного концепта в пределах этого сверхтекста может служить и слово особняк: «Старый Ташкент: милые особняки, ореховые и яблоневые сады...» (Рубина. На солнечной стороне улицы); «Была какая-то упоительная мягкость в... белых, розовых и желтоватых особняках центра города – каждый наособицу» (Рубина. На солнечной стороне улицы). Концепт нередко получает репрезентацию в лексеме домик, что способствует активизации его ценностной стороны – герои сверхтекста любят свои дома, относятся к ним с нежностью.

С концептом улица обнаруживают тесную связь концепты дерево и арык (данный концепт входит в группу культурных маркеров Ташкентского текста). По словам героев сверхтекста, «...Главная особенность ташкентских улиц – это арыки» (Рубина. На солнечной стороне улицы). Концепт арык содержит семантические компоненты «оросительный канал», «канава с водой» и обнаруживает связь с концептами вода и жизнь. Вода из арыка дает возможность жить, сажать деревья, растить виноград, дарит желанную прохладу в жаркий день, приносит удачу: «И поливали улицу этой водой, и прохлада от нее шла. И, конечно, в ней играли дети» (Рубина. На солнечной стороне улицы); «Краем двора протекал арык – довольно широкая канава глубиной с метр. Он выныривал из-под забора, ходко бежал метров пятьдесят вдоль стены высоченных кустов бархатно-вишневой и нежно-лиловой мальвы, добежал почти до ворот и снова нырял под забор... Однажды Верка увидела на дне его бумажный рубль» (Рубина. На солнечной стороне улицы). Если в Петербургском тексте концепт вода получает однозначно негативную оценку, то в Ташкентском тексте получает отражение традиционное представление русского человека о воде как источнике жизни.

Именно благодаря арыкам возможно обилие деревьев в жарком восточном городе. Э.Ф. Шафранская, анализируя Ташкентский текст, отмечает, «в рубинском Ташкенте и в устных нарративах одним из космогонических элементов города является дерево. В мифообразе древа зашифровано трехчастное устройство вселенной: верхний, средний и нижний миры... высадка деревьев на архетипическом уровне соответствует акту миротворения, космогонии, помимо того что на бытовом уровне в жарком и солнечном климате дерево дает тень, прохладу. В “портрете”

Ташкента удивляет обилие деревьев» [5, с. 121]. Как отмечают исследователи, «важнейшим аспектом мифологии дерева является его устойчивая соотнесенность с человеком... Дерево, как и человек, имеет свой “век”, рождается и умирает, переживает периоды расцвета и увядания» [4, с. 134]. Дерево является «одним из основных элементов традиционной картины мира, моделирующий его пространственные и временные образы» [4, с. 133]. Следы подобного восприятия деревьев сохранились и в наши дни, ибо в сознании современного носителя языка и культуры концепт дерево сближается с такими концептами, как жизнь, вечность, любовь, счастье [2, с. 162]. В сверхтексте можно встретить упоминания о таких деревьях, как акация, вишня, груша, дуб, карагач, миндаль, орех, платан, слива, тополь, тута, туя, урюк, чинара, яблоня. Каждое дерево – символ жизни, и герои данного сверхтекста нередко обращают внимание на то или иное дерево в момент выздоровления, возвращения к жизни: «И тогда... он увидел над соседним закрытым двором прозрачный розовый как бы одуванчик, только метров шесть в диаметре – невесомый воздушный розовый шар... Урюк??..» (Солженицын. Раковый корпус); «В парке жили осеняющие клены, раскидистые дубы, нежные японские акации» (Солженицын. Правая кисть); «...Эти сквозистые кроны чинар, погруженные в глубину неба, означали для нее больше, чем просто – жизнь; все это было жизнью подаренной» (Рубина. На солнечной стороне улицы); «Вдруг Вере захотелось, чтобы эта музыка вошла сюда... Она вскочила, приблизилась к окну... Неподвижные пики туй уходили ввысь» (Рубина. На солнечной стороне улицы).

Концепту вода в структуре Ташкентского текста противостоит концепт глина, который получает языковую репрезентацию в словах глина, глиняный, глинистый, желтоглинный. Если вода – символ жизни и ее пестрого, благоуханного разнообразия, то глина нередко связывается в Ташкентском тексте с тоской, смертью и однообразием: «Подойдя к сетке, я глянула в гиблую пасть земли и подумала: если как следует разбежаться и, перепрыгнув забор, нырнуть головой вниз, то об этот сухой крошащийся грунт можно вышибить, наконец, из себя эту – необъяснимой силы – глинистую тоску» (Рубина. Камера наезжает!..); «Казалось, это желтоглинное пространство вращалось вокруг машины, как гончарный круг» (Рубина. Камера наезжает!..).

Концепт культура всегда сопровождается в пределах Ташкентского текста положительной оценкой. К сфере культуры относятся концепты, которые играют в сверхтексте наиболее важную роль: дом, базар, чайхана, арык. Концепт базар сопровождается в Ташкентском тексте только положительной оценкой. Он связан с изобилием: «Да... базары моего детства... Издалека душно благоухали прессованные кубы багряных и желтых

сушеных дынь... А оранжево-глянцевые кулаки первой хурмы, а горы багровых, с маленькой сухой короной, гранатов... А тяжелые влажные кирпичи халвы – золотистой кунжутной, охристой маковой, урючной...» (Рубина. На солнечной стороне улицы). Описания базаров в произведениях Д. Рубиной сопровождаются словами и словосочетаниями «масса», «все окрестные... улицы», «отовсюду», «видимо-невидимо», «чего только не найдешь», «кто только на нем не торговал» и т.д. В сверхтекстовой картине мира, присущей Ташкентскому тексту, базар – это место, где царит кипучая жизнь, прекрасная во всех своих проявлениях, где человек воспринимает тысячи разнообразных красок, звуков, запахов, вкусов. Кроме того, на базаре проявляются лучшие качества людей: талант, доброта, щедрость, справедливость, жалость: «А как умели торговать узбеки! Это был талант от Бога!..»; «Если долго ходить вдоль рядов и смотреть на еду, узбеки угощают. Узбеки добрые»; «Чашки, чайники возрождались к новой жизни, в этом были и справедливость, и доброта» (Рубина. На солнечной стороне улицы). Так, именно на базаре находит своеобразный приют Вера из романа Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы»: там голодную, одинокую девочку жалеют и кормят. Кроме того, базар получает интерпретацию, связанную с таким семантическим компонентом этого слова, как «шум», но в Ташкентском тексте базарные крики воспринимаются как непереносимые показатели деловой атмосферы торговых рядов. Жить недалеко от шумного Алайского базара кажется героине повести Д. Рубиной «Камера наезжает!..» благом, которому стоит радоваться. Нельзя не согласиться с Э.Ф. Шафранской, утверждающей, что в данном сверхтексте «базар... является сакральным пространством – эта неожиданная для повседневного сознания коннотация позволяет поставить базар в типологический ряд таких метафор: храм науки, храм искусства... и базар – храм торговли» [5, с. 131–132]. Концепт ближней периферии базар обнаруживает в Ташкентском тексте русской литературы явные связи не только с концептом культура, но и с другими околядерными концептами: свет, радость, жизнь (Алайский базар одна из героинь романа Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы» называет «центром жизни», и далеко не случайно герой повести А.И. Солженицына «Раковый корпус», выйдя из больницы, попадает туда, где торгуют шашлыком: если в раковом корпусе царит смерть, то базар олицетворяет саму жизнь»), а также с другим периферийным концептом музыка. Необходимо отметить, что не только базарный, но и любой уличный шум для жителей Ташкента является музыкой: «Она всплескивает во мне и, очевидно, не смолкнет уже до самого конца – музыка улиц послевоенного Ташкента» (Рубина. На солнечной стороне улицы).

В Ташкентском тексте упоминаются названия базаров: Шейхантаурский, Фархадский, Госпитальный, Туркменский,

Алайский, – каждое из которых является культурным маркером сверттекста. Однако в сверттексте присутствует и другой образ базара – известной Тезиковки, где можно купить все что угодно и где бандиты обманывают честных покупателей. Именно на Тезиковке героиня роман Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы» Катя начинает свою страшную карьеру, выдавая недорогие часы за золотые «с бриллиантовыми камнями». Однако даже в данном случае концепт базар реализует положительные признаки: это место, где Катя счастлива, где ее всякий раз ожидает «нечто особенное, чего не могла она назвать, но ждала с нетерпением», где другие торговцы жалеют ее, принимая за обездоленную сиротку, и пытаются ей помочь. Здесь каждый получает возможность проявить свои лучшие качества: торговли – милосердие к несчастной, Катя – свой талант, ибо она не столько обманывала людей, сколько «верила и мысленно представляла маму, их квартиру на Васильевском». Более того, на базаре она «вдохновенно плакала настоящими слезами о своей судьбе», только здесь осознавая ее ужас, вспоминая ушедших родственников и, возможно, отчасти каюсь в содеянном. Позже, уже перестав торговать на Тезиковке, она окончательно возненавидит людей и «сама станет злом», но сейчас он еще дает ей возможность раскаяться.

Таким образом, в концептосфере Ташкентского текста русской литературы создается особая сверттекстовая картина мира, для которой характерно понимание Ташкента как светлого, хлебного, гостеприимного города, где культура побеждает достаточно суровую азиатскую природу. Думается, что данные, полученные в ходе исследования концептосферы Ташкентского текста русской литературы, могут быть использованы в ходе дальнейшего исследования данного культурно-языкового феномена, например, при дальнейшей, более подробной разработке установления специфики каждого из концептов и изучении возможностей их репрезентации в языковой ткани сверттекста.

Список литературы

1. Мурзин Л.Н. Язык, текст и культура // Человек-Текст-Культура: Коллект. монография / под ред. Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой. – Екатеринбург: ИРРО, 1994. – С. 160–169.
2. Русский ассоциативный словарь. В 2-х т. Т.1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: ООО «Изд-во Астрель», 2002. – 784 с.
3. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М.: Международные отношения, 2002. – 512 с.
4. Хомякова Е.Г. Эгоцентризм речевой деятельности. – СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2002. – 220 с.
5. Шафранская Э.Ф. Ташкентский текст в русской культуре. – М.: Арт Хаус медиа, 2010. – 304 с.

Раздел 2. Теория дискурса и языковые стили

Section 2. The Theory of Discourse and Language Styles

УДК 81'42

И. Ю. Артемова
I. Y. Artemova

**Намек как коммуникативно-семантическая категория:
способы репрезентации в русском устном публичном дискурсе**

**Allusion as a communicative-semantic category:
methods of representation in the Russian public discourse**

Статья посвящена анализу намека как коммуникативно-семантической категории устного публичного дискурса. Определяются семантические типы категории намека (идентификация, убеждение, осуждение, приказ) и репрезентирующие её иллокутивные тактики (наводящего вопроса, цитирования, аллегорического и метафорического сравнения, рефрейминга, замалчивания).

The article is dedicated to the analysis of allusion as a communicative-semantic category in oral public discourse. The author singles out semantic types of allusion (identification, persuasion, condemnation, command), and its illocutionary tactics (leading question, citation, allegoric and metaphorical comparison, reframing and suppression).

Ключевые слова: дискурс; коммуникативно-семантическая категория; намёк; иллокутивная тактика; имплицитная перформативная рамка.

Key words: discourse; communicative-semantic category; allusion; illocutionary tactic; implicit performative frame.

Анализ коммуникативно-семантической категории намёка проводится на материале межличностной ситуации дискуссионного общения в телевизионном формате как специфического типа русского устного публичного дискурса.

Выделим основные характеристики категории намёка с точки зрения коммуникативно-прагматического и функционально-семантического подходов.

Категория намёка как коммуникативная реализуется в такой типизированной ситуации общения, при которой говорящий вынужден прибегать к непрямому способу представления информации в виду различных дискурсивных факторов, наиболее важным из которых является соблюдение правил вежливости при

дискуссионном характере общения. Действительно, прагматические предусловия данного типа коммуникации (межличностная ситуация дискуссионного общения в телевизионном формате) налагают обязательства соблюдения правил вежливости и одновременно поддержания дискуссионного характера общения. Таким образом, доминантными коммуникативными категориями данного типа дискурса оказываются «вежливость», «коммуникабельность», «коммуникативное давление», «коммуникативный самоконтроль» [11, с. 24]. В то же время, по наблюдению Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой, «особенность максим вежливости состоит в том, что не только их нарушение, но и их усердное соблюдение вызывает дискомфорт» [1, с. 27]. Категории вежливости и давления, наличие которых обусловлено спецификой рассматриваемого типа устного дискурса как сочетающего характеристики «лично-ориентированного» и «статусно-ориентированного» [8, с. 193], входят в противоречие друг с другом, что стимулирует проявление коммуникативной категории намека. Другими дискурсивными факторами, стимулирующими проявление категории намека, являются невозможность прямого указания на факты действительности в виду социокультурной ситуации и желание повысить статус относительно собеседников за счёт использования соответствующих речевых средств.

Рассмотрим подробнее особенности речевой ситуации межличностного общения в телевизионном формате, отличительным признаком которой будем считать её максимальную упрощенность, заданность «прагматического» и «социального контекста» [5, с. 19, 22].

Итак, определим релевантные для проявления коммуникативно-семантической категории намека параметры прагматического контекста [5, с. 26]. Тип социальной ситуации: межличностная, публичная, неформальная, но имеющая ограничения; фрейм: обсуждение социально-значимых вопросов в студии; А. Структура фрейма: а. Место: телевизионная студия б. Функции: F (х): ведущий G (у): гость (гости) программы с. Свойства: х имеет знаки поведенческого отличия, направляет обсуждение, задаёт и меняет тему, распределяет роли участников беседы; предполагается, что у поддерживает тематическую направленность беседы, но обладает свободой в выражении своей точки зрения, может менять направление беседы; d. Отношения: G находится в относительном подчинении F; e. Позиции: х задаёт тему обсуждения, провоцирует у; у выражает своё мнение и точку зрения, дискредитирует других собеседников, в том числе х. В. Фреймы конвенциональных установлений.

1. Каждый участник обсуждения должен высказывать своё мнение по обсуждаемому вопросу; 2. Каждый собеседник должен уметь опровергнуть мнение другого собеседника не нарушая правил этики; 3. Главной функцией ведущего является координация диалога собеседников, выдвижение тем и микротем. Отвечающая ситуации последовательность действий (слушающего): Макродействие: у приходит в студию для публичного обсуждения социально-значимых вопросов, публичного обоснования своего мнения; Предшествующая деятельность: собеседники собираются в студии, как правило, просматривают сюжет, задающий тему обсуждения; Отвечающая ситуации последовательность действий (говорящего): Макродействие: х принимает на себя роль лидера в разговоре, контролирует направление беседы и задаёт тему и микротемы общения; Предшествующая деятельность: х просчитывает возможные направления в развитии дискуссии.

Можно также добавить, что подобные ситуации представляют собой канонические речевые ситуации [18], «когда Говорящий не отделён от своего высказывания; когда момент создания высказывания совпадает с моментом его восприятия Адресатом (т.е. когда Адресат является слушающим); когда Говорящий и Адресат имеют общее поле зрения – в частности, могут видеть друг друга» [10, с. 34].

Категория намёка как семантическая отражает такой компонент психологической ситуации, как волевое воздействие говорящего на слушающего, проявляющееся в сознательном выборе и способах представления языковых средств с целью изменения информационного и акционального состояния собеседников с расчётом на обязательное извлечение импликаций слушающим в виде «семантических элементов, не выраженных явно, но вытекающих из эксплицитно выраженных средств» [2, с. 105–106]. Намёк как семантическая категория имеет свою инвариантную и варианты категориальные ситуации [3]. Инвариантная категориальная ситуация намёка возникает при условии доминирования у говорящего стратегии вуалирования в условиях полного знания о сообщаемых фактах и намеренного выбора способа комбинирования не прямых средств воздействия на информационное поле и/или поведение адресата при расчёте на обязательное извлечение импликаций последним. При этом в фокусе внимания говорящего оказываются объекты-наполнители обсуждаемых фреймов как «стереотипных денотативных пространств» [17, с. 225], заданных темой или микротемой передачи. Вариантные категориальные ситуации намёка возникают при пересечении семантических зон намёка и определённости, намёка и оценочности, намёка и персуазивности:

«... семантические категории имеют ту форму существования (в тех или иных вариантах), которая связана с реальными процессами и результатами мыслительно-речевой деятельности» [3, с. 291].

В плане выражения коммуникативно-семантическая категория намёка реализуется как «сложное высказывание» [16, с. 15], длина которого равна длине сверхфразового единства. Таким образом, рассматриваемой единицей общения является сложное высказывание, или «отдельный отрезок речи, имеющий в данных условиях определённую целевую направленность как некоторое законченное целое» [14, с. 6]. Считаем необходимым отметить, что при таком подходе к определению высказывания становится возможным комплексный учёт грамматического, фонетического и содержательного аспекта подобных речевых произведений. Смысловая целостность сложного высказывания формируется на фоне стратегии вуалирования как «частной стратегии» [7, с. 105] устного публичного дискурса телевизионного формата. Именно стратегией, как общим «когнитивным планом общения» [7, с. 100], определяется семантический, стилистический и прагматический выбор говорящего [7, с. 105]. Для классификации сложных высказываний удобно воспользоваться термином тактика как «способа» [7, с. 9] оформления речевого произведения, который позволил бы закрепить название тактики за определёнными конструкциями, учитывающими все перечисленные выше аспекты системы языка. Рассмотрение «тактики» с этих позиций представляется оправданным, так как «тактика» подразумевает направленность речи на адресата и отражает категории интерактивности и диалогичности. При этом «тактика» может входить в разное количество дискурсов и в зависимости от прагматического и социального контекста иметь разное качество и по-разному интерпретироваться. В данной статье предпринимается попытка классификации тактик, репрезентирующих коммуникативно-семантическую категорию намёка в ситуации межличностного общения в телевизионном формате. Представляется, что к рассматриваемым в данной статье случаям проявления категории намёка можно отнести следующее замечание О.С. Иссерс: «Ситуации неоднозначного прочтения коммуникативных намерений характерны для определенных речевых тактик. Так, например, серия речевых тактик похвалы репрезентирует стратегию положительной оценки. Однако убеждение, что похвала – это нечто позитивное, далеко не всегда соответствует действительности» [7, с. 96].

В структурном отношении тактика устной речи сопоставима со сверхфразовым единством в письменной речи как «ряд особых единиц, объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи» [6, с. 18], и

как часть речевого произведения (например, дискуссии), имеющая частную, обусловленную контекстом, прагматическую направленность. При этом из всех перечисленных аспектов системы языка тактика акцентирует содержательный аспект. Как известно, проблема выделения смысла является центральной при изучении тактик. Особенно значимой эта проблема становится при изучении тактик не прямой коммуникации, когда смысл оказывается завуалированным, требующим интерпретации.

В данной работе для рассмотрения репрезентирующих коммуникативно-семантическую категорию намека тактик вводится термин «иллокутивная тактика речи» (далее ИТР), который подчёркивает её обязательную иллокутивную направленность, оформленную непрямыми языковыми средствами. Так, по замечанию Стросона: «Действительно, по своей сути иллокутивная сила высказывания – это то, что, согласно намерению, должно быть понято» [15, с. 135]. Это означает, что если пресуппозицию таких высказываний составляет знание о фреймах, то пропозиция всегда содержит подразумеваемый компонент, или вывод, который обязательно должен сделать слушающий в процессе восприятия речи говорящего. В связи с этим в данной статье предлагается рассматривать сложные высказывания как пропозиции с имплицитной перформативной рамкой [19] (далее ИПР), план выражения которых обусловлен выбором ИТР. Таким образом, при ИТР говорящий даёт установку на полную интерпретацию его намерений, затрудняя восприятие слушающего использованием не прямых средств.

В то же время, так как процессы, происходящие в индивидуальной психике индивида, не доступны лингвистическому наблюдению, то единственно достоверным способом раскрытия смысла является наблюдение над реакцией адресата, произведённым эффектом в общении. Такой подход позволяет вскрыть закономерности проявления языковой рефлексии с одной стороны и стереотипностью восприятия речи в языковом сознании с другой. Таким образом, в объект исследования при рассмотрении ИТР попадает как иницирующая тактика адресанта, так и реакция адресата. Оправданность включения реакции адресата в объект анализа подтверждается и другими наблюдениями: «... благодаря определённому набору элементарных высказываний и их организации в определённую структуру, первичная коммуникативная деятельность задаёт конкретный, именно данный, а не какой-то иной характер протекания вторичной коммуникативной деятельности и в этом смысле программирует последнюю, осуществляет управление ею: даёт ей определенность свойств, состава, содержания, завершённость структуры» [12, с. 97]. Кроме того, анализ реакций

при исследовании ИТР даёт возможность выявить национальные особенности и условия функционирования таких тактик, так называемый «сверхязыковой остаток» [13], охватывающий «все творческие моменты речевого поведения людей в части создания, выбора, соединения, нового применения языковых единиц» [4, с. 44].

Итак, в рассматриваемом типе дискурса коммуникативно-семантическая категория намёка имеет следующий набор реактивных маркеров: 1) молчание-обдумывание; 2) мимика непонимания, удивления; 3) ответная речевая реакция: завуалировано говорите, не командуйте.

В результате комплексного анализа категории намёка в русском устном публичном дискурсе телевизионного формата были выявлены следующие её семантические типы и прагматические характеристики:

1. Изменение информационного состояния собеседника

Семантический категориальный тип: намёк-идентификация. Категориальная ситуация: наблюдается наложение семантических зон намёка и определённости, намёка и оценочности. Доминирующий дискурсивный фактор: невозможность прямой идентификации в виду социокультурной ситуации. Вид импликации: импликация указания на конкретные факты действительности. ИТР: 1) наводящего вопроса; 2) цитирования. Реактивный маркер: молчание-обдумывание.

1) ИТР наводящего вопроса. ИПР: «Я указываю на конкретные факты действительности: лица, предметы, события». Пропозициональная структура таких высказываний содержит элементы с акцентным выделением, расположенном на «опорной точке» [9] обсуждаемого фрейма, представленной в высказывании в большинстве случаев вопросительным местоимением в аллюзивном употреблении:

1) – Но, послушайте, разве церковь ни на что не оглядывается в своих действиях?

«Нереальная Политика» с Всеволодом Чаплиным, НТВ, 00:14:36

2) – А потом, простите, кто стал это оружие туда поставлять? Откуда там взялись эти миражи, потом перелетели на Мальту ливийские офицеры? Они из воздуха там, очевидно, нарисовались там ...

Открытая студия: «Новая война!», 5 канал (СПб), 00:17:25

2) ИТР цитирования. ИПР: «Я указываю на конкретные лица и отрицательно характеризую автора приводимых слов». Пропозициональная структура высказываний содержит прямое цитирование чужих слов:

1) – Все наши журналисты начинали своё интервью с одного вопроса, все. Угадайте с какого.

– Куда пойдут эти деньги?

– «Скажите, а почему вы помогаете Японии?»

«Нереальная Политика» с А.Макаревичем, НТВ, 00:24:12

(о благотворительном концерте музыкантов в Японии после землетрясения)

Семантический категориальный тип: намёк-убеждение. Категориальная ситуация: наблюдается наложение семантических зон намёка и персуазивности. Доминирующий дискурсивный фактор: желание повысить статус относительно собеседников за счёт использования соответствующих речевых средств при убеждении слушающих. Вид импликации: импликация несогласия говорящего с собеседниками. ИТР: 1) аллегорического сравнения; 2) рефрейминга. Реактивный маркер: молчание-обдумывание, мимика удивления, ответная речевая реакция (реакция согласия).

1) ИТР аллегорического сравнения. ИПР: «Я убеждаю, опровергая». Пропозициональная структура содержит сравниваемые компоненты:

1) – Сегодня многие сайты зарегистрированы как сайты массовой информации, и на них в полной мере распространяется закон о массовой информации... на них должна распространяться ответственность, и если не средства массовой информации, то провайдеры, администраторы, хозяева сайта должны нести ответственность, в том числе и уголовную.

– А также минское метро должно нести ответственность за то, что в нём перевозили бомбу, взорванную потом в этом метро.

Открытая студия: «В интернет по паспорту», 5 канал (СПб), 00:20:12

2) ИТР рефрейминга. ИПР: «Я убеждаю, используя сходство фактов». Пропозициональная структура содержит дейктические элементы общей семантики, с помощью которых говорящий выдвигает на первый план некоторые общие черты обсуждаемых объектов. В данном случае тактика рефрейминга строится за счёт замены конкретных референтных именных групп на атрибутивные [17]:

1) – Вот, возьмем: сын божий, родившийся от девственницы, прекрасной и добродетельной девушки, сделавший в течение своей жизни много прекрасных поступков, в том числе и воскресивший мертвого. Оклеветанный и преданный, этот человек принимает мученическую смерть и возносится на небо к своему отцу по велению этого отца. Я нигде не перешел рамки? Это корректное изложение?

– Ну не вполне, но более или менее.

– А я говорил о Геракле! Я говорил о сыне Зевса и Алкмены, я говорил о том, кто воскресил Алектиду, я говорил о том, кто добровольно вошел на костер.

Открытая студия: «Осторожно: богохульство!» 5 канал (СПб), 00:13:41

Семантический категориальный тип: намёк-осуждение. Категориальная ситуация: наблюдается наложение семантических зон намёка и оценочности. Доминирующий дискурсивный фактор: представление о более высоком по отношению к собеседникам статусе для выражения суждений. Вид импликации: импликация личностного отрицательного отношения к фактам действительности. ИТР: замалчивания. ИПР: «Я осуждаю и даю отрицательную характеристику». Пропозициональная структура содержит местоименные дейктические комплексы то..., что; тех ..., которых. Реактивный маркер: речевая реакция непонимания и молчание-обдумывание.

1) – ... и в результате случилось то, что случилось.

– Завуалировано говорите.

Открытая студия: «Нужна ли России монархия?», 5 канал (СПб), 01:27:19

2) – Это вообще характеризует демократическую ситуацию в стране, где деньги тратятся на то, на что их можно не тратить.

Открытая студия: «Выбираем директора школы?», 5 канал (СПб), 01:23:00

3) – У нас что, защищена частная собственность? А контрактное право у нас осуществляется в любых кабинетах, кроме тех, в которых оно должно осуществляться.

Открытая студия: «Усиление государства: панацея от кризиса?», 5 канал (СПб), 00:11:03

II. Изменение акционального состояния собеседника

Семантический категориальный тип: намёк-приказ. Категориальная ситуация: наблюдается наложение семантических зон намёка и оценочности. Доминирующий дискурсивный фактор: желание повысить статус относительно собеседников за счёт использования соответствующих речевых средств и при этом казаться вежливым. Вид импликации: импликация представления о более высоком по отношению к собеседникам статусе для управления их поведением. ИТР: метафорического сравнения. ИПР: «Я хочу, чтобы вы изменили своё поведение (не перебивали друг друга и выражались полнее и точнее)». Пропозициональная структура содержит метафорически сравниваемые компоненты. Реактивный маркер: соответствующая речевая реакция и мимика удивления.

1) – Я вот тоже хочу обратиться к присутствующим ... Я хочу напомнить, что ... Яд, яд, лучше проникает через аккуратно, тщательно сделанные прокусы, а не через хаотично сотворённые царапины, поэтому ... а ... лучше не перебивать ... а ... друг друга, как к этому, возможно, нас будут призывать, а всё-таки выслушивать.

– То есть будем ... долго молчать ... печально. Так! Вы не командуйте, Александр Глебович!

Открытая студия: «Что празднуем?», 5 канал (СПб), 00:03:30

Таким образом, нами были достигнуты следующие результаты: 1) выявлены семантические типы категории намёка; 2) определены виды репрезентирующих данную категорию тактик в аспекте соотношения реляционных структур и имплицитной перформативной рамки; 3) установлены виды реализующихся импликаций; 4) обозначены зоны пересечения категории намёка с категориями определённости, персуазивности и оценочности.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике / общ. ред. Е. В. Падучевой. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – С. 3–42.
2. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. – Л.: Наука, 1978. – 175 с.
3. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / Рос. академия наук. Ин-т лингвистических исследований. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
4. Борухов 1989 – Борухов Б.Л. Речь как инструмент интерпретации действительности (теоретические аспекты): дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1989.
5. ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. – Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
6. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981.
7. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – 5-е изд. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
9. Николаева Т. М. Функции акцентного выделения в устной научной речи // Современная русская устная научная речь. – Т. 1. – Красноярск, 1986. – С. 293–326.
10. Падучева Е.В. Говорящий как наблюдатель: Об одной возможности применения лингвистики в поэтике // Изв. РАН. – Сер. лит. и яз. – 1993. – № 3. – Т. 52. – С. 33–44.
11. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 238 с.
12. Сидоров Е. В. Онтология дискурса / Е. В. Сидоров. – 2-е изд. – М. : URSS: Либроком, 2009. – 228 с.
13. Смирницкий 1981 – Смирницкий А.И. Объективность существования языка // История советского языкознания: Хрестоматия. – М., 1981.
14. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. – М., 1957. 2-е изд. – М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2007.
15. Стросон П. Ф. Намерение и конвенции в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 131–150.
16. Торсуева И. Г. Интонация и смысл высказывания. Изд. 2-е, испр. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 112 с.
17. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.
18. Lyons J. Semantics. L., etc.: Cambridge Univ. Press, 1978. V. I-II. – 897 p.
19. Ross John R. On declarative sentences, в кн.: Readings in English transformational grammar, Waltham (Mass.), 1970. – С. 222–272.

**Функционально-стилистическое варьирование
и национально-региональная стратификация языка**

**Functional stylistics' varieties and national regional
stratification of the language**

В статье рассматривается взаимодействие национально–регионального и функционально-стилистического факторов языкового варьирования на материале экспериментального исследования, посвященного немецкому и австрийскому вариантам немецкого литературного языка.

The article explores the interaction between national and regional varieties on one side and functional stylistics' factors on another based upon a research of German and Austrian types of High German language.

Ключевые слова: немецкий литературный язык, языковая вариативность, экспериментально-фонетическое исследование.

Key words: German literary language, language variety, phonetic experiment.

Интерес лингвистов к проблеме соотношения языкового инварианта (стандарта) и его национальных (и региональных) вариантов наиболее ярко проявился в последней трети XX в., но вопросы конкретного, не только иерархического, но и функционально-стилистического взаимодействия последних и сегодня остаются открытыми. Знакомство с данной тематикой имеет большое практическое значение и в преподавании иностранного языка, как то для повышения языковой коммуникативной компетенции студентов-филологов и не филологов в условиях возрастающего общения с представителями различных полинациональных языковых сообществ.

Немецкий язык в ряде европейских стран с их различной социолингвистической ситуацией (в Германии, Австрии, Швейцарии, прежде всего), а также за пределами Европы, предоставляет наряду с испанским, английским и др. плюрицентрическими языками разнообразный, неоднозначно интерпретируемый исследовательский материал.

В отношении австрийского варианта немецкого языка следует отметить, что ярко выраженная интерференция между различными формами существования немецкого языка в Австрии является причиной окрашенности реально действующего

умеренного произносительного стандарта *Standardlautung* [1, с. 176–178]. Те или иные диалектные особенности проникают в речь представителей социальной и образовательной элиты через промежуточную языковую форму (обиходно-разговорный язык). По мнению авторитетного австрийского лингвиста И. Райфенштайна, в ближайшей к «строгой» норме Зибса¹ австрийской произносительной норме присутствуют интонационные отличия [2, с. 14]. Но по убеждению автора данной работы, не всегда интонационное оформление реализации отделимо от ее сегментного наполнения. Например, такая австрийская особенность, как затягивание фонематически кратких гласных, является особенностью двухуровневого порядка, и интонационного, и сегментного², так же как и подмена редуцированного заударного гласного недостаточно открытым кратким.

Утверждение другого известного австрийского лингвиста П. Визингера о том, что если в *Standardlautung* и сохраняется региональная окраска в способе артикуляции и мелодике речи, то речь профессионально обученных дикторов радио (и телевидения) и актеров восходит к произносительным правилам Зибса [3, с. 19–20], хотелось бы дополнить некоторыми рассуждениями в отношении последних. Очевидно, что авторы сценической нормы не ограничивались в процессе выработки ее правил одним исключением региональных особенностей, а ориентировались и на требования сцены, как то разборчивости, голосовой полетности и т. п. Нельзя не заметить того, что речь представителей австрийской сцены является результатом взаимовлияния эстетизированного сценического варианта немецкого языка, наиболее свободного от местной окраски, с одной стороны, и местных, национально-региональных, произносительных вариантов, с другой (что обусловлено национальным драматургическим репертуаром).

Литературный немецкий язык в Австрии характеризуется не только региональной, но и функционально-стилистической вариативностью, где те или иные интонационные особенности служат для передачи тонко дифференцируемых эмоциональных созначений и смыслов [6, с. 132–134].

В зависимости от поставленных задач актер, будучи достаточно оснащенным в отношении речевой техники, «лавирует» между двумя крайними формами существования языка (норма – диалект) и варьирует регионально-диалектный набор интонационно-произносительных особенностей, осуществляя свой

¹ Siebs Th. Deutsche Aussprache. Reine und gemäßigte Hochlautung mit Aussprachewörterbuch. Berlin 1969. Первоначально «*Bühnenaussprache*».

² Выводы автора в отношении специфических ритмических особенностей речи австрийцев в диссертационном исследовании [7].

выбор в соответствии с жанрово-стилистическим характером сценического материала (классическая трагедия, народная сказка, современная пьеса ит.д.). При этом, варьируемый «венский диалект» при исполнении комедий И. Нестроя или драм А. Шницлера, персонажи которых относятся к различным социальным слоям, должен соответствовать требованиям сцены, что, однако, не означает полного соответствия нормативному произношению.

С другой стороны, такая региональная интонационная специфика австрийской речи, как то тенденция к повышенной ритмизации, может в ряде случаев оказаться выражением риторической фигуры скандирования, соответствующей речи самого высокого уровня.

При этом использование актером тех или иных региональных, диалектных особенностей для характеристики персонажа (в соответствии с требованиями сцены) формирует его собственный индивидуальный произносительный вариант. Так, традиционно культивируемые актерами произносительно-интонационные особенности венской аристократической манеры начала XX в. зачастую переносятся в обыденную речь этих актеров. Эти же особенности, воспринятые некоторыми представителями высшего австрийского чиновничества, не имеющими аристократических корней, становятся отличительной чертой их индивидуального произносительного стиля. Последний, как современная разновидность аристократического венского диалекта *Hofratsdeutsch*, воспринимается в австрийском обществе как индивидуальный, исторический, но не со знаком минус в отношении его социального статуса.

В ряде публикаций и выступлений автор статьи уже представляла результаты своих экспериментальных исследований, посвященных национальной и региональной интонационной вариативности, описывая национальные, региональные и индивидуально-эмоциональные особенности речи носителей австрийского варианта немецкого литературного языка в сравнении с нейтральным интонационно-произносительным стандартом [5, 6, 7]. Попробуем рассмотреть явление интонационно-произносительной вариантности не для того, чтобы перечислить региональные или национальные отклонения от эталона, а обращая внимание на «освоение», использование этих отклонений при функционально-стилистическом варьировании. Национальная (и региональная) специфика в условиях функционально-стилистического варьирования является источником многообразия индивидуально-произносительных вариантов. Рассмотрим некоторые экспериментальные данные.

В рамках исследования автора 90-х гг. был проведен ряд аудиторских экспериментов, позволивший осуществить отбор

звукового материала для дальнейшего детального инструментального анализа. Эксперименты проводились в Вене и в Гамбурге, в роли аудиторов выступали студенты университетов, австрийцы и немцы, участники фонетических семинаров. Аудиторы (13 в Гамбурге и 8 в Вене) прослушивали австрийские и немецкие сценические и дикторские фразовые реализации в случайном порядке (при трехкратном повторении). На специальных бланках аудиторы отмечали в соответствующей графе, является ли данная реализация региональной (северно-немецкой – СН, южно-немецкой – ЮН, австрийской – А) или надрегиональной литературной (немецкой – НЛ или австрийской – АЛ). Одновременно в правой части бланка в соответствующих графах отмечалось, за счет чего аудиторы давали свою оценку (сегментной специфики, мелодической, ритмической или их комбинации). Оказалось, что носители национальных и региональных вариантов немецкого языка, например, хорошо различают «северный» и «южный» произносительные стандарты в широком смысле слова. Первый включает в себя реализации северно-немецкого регионального и нейтрального литературного варианта, а второй южно-немецкого регионального и австрийского национального типов [4, с. 15–17].

Разночтения в оценках аудиторов в точном определении региональной принадлежности варианта (и его степени близости к стандарту) объясняются, прежде всего, неодинаковым представлением австрийских и немецких аудиторов о том, что же следует считать нейтральной общенемецкой нормой (НЛ). Также следует отметить недостаточно устойчивое представление самих австрийских аудиторов о том, что отличает австрийский интонационно-произносительный стандарт надрегионального уровня (АЛ) от австрийского стандарта регионального уровня (А).

Рассмотрим данную ситуацию на примерах. Среди прочего разнообразного исследовательского материала аудиторам предъявлялись 3 фразы из монолога Валленштейна сценических и кино постановок разных лет, где в роли Валленштейна³ выступили Э. Бальзер, М. Хельтау, Т. Хольцманн⁴, и студийном дикторском исполнении (4-х немецких и 8 австрийских актеров и не актеров):

1. Wär's möglich? Könnt ich nicht mehr, wie ich wollte?
2. Das wird kein Kampf der Kraft sein mit der Kraft.
3. Und morgen gilt, weil's heute hat gegolten.

³ Из трагедии в стихах «Валленштейн» Фр. Шиллера. Данный материал исследования можно отнести к наиболее строгой форме интонационно-произносительного стандарта.

⁴ Соответственно 1959 (Бургтеатр – Э. Бальзер), 1983 (Бургтеатр – М. Хельтау) и 1987 (Т. Хольцманн в кинофильме производства Баварского ТВ).

Следует отметить, что произношение Э. Бальзера (1898-1978) выдающегося актера Бургтеатра немецкого происхождения было ориентировано на единую норму Зибса, вне национальных границ. Австрийский актер М. Хельтау (род. 1933) и немецкий Т. Хольцманн (1927 – 2013) представляют уже поколение актеров, сформировавшихся в эпоху размежевания немецкоязычного пространства по национальному признаку. В дальнейшем рассмотрении мы ограничим количество дикторских записей, сократив их до 5 австрийских (4 актерских и одной характерной для Hofratsdeutsch⁵), исключив немецкие. В качестве эталонного немецкого примем произношение Т. Хольцманна (киноверсии «Валленштейна» 1987), а также в ряде случаев Э. Бальзера (сценической версии Бургтеатра 1959).

По результатам аудиторского эксперимента можно выделить следующие фразовые реализации, составившие «ядро» нейтрального немецкого литературного типа (далее НЛ) и австрийского литературного типа (далее АЛ). Самый высокий показатель нормативности реализаций первой фразы в восприятии немецких аудиторов (92,9%) имеет исполнение Т. Хольцманна, а также молодого австрийского актера Х. Ш., выступившего в роли испытуемого. Интересно, что австрийскими аудиторами фраза в его исполнении была отмечена в качестве нейтрально нормативной в 69,2%, а Т. Хольцманна в 53,8 % (остальные голоса в отношении Хольцманна распределились между северным (далее СН), южным (ЮН) и австрийским (А) региональными произносительными вариантами – по 15,4 %).

Реализации данной фразы Э. Бальзером и актером, преподавателем актерского мастерства профессором Э. Шм. получили также высокую оценку как НЛ немецкими аудиторами (по 78,6%). Австрийскими аудиторами – несколько меньшую для Бальзера (69,2%)⁶, и несколько менее определенную для Э. Шм. (46,2% – НЛ; 38,5 % – АЛ). Оценки последней указывают и на неоднозначность определения произносительного стандарта в Австрии (сравн. позиции И. Райфенштайна и П. Визингера) и разногласия в отношении его статуса.

Исполнение австрийских актеров средне старшего возраста (60 лет на момент проведения исследования) было в значительной степени определено как австрийское литературное (АЛ): М. Хельтау

⁵ Приняв за эталонный вариант произнесение немецкого актера Хольцманна, мы ограничим количество привлекаемых к сравнению дикторских (не сценических) записей, исключив прочие немецкие.

⁶ Остальные оценки распределились: АЛ и СН по 7,7 %, ЮН – 15,4.

– 64,3% немецкой аудиторией⁷; К. Ш. – по 46,2 % как немецкими, так и австрийскими аудиторами⁸; В. Шл. – 57,1 % немецкими и 33,3 % австрийскими голосами. Остальные мнения в отношении В. Шл. распределились и в пользу НЛ, и ЮН, и А (австрийской региональной – 41,6 % австрийских голосов). Похожие показатели наблюдаются в оценке произнесения не актера, но носителя аристократического венского диалекта, имеющего почетный титул Hofrat Э. З. (по 46,2 % АЛ и А австрийцами; для сравнения – 42,9 % АЛ и 21,4 % А немцами).

Сопоставляя результаты эксперимента по восприятию с результатами инструментального анализа, попытаемся ответить на вопрос, какие ритмико-интонационные особенности оказывают влияние на определение регионально-национальной или нормативной принадлежности того или иного индивидуального интонационно-произносительного варианта?

Как известно, произносительная норма немецкого языка сложилась под непосредственным влиянием сценического варианта, описанного в конце XIX в., и воспринятого, как образцовый, в первой половине XX в. на всем немецкоязычном пространстве. Сценическому варианту в ритмико-интонационном отношении присуще четкое противопоставление интонационного ядра и периферии, а также чередование фонематически долгих и кратких гласных. Рассмотрим, соответствуют ли этим закономерностям экспериментальные данные, т.е., в нашем случае, следуют ли австрийские и немецкие исполнители этому правилу на примере данных фразовых реализаций? Согласно результатам исследований автора, проведенным ранее, австрийским фразовым реализациям менее, чем немецким, свойственно четкое противопоставление интонационного ядра (ударного слога) и периферии (заударный слог) по длительности и связанная с этим повышенная ритмизация, проявляющаяся в виде динамической или темпоральной «выровненности». Так, во многих австрийских реализациях редуцированный гласный в окончании – *en* не только не элидируется, но даже реализуется как недостаточно открытый краткий. С другой стороны, в австрийских реализациях проявляется тенденция к выделению интонационного центра затягиванием гласного, в том числе и в закрытом слоге. Т.е., австрийские исполнители более свободно обращаются с соотношениями

⁷ Оценки австрийских аудиторов распределились между НЛ и АЛ по 23,1 % ответов, СН 38,5 % и А 15,4 %.

⁸ Остальные оценки распределились как австрийскими, так и немецкими аудиторами между НЛ, ЮН и А

долготы-краткости гласного в открытых и закрытых слогах и используют длительность гласного в качестве просодического средства выделения (фразового, эмпатического).

Исследуемые фразы подверглись детальному инструментальному анализу. Они были оцифрованы, просегментированы и проанализированы с помощью программы S-TOOLS. Измерялись параметры длительности (в мс), частоты основного тона (в Гц) и интенсивности (в дБ)⁹. Для исследования ритмических особенностей реализаций (их ритмической периодичности) измерялась длительность слогов и гласных в них. Для каждой из исследуемых синтагм высчитывалось среднее значение длительности слогов и гласных в них – $t_{\text{ср}}$, а также отношение абсолютной длительности к средней $t/t_{\text{ср}}$, что послужило более объективному отражению ритмического рисунка. Данные абсолютной и относительной длительности слога и гласного в слоге, максимальные значения амплитуды и изменение частоты основного тона в слоге были занесены в таблицы. В дальнейшем рассмотрении мы ограничимся данными относительной длительности слога и амплитуды следующих фразовых реализаций.

Приведем некоторые данные, свидетельствующие в пользу тенденции к преодолению специфических региональных особенностей речи австрийских актеров в сценическом воплощении. В первой фразе рассмотрим противопоставление слогов по длительности и амплитуде в синтагмах с краткими гласными, как ударного (синтагматический центр), так и энклитик в синтагме «"Könnst ich nicht mehr», а также проклитик и ударного в «wie ich "wollte». В таблице 1 представлены данные относительной длительности слогов (отношение абсолютной длительности к средней во фразе) с соответствующими значениями амплитуды. Обращает на себя внимание то, что в реализациях 1 и 2 оба безударных слога в стопе 'könnst ich nicht динамически слабее, чем ударный, а в реализации 3 контрастные значения амплитуды слогов ('könnst – -13, nicht – -17), выступающих в виде сильных долей ямбической стопы, компенсируют, точнее разбивают их выровненность по длительности (по 1, 2). Подобную тенденцию преодоления «повышенной ритмизации», т.е. выровненности ударных (сильных), слогов (долей) по длительности, с помощью контрастных значений амплитуды можно отметить и в реализации 7.

⁹ Параметр интенсивности, представленный в нижней правой части графика, имеет отрицательные значения (где гласный с максимальной интенсивностью -12 дБ более динамически выделен, чем гласный с интенсивностью -20 дБ).

Таблица 1

Соотношение значений относительной длительности
и амплитуды слогов

	Фразы, отнесенные к ядру НЛ	Сравнение значений t/t_{-} 'könnst – ich – nicht	Сравнение значений амплитуды	Сравнение значений t/t_{-} 'woll – te	Сравнение значений амплитуды
1	Бальзер	1,2 > 0,9 ~1	-26 > -28 -28	1,3 = 1,3	-31 > -39
2	Хольцманн	1,4 > 0,7 < 1,2	-30 > -33 -34	1 < 1,3	-29 > -38
3	Х. Ш.	1,2 > 0,8 < 1,2	-13 > -21 < -17	0,9 < 1,2	-14 > -21
4	Э. Шм.	1,9 > 0,6 < 1,1	-17 > -30 < -26	1,1 ~1	-24 > -30
	Фразы, составившие ядро АЛ				
	Хельтау	1,5 > 0,8 < 1,2	-20 > -30 - 27	1,45 > 0,8	-22 > -39
	К.Ш.	1,2 > 0,5 < 1,1	-17 > -21 -20	1,4 ~1,6	-15 ~-17
	В. Шл.	1,8 > 0,8 < 1,7	-10 > -24 < -18	1 ~ 1,2	-25 < -20
	Э. З.	0,8 > 0,5 < 1	-18 > -23 -22	1,6 ~1,5	-21 = -21

В «'woll- te» динамический контраст в исполнении Хольцманна (1 в табл. 1) компенсирует ненормативную выравненность длительностей, а в реализациях 2, 3 и 4 такой же динамический контраст компенсирует обращающую на себя внимание затянутость заударного слога. Последняя особенность (сегментного и ритмического характера), присуща венскому диалекту и, напротив, подчеркивается в реализации 7.

В исполнении Хельтау (5) соотношение ударного и заударного слогов (сравните уменьшение значения амплитуды в заударном слоге) вполне нормативно. В то время, как в не актерской реализации 8 динамическое равновесие ударного и заударного слога только подчеркивает выровненность по длительности. Отметим, что в реализации 6, несмотря на затянутость заударного слога, в соотношении данных амплитуды наблюдается та же компенсаторная тенденция, что и в реализациях 1, 2, 3 или 5.

Реализации второй фразы Т. Хольцманна и Х. Ш. также получили высокий процент голосов немецких аудиторов в пользу их нормативности (78 % НЛ), в то время, как среди австрийских аудиторов мнения распределились в основном между НЛ и СН (Хольцманн: НЛ – 61,5; АЛ – 15,4; СН – 23,1; Х. Ш.: НЛ – 46,2, СН – 46,2; ЮН – 7,7), т. е. к «северному» стандарту. Мнения в отношении оценки фразовой реализации Э. Бальзера распределились следующим образом: для австрийских аудиторов между НЛ (38,5 %), АЛ (46,2 %), ЮН (15,4 %) и даже СН (7,7); для немецких между НЛ (50 %), АЛ и ЮН (по 21,4 %) и А (7,1 %). При этом совокупная оценка НЛ и АЛ, по мнению австрийцев и немцев,

составляет две трети голосов и выше, что позволяет отнести исполнение этой фразы Э. Бальзером к «южному» интонационно-произносительному стандарту.

Вторую фразу в реализации М. Хельтау можно оценить суммарно австрийской (АП – 64,3 %, А – 28,6 % по мнению немецких auditors; АП – 30,8 %, А – 53,8 % австрийских auditors). Похожую оценку дают реализации фразы Э. З. как немецкие auditors (50 % АП, 28,6 % А), так и австрийские (30,8 % АП и 69,2 % А). Исполнение В. Шл. получило 76,9 % австрийских голосов как АП и 7,7 % как А. Немецкие auditors отнесли его реализацию в равном соотношении к НЛ и А (по 21,4 %), АП (35,7 %), ЮН (14,2 %). Неожиданно были высказаны мнения и в пользу СН (7,1 % немецких и 15,4 % австрийских голосов). Данные разночтения также позволяют определить эту реализацию в большей степени, как надрегиональную, чем региональную, но «южного» типа.

В табл. 2 жирным шрифтом выделены данные относительной длительности второго произнесения слова Kraft, эмфатически затянутого и имеющего еще большее числовое значение (2 и выше) во всех австрийских реализациях, чем в произнесении Т. Хольцманна (1,8), кроме Х. Ш. (1,5). Но больше всего обращает на себя внимание то, что в актерских реализациях 1, 2, 3, 4 представлено стремление преодолеть некоторую динамическую выровненность, заданную стихотворным ритмом и региональной спецификой (см. для сравнения реализацию не актера Э. З.).

Таблица 2

Соотношение значений относительной длительности
и амплитуды слогов

	Фразы, отнесенные аудиторами к ядру НЛ	Сравнение значений $t/t_{\text{der}} - 'Kraft - \text{sein}$	Сравнение значений амплитуды	Сравнение значений $t/t_{\text{mit}} - \text{der} - \text{'Kraft}$	Сравнение значений амплитуды
1	Бальзер	0,6 < 1,4 > 0,8	-17 < -14 > -18	0,5 ~ 0,4 < 2,1	-25 ~ -23 < -17
2	Хольцманн	0,5 < 1,5 > 1,1	-33 < -29 > -33	0,5 ~ 0,4 < 1,8	-39 < -35 < -33
3	Х. Ш.	0,6 < 1,7 > 1,2	-20 < -16 > -19	0,7 ~ 0,5 < 1,5	-23 = -23 < -18
4	В. Шл.	0,4 < 1,8 > 1,2	-25 < -21 < -19	0,8 > 0,3 < 2	-26 > -28 < -25
	Фразы, отнесенные аудиторами к ядру АП				
5	Хельтау	0,4 < 1,3 > 0,8	-21 ~ -20 > -23	0,8 > 0,6 < 2,2	-24 = -24 ?
6	Э. З.	0,3 < 1,6 > 1	-18 < -15 = -15	0,6 > 0,3 < 2	-25 < -20 = -21

Поэтому особое внимание обращает на себя нарочитая динамическая выровненность безударных слогов в реализации М. Хельтау. В отличие от интерпретаций Бальзера и Хольцманна фраза звучит не патетически (протест против установленного

порядка), а как рассуждения политика, высчитывающего свои дальнейшие шаги, и служит выражению неоднозначного подтекста. Отметим, что для манеры М.Хельтау вообще свойственно умелое использование такой особенности австрийской речи, как повышенная ритмизация. Эта особенность реализуется и в третьей фразе в его исполнении, наряду с эмфатическим затягиванием ударных слогов: Und 'mɔr(1,9)gen 'gɪlt(2,5), weil's 'heu(0,6)'te(0,7) 'hət(1,1) 'ge (0,7)'gol(0,9)'ten (1,3), где длительность 'mɔr- и 'gɪlt в два и более раза превосходит среднюю во фразе.

Несмотря на то, что мы сосредоточили свое внимание на актерским исполнением, предметом нашего рассмотрения являлись не средства речевой характеристики, а факты интонационно-ритмического характера, используемые в целях актуализации подтекста.

Данный исследовательский материал позволяет сделать некоторые выводы в отношении функционально-стилистического варьирования немецкого языка в Австрии. Можно говорить о двух типах взаимодействия нормы и местной произносительной специфики. В первом случае это стремление к преодолению специфических диалектных черт, о чем свидетельствовали приведенные примеры компенсаторики. Второй путь – использование этого своеобразия для применения интонационных средств выразительности в целях интерпретации.

Если актер участвует в пьесе, содержащей указания на принадлежность персонажа к тому или иному диалекту, то благодаря способностям к имитации он может с разной степенью достоверности продемонстрировать произношение той или иной региональной, диалектной окраски. Но оценка этой имитации оказывается не всегда положительной со стороны естественных носителей этого варианта. Например, в нашем опыте ряд реплик из текста А. Шницлера в исполнении молодого актера северо-немецкого происхождения получили положительную оценку австрийских экспертов в отношении естественности их «австрийского» интонационного оформления. В то же время среди австрийских зрителей бытует мнение, что актеры-немцы, участвующие в постановках пьес Нестроя в Бургтеатре не производят впечатления героев Нестроя¹⁰. Возможно, объяснение этому нужно искать не в недостатках имитации, а в ее недостаточной функциональности. Дело в том, что не многие исполнители, не будучи естественными носителями языкового варианта, оказываются хорошо знакомы с конвенционально закрепленными значениями того или иного интонационного оформления в данном языковом варианте.

¹⁰ В беседах во время пребывания автора в Вене в 90-е гг.

Т.о. функционально-стилистическое варьирование (ситуация общения, официальная, неформальная, сценическая – в последнем случае постановочная интерпретация роли, текста и т.д.) в условиях разветвленной национально-региональной стратификации языка является решающим фактором в определении набора и выбора интонационно-произносительных особенностей соответствующего языкового уровня в целях актуализации тех или иных смысловых оттенков. Правильный выбор сказывается на успешности коммуникации, а ошибки выбора на коммуникативных неудачах. Такое варьирование осуществляется в нескольких направлениях. Во-первых, это широко известное, привычное использование национальной или региональной специфики, ее имитация, например, для создания местного речевого колорита персонажа. Напротив, преодоление, маскировка регионально-национальной специфики, во-вторых. И, наконец, смешанного типа, при использовании интонационно-произносительной специфики в качестве средства речевой выразительности литературного языка, например, совмещении австрийской повышенной ритмизации с риторической фигурой скандирования.

Список литературы

1. Reiffenstein I. Sprachebenen und Sprachwandel im österreichischen Deutsch der Gegenwart // Kolb H., Lauffer H. (Hrsg.). Sprachliche Interferenz. Festschrift für Werner Betz. zum 65. Geburtstag. Tübingen, 1977. – S. 175–183.
2. Reiffenstein I. Hochsprachliche Norm und regionale Varianten der Hochsprache: Deutsch in Österreich // Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft. Germanistische Reihe. Band 13. Innsbruck, 1980. – S. 9–18.
3. Wiesinger P. Die deutsche Sprache in Österreich // Wiesinger P. (Hrsg.). Das österreichische Deutsch, Wien. Köln, Graz, 1988. – S. 9–31.
4. Атарщикова А.И. К проблеме единства и многообразия произносительно-интонационного стандарта немецкого языка // Материалы международной конференции «100 лет экспериментальной фонетике в России». – СПб., 2001а. – С. 15–17.
5. Атарщикова А.И. Региональные интонационные варианты и их семантика // Вестник Санкт-Петербургского университета, серия 2 «История, языкознание, литературоведение». – Вып. 3 (№ 18), 2001б. – С. 125–130.
6. Атарщикова А. И. Интонация как отражение национальной ментальности // Проблемы и методы экспериментально-фонетических исследований. К 70-летию профессора каф. фонетики и методики преп. ин. яз. Л. В. Бондарко. – СПб., 2002 а. – С. 132–134.
7. Атарщикова А.И. Интонационная вариативность (на материале австрийского и немецкого вариантов немецкого литературного языка). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – СПб., 2002 б.

Личные местоимения как средство когезии в цикле сонетов**Personal pronouns as means of cohesion in the sonnet sequence**

В статье, основываясь на результатах анализа системы личных местоимений, делается вывод о важной функции референции в общей структуре когезивных связей цикла сонетов "Sonnets from China" известного англо-американского поэта, драматурга и критика У.Х. Одена.

On the grounds of analysis of the system of personal pronouns it is concluded that reference plays a prominent role in cohesion of the sonnet sequence "Sonnets from China" by famous Anglo-American poet, playwright and essayist W.H. Auden.

Ключевые слова: когезия, референция, стилистический анализ, личные местоимения, цикл сонетов, У.Х. Оден.

Key words: cohesion, reference, stylistic analysis, personal pronouns, sonnet sequence, W.H. Auden.

В данной статье мы исходим из того, что анализируемый цикл сонетов Одена представляет собой единый, связанный текст, поскольку обладает важнейшим свойством текстуры, отличающее его от нетекста [3, с. 2]. Свойство текстуры, т.е. свойство быть текстом, проявляется в любой последовательности предложений, в которых можно наблюдать наличие отношений когезии, т.е. семантических отношений внутри текста, из чего следует, что сам текст рассматривается как семантическая единица [там же]. М.А.К. Halliday и R. Hasan [3] выделяют пять основных лексических и лексико-грамматических типов когезии (типов связи, возникающих в случае, когда интерпретация какой-либо единицы текста зависит от другой единицы) – референция, эллипсис, замена, лексические повторы и союзы. Целью данной статьи является демонстрация стилистического потенциала употребления форм личных местоимений английского языка, поэтому наше внимание ограничивается исключительно референциальными связями, реализованными данными языковыми средствами, исключая все иные способы (артикли, указательные местоимения и наречия, сравнительные конструкции).

Внутри класса референциальных единиц существуют два вида референции – экзофора и эндофора, выделяемые в зависимости от расположения информационных ресурсов, требуемых для интерпретации той или иной единицы текста [3, с. 18]. Если

интерпретация зависит от непосредственного контекста (предложения, части текста, целого текста) то в этом случае речь идет об эндофоре, если интерпретация зависит от контекста ситуации (экстра лингвистического окружения текста) то имеется в виду экзофора. Таким образом, к вопросу о текстуальной референции можно подходить как семантически, так и прагматически. В компетенцию семантики в этом случае, входит исключительно эндофорические связи, включающие анафорические и катафорические отношения интерпретации между единицами текста. Соответственно, экзофорические (внетекстовые) связи входят в сферу прагматики.

Однако, по нашему мнению, представление полноты стилистического эффекта, порождаемого системой референциальных связей, может быть достигнуто только с применением комплементарного подхода, т. е. с равным учетом влияния на процесс смыслопорождения как лингвистического, так и экстралингвистического контекста. Обоснованность использования комплементарного подхода можно считать оправданным, во-первых, по отношению к поэтическому тексту, который, как и любой другой художественный текст, неотделим от культурно-исторической ситуации своего создания. Во-вторых, по отношению к находящимся в центре внимания данной статьи личным местоимениям, учитывая их способность выступать как в функции контекстуальных, так и в функции ситуационных единиц референции.

В первых десяти сонетах наблюдается полное отсутствие форм первого и второго лица единственного и множественного числа (I, We, You), включая любые падежные варианты (My/Mine, Me, Your/Yours, Our/Ours, Us). С другой стороны, формы третьего лица представлены во всем своем многообразии, за исключением формы притяжательного падежа единственного числа женского рода 'Her'. В общей сложности формы личных местоимений третьего лица употребляются в первых десяти сонетах 123 раза. В последних десяти сонетах наблюдается практически полное равенство в употреблении личных местоимений первого и третьего лица: 45 случаев для первого лица (из которых 38 случаев употребления форм множественного числа) и 44 случаев для третьего (28 из которых – формы множественного числа). Сонет XI отличается от первых десяти появлением формы местоимения первого лица множественного числа 'Our'. Форма личного местоимения 'It' и форма притяжательного падежа 'Its' интерпретируются анафорическим отношением к существительному 'History', не имея при этом иных референциальных связей с предыдущими сонетами. Основным отличием от последующих десяти сонетов является экзофорическое употребление формы 'Our', которая в сочетании с

императивом глаголов, позволяет интерпретировать ее как инклюзивную форму, подразумевающую как адресата, так и адресанта. Экспликация ситуации непосредственного диалога между двумя участниками контрастирует с явно выраженным повествовательным характером первых и последующих сонетов.

Таким образом, анализ «примитивных» статистических данных о количестве употреблений форм личных местоимений, позволяет утверждать об их несомненной важности в структурном отношении. Переход от выдвижения на первый план местоимений третьего лица в первых десяти сонетах к равно пропорциональному употреблению форм первого и третьего лица в последних десяти является показателем композиционного деления цикла на две равные по количеству сонетов секции (сонеты I-X и XII-XXI) и одного переходного (сонет XI).

Композиционное деление на две секции также отражает и тематическое деление повествования: в первой секции рассматривается история человечества с начала времен до 20-го века, во второй секции основной темой являются события первого периода Японо-китайской войны (1937-1938 гг.), непосредственным свидетелем которых был сам У.Х. Оден. John Fuller, исследователь творчества поэта, весьма точно охарактеризовал цикл «*Sonnets from China*» как Оденовское «Эссе о человеке» [2, с. 125], явно намекая на очевидное тематическое сходство с известным произведением Александра Поупа.

Тотальное доминирование форм местоимений третьего лица в первой секции отражает, с одной стороны, пространственно-временную дистанцию рассказчика-комментатора от прошлых исторических эпох, с другой – стремление автора быть предельно объективным, максимально отстраняясь от объекта наблюдения – природа, сущность и предназначение человека и человечества. Чрезвычайная серьезность и сложность тематики, по всей видимости, и определяет утонченную игру референций, которая проявляется в том, что все многообразие форм объединено отношением к единому референту – человеку. Необходимо при этом отметить, что лексема с данным значением ('man') отсутствует в первой секции и единственными означающими с идентичной референциальной отнесенностью выступают саркастические описательные фразы «*childish creature*» и «*one puzzled species*» (лексема множественного числа 'men' не учитывается нами, поскольку имеет иной объект референции). Парадоксальное соотнесение референта и означающего позволяет У.Х. Одено выразить собственное идеологическое отношение к главной теме: человек изображается автором не как некий конкретный представитель *homo sapiens*, как некий собирательный образ, но как

дух, идея, концепт, способный воплощаться в самых разнообразных формах. Наиболее полно представление о человеке как о существе находящемся в постоянном становлении и поиске себя реализовано в первом сонете, в котором полностью переосмысливается миф о сотворении мира и появлении человека. Характерным в этом отношении является второй сонет, в котором 'They' и 'He' эндофорически связаны с «childish creature», устраняя, таким образом, трудности интерпретации, вызванные экзофорической соотнесенностью данных форм личных местоимений с сюжетом Пятикнижия о грехопадении Адама и Евы. Таким образом, принцип сохранения единства референциальной отнесенности при изменчивости категории числа означающих, проявляемый в употреблении форм личных местоимений, позволяет У.Х. Одну выстраивать в первой секции цикла сонетов весьма универсальную структуру, где экзофорически интерпретируемый объект референции разнится от сонета к сонету, эндофорически оставаясь одним и тем же. Так, в третьем сонете 'He' отнесен к первобытному человеку, получившему возможность называть вещи окружающего мира; в четвертом объектом референции является «bon sauvage» (благородный дикарь) – тип персонажа, отсылающий к популяризовавшей его эпохе сентиментализма; в пятом сонете кризис идентичности подростков ('He'), отказывающихся принимать ценности и уклад жизни родителей аллегорически описывает этнокультурную ассимиляцию орд кочевых племен ('They') в капиталистическое общество; в шестом – поиск истины ученым ('He') как чистого и совершенного идеала, абстракции ('Her'), оборачивается осознанием необходимости согласия и смирения со своим несовершенством; в седьмом – сюжет о растратившем талант поэте ('He') аллегорически передает историю развития европейской поэзии; в восьмом – объектом референции личного местоимения ('He') выступают основные концепции экономической науки, воплощающиеся в монструозные формы капиталистического общества; в девятом сонете объект референции интерпретируется экзофорическим отношением к мифу о похищении Ганимеда Зевсом ('He'), являющийся аллегорией тщетности попыток насильственного насаждения любой системы ценностей. Десятый сонет знаменует собой завершение ретроспективного освещения истории человечества – фокус внимания смещается с индивидуальных воплощений духа 'He' на коллективное 'They', указывающее в контексте сонета на безмятежно спящее человечество. Однако надеждам на новую постмифологическую эру, по всей видимости, не суждено сбыться, поскольку рационализация мировосприятия не является панацеей от негативных последствий мощнейших

инстинктивных сил бессознательной сферы человеческого сознания.

История создания современной цивилизации и эволюции человека реализуется в первой секции цикла сонетов как непрерывная цепь аллегорий, объединяющим элементом которых является концепция о многоликости человечества, о множественности воплощений, скрывающих единое начало и природу. Отсутствие хронологической точности позволяет установить еще один элемент идеологии У.Х. Одена, его творческого принципа, соответствующий общей тональности всего цикла – выявлять общие закономерности на примере анализа частных проявлений.

Таким образом, анализ употребления форм личных местоимений позволяет: во-первых, представить сетку референциальных отношений цикла сонетов, во-вторых, на ее основе говорить об использовании единиц референции по крайней мере в трех функциях – когезивной, композиционной и смылопорождающей, в-третьих, выявить стилистические особенности, свойственные индивидуально-авторской манере У.Х. Одена.

Список литературы

1. Auden W.H. Collected poems. – First Vintage International Edition, 1991. – 960 p.
2. Fuller John: A Reader's Guide to W H Auden. – Thames & Hudson, 1970. – 288 p. (125 – Essay on Man)
3. Halliday M.A.K., Ruqaiya Hasan. Cohesion in English. – Longman, 1976. – 374 p.

**К проблеме определения институционального дискурса.
Дискурс средств массовой информации****To The problem of determining of institutional discourse.
Mass MEDIA DISCOURSE**

В статье рассматривается ряд подходов к классификации различных типов и разновидностей дискурса. Автор затрагивает проблему определения границ институционального дискурса и предпринимает попытку исследования признаков и компонентов институционального дискурса применительно к дискурсу СМИ как его разновидности.

A number of approaches to the classification of different types and varieties of discourse are reviewed in the article. The author touches upon the problem of determining the boundaries of institutional discourse and attempts to study characteristics and components of institutional discourse in relation to the mass media discourse as its variants.

Ключевые слова: тип дискурса, институциональный дискурс, дискурс СМИ, конститутивные признаки, признаки типа институционального дискурса, нейтральные признаки.

Key words: type of discourse, institutional discourse, mass media discourse, constitutive characteristics, characteristics of institutional discourse type, neutral indicators.

При изучении дискурса встаёт вопрос о его классификации: какие типы и разновидности дискурса существуют. Как известно, возможные классификации типов дискурсов могут строиться на выборе одного или нескольких конститутивных признаков как критериев обобщения. В зависимости от сфер функционирования, следует различать феминистский, политический, административный, массово-информационный, деловой дискурс, а также неограниченное количество других, выделяемых на основе коммуникативных характеристик того или иного агента социального действия.

По типу носителя информации выделяют такие разновидности современного дискурса, как радиопередача, печатный дискурс, телефонный разговор, общение при помощи пейджера и автоответчика, переписка по электронной почте, общение в режиме Talk (или Chat). Особенности, связанные с их исследованием, представляют собой перспективные направления современного дискурсивного анализа [15].

Если отталкиваться от интенциональной базы и ориентированности общения (личность или общественный институт), то выделяют бытовой дискурс, художественный дискурс, институциональный дискурс. Именно последнему из них, характеризующему коммуникативную ситуацию в рамках общественных институтов, и будет уделено основное внимание в данной статье.

Вслед за В.И. Карасиком, под институциональным дискурсом мы понимаем «специализированную клишированную разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами социума» [8, с. 29].

Описание различных аспектов институционального дискурса, обслуживающего общественные формы современного общества, хотя и находится в начальной стадии, но уже получило известную разработанность. В рамках социолингвистической исследовательской парадигмы выполнены работы, анализирующие политический (Е.А. Попова, Р. Водак, В.Н. Базылев, Е.И. Шейгал, М.Р. Желтухина, М.Ю. Кочкин), рекламный (Л.А. Кочетова, Е.Ю. Ильинова), религиозный (В.И. Карасик), массово-информационный (А.В. Олянич), педагогический (В.И. Карасик, О.В. Коротева, О.А. Каратанова), медицинский (Л.С. Бейлинсон) и другие виды дискурсов.

Любой институциональный дискурс использует систему профессионально-ориентированных знаков или, другими словами, обладает собственным подъязыком (специальной лексикой, фразеологией) [16, с. 19]. Вот почему человек выступает в том или ином дискурсивном пространстве не только в определенной социальной роли (включающей или подразумевающей фактор сферы общения или тип социального института), но и с определенными целями.

Институциональный дискурс оказывается предельно широким понятием, охватывающим как языковую систему (ту её часть, которая специфически ориентирована на обслуживание данного участка коммуникаций), так и речевую деятельность (совокупность лингвистических и экстралингвистических факторов) и текст. Это можно представить в виде формулы: ДИСКУРС = ПОДЪЯЗЫК + ТЕКСТ + КОНТЕКСТ. Компонент «текст» означает «творимый текст + ранее созданные тексты». Компонент «контекст» включает в себя такие разновидности, как «ситуативный контекст» и «культурный контекст» [8, с. 25].

Некоторые лингвисты придерживаются той точки зрения, что на уровне дискурса отсутствует структурная организация. Если так, то придётся признать, что любой разговор состоит из беспорядочной совокупности предложений. Ведь далеко не любое высказывание

можно поместить после какого-то другого высказывания. Структура дискурса существует, но в дискурсе «всё возможно», в отличие от структурного детерминизма в системе языковых единиц и уровней. Поэтому категория «структура» должна применяться к дискурсу с долей осторожности [11, с. 75]. Не случайно наиболее структурированными видами дискурса М.Л. Макаров считает институциональные.

В качестве основных параметров структурирования жанрового пространства отдельных видов институционального дискурса (автором исследовался политический дискурс) Е.И. Шейгал предлагает учитывать степень институциональности, субъектно-адресатные отношения, социокультурную вариативность, событийную локализацию. При этом она исходит из широкого подхода к политическому дискурсу, который представляет собой «сложное многомерное образование, речевые жанры которого образуют сеть множественных пересечений» [16, с. 84].

В.И. Карасик рассматривает жанры институционального дискурса (педагогического и др.) на основании «реально существующих, естественно сложившихся форм общения, для которых можно выделить прототипные единицы», что позволяет разделить «наиболее важные жанры дискурса на виды» [6, с. 74].

В.Е. Гольдин выявляет отличия сложных речевых событий от простых по следующим параметрам: это события, маркированные как явления общественного характера, обычно планируемые, контролируемые, специально организуемые, назначаемые на определённое время. Строение таких событий имеет институционализированный, ритуализированный характер [3, с. 19].

Как уже упоминалось выше, В.И. Карасик разделяет дискурсы на два особых типа: персональный (лично-ориентированный) и институциональный (статусно-ориентированный) дискурс. В первом случае говорящий выступает как личность со своим богатым внутренним миром, во втором случае – как представитель той или иной социальной группы. Таким образом, дискурс, «сводящийся к образцам вербального поведения, сложившимся в обществе применительно к закреплённым сферам общения», можно назвать институциональным [8, с. 28].

Известно, что в основе институциональных форм общения лежат определённые социальные правила и ритуализированность их функционирования. Уровень ритуализированности общения зависит от таких факторов, как степень знакомства, степень официальности обстановки общения, социальный статус коммуникантов. Учитывая данные факторы, можно выяснить, каким образом институциональный дискурс как вербализуемая речемыслительная деятельность, регулирует отношения между

представителями социальных институтов в конкретных социокультурных условиях.

Применительно к современному обществу, по-видимому, имеет смысл говорить об уже сложившихся видах институционального дискурса: политическом, дипломатическом, административном, юридическом, военном, педагогическом, религиозном, медицинском, деловом, рекламном, спортивном, научном, массово-информационном и т. д. Этот список можно, вероятно, изменить или расширить, поскольку общественные институты существенно отличаются друг от друга и не могут рассматриваться как гомогенные образования. Кроме того, они исторически изменчивы, могут сливаться друг с другом и возникать в качестве новых разновидностей в рамках того или другого типа.

Институциональный дискурс выделяется также на основе двух системообразующих признаков, касающихся целей и участников общения. Цель политического дискурса – завоевание и удержание власти, педагогического дискурса – социализация нового члена общества, массово-информационного дискурса – информирование и воздействие на массовую аудиторию и т.д. Основными участниками институционального дискурса являются представители института (агенты) и люди, обращающиеся к ним (клиенты). Например, политик и избиратель, журналист и читатель и т.д.

Участники институционального дискурса весьма отличаются по своим качествам и предписаниям поведения: в частности, отношения между начальником и подчиненным имеют множество принципиальных отличий, например, по степени равноправия, включённости в процесс принятия решений и т.д. Существует различная степень открытости и в деловом дискурсе. Клиенты в его рамках слабо отличаются от агентов, в то время как клиенты политического, юридического, медицинского, религиозного дискурса обнаруживают резкое отличие от агентов соответствующего дискурса.

Следует заметить, что противопоставление персонального и институционального дискурса – это исследовательский прием. В действительности возможности абсолютно безличного общения ограничены. Вместе с тем для каждого вида институционального дискурса характерна своя мера соотношения между статусным и личностным компонентами. Так, в массово-информационном дискурсе доля статусного компонента достаточно велика. В научном и деловом дискурсе статусный компонент менее выражен, а, например, безличные обороты реже употребляются в жанрах научных статей и монографий.

Подводя итоги в определении границ институционального дискурса, следует выделить четыре основные группы признаков:

конститутивные признаки дискурса, признаки институциональности, признаки типа институционального дискурса, нейтральные признаки.

Конститутивные признаки дискурса получили достаточно полное освещение в работах по социолингвистике и прагматингвистике (Hymes, Fishman, Brown, Fraser, Белл, Карасик, Макаров). Они включают в себя участников, условия, организацию, способы и материал общения, подчёркивают статусно-ролевые и ситуационно-коммуникативные амплуа, сферу общения, коммуникативную среду, мотивы, цели, стратегии, канал, тональность, стиль и жанр общения и, наконец, эксплицируют знаковое тело общения (тексты и/или невербальные знаки).

Признаки институциональности зафиксированы в ролевых характеристиках агентов и клиентов институтов, типичных хронотопах, символических действиях, трафаретных жанрах и речевых клише. Институциональное общение – это коммуникация в своеобразных масках, отчего именно трафаретность общения принципиально отличает институциональный дискурс от персонального.

Специфика институционального дискурса раскрывается в его типе, т.е. в сути того общественного института, который в коллективном языковом сознании обозначен особым именем, обобщён в ключевом концепте (политический дискурс – власть, педагогический – обучение, религиозный – вера, юридический – закон, медицинский – здоровье и т.д.), связывается с определенными функциями людей, сооружениями, построенными для выполнения данных функций, общественными ритуалами, поведенческими стереотипами, мифологемами, а также текстами, производимыми в процессе такого рода социального взаимодействия.

Нейтральные признаки институционального дискурса включают общедискурсивные характеристики, типичные для любого общения, личностно-ориентированные признаки, а также признаки других типов дискурса, проявляющиеся «на чужой территории», т.е. транспонированные признаки (например, элементы проповеди как части религиозного дискурса в политическом, рекламы – в медицинском, научной дискуссии – в педагогическом).

Для описания конкретного типа институционального дискурса целесообразно выделить его следующие компоненты: участники, хронотоп, цели, ценности (в т.ч. ключевой концепт), стратегии, материал (тематика), разновидности и жанры, прецедентные (культуругенные) тексты, дискурсивные формулы [7, с. 15].

Рассмотрим реализацию компонентов институционального дискурса применительно к дискурсу СМИ. Дискурс СМИ является особым типом коммуникации, который можно охарактеризовать,

согласно С.И. Виноградову, как «дистантный, деперсонализированный, ретинальный (передача сообщения неизвестному и не определенному количественно получателю информации), с индивидуально-коллективным субъектом (под этим подразумевается не только соавторство, но и, например, общая позиция газеты или журнала) и массовым рассредоточенным адресатом» [2, с. 370]. А.В. Олянич определяет дискурс СМИ как «подготовленное, отредактированное, подлежащее цензуре и режиссуре общение, рассчитанное на зрелищный эффект. Будучи по природе своей явлением интегративным, он распадается на множество подтипов и жанров, стремительно меняющихся в новых типах коммуникативной среды» [13, с. 317]. Сопряженность массово-информационного дискурса с ценностным знанием характеризует его природу как аксиологическую, содержащую три вида базовых составляющих: событийную, фактическую и новостную, которые находятся в состоянии взаимного контакта – пересекаются и дополняют друг друга [там же: с. 87].

Создание текста в дискурсе СМИ является продуктом коллективного творчества и представляет собой «единый целостный поток социальной информации, системное образование» [5, с. 9]. В связи с этим для большей части подобных текстов не характерна сугубо индивидуальная авторская интенциональность, поскольку практически весь материал «выходит в свет» по заданию редакции либо по заказу какого-либо объединения, медиа-группы и т.д. Кроме этого, авторская интенция может быть скована рамками финансирования или особыми условиями заказчика материала. При этом она выражена не личным стремлением создать определенное произведение, а намерением целого авторского коллектива, редакционной группы, которое, в свою очередь, продиктовано потребностями целевой аудитории.

Будучи неотъемлемой частью дискурса СМИ, тексты средств массовой информации обладают целым рядом конститутивных признаков. Первым из них будет признак институциональности. Обусловленность социокультурной ситуацией, с одной стороны, и способность (в определенных пределах) вызывать изменения этой ситуации – с другой, определяет особенность коммуникации в СМИ. В работах Б.А. Зильберта справедливо отмечается, что в содержании текстов СМИ заключены институциональные характеристики, отражающие социальный опыт, обобщенный и опосредованный органами массовой информации на основе определенных идеологических принципов. Иначе говоря, создаётся «модель мира», которая в течение длительного времени формирует представления, убеждения, стереотипы, критерии оценки и эталоны поведения большого числа людей [5, с. 28].

Среди ряда важнейших социальных институтов средства массовой информации (комитеты и управления по печати и информации, издательские центры, редакции, информагентства и др.) объединяются в единую систему массовой коммуникации благодаря особой структуре коммуникативного процесса и общности функций (информационной, оценочной, познавательно-просветительной, перцептивной и пр.).

А.В. Олянич, констатируя факт принадлежности дискурса СМИ к институциональному дискурсу, в качестве главной функции массово-информационного дискурса определяет воздействующую функцию, поскольку «манипулирование сознанием означает, прежде всего, попытку замены знания неким фантомом, внедрение которого выгодно по тем или иным причинам социальным институтам» [13, с. 76].

В зависимости от содержания и целей, которые ставятся в процессе общения в СМИ, выделяются следующие виды информации: предметно-логическая (интеллектуальная, дескриптивная, объективная, концептуальная, фактуальная), не связанная с ситуацией и участниками общения. Прагматическая (оценочная/ субъективная) функция отражает воздействие на реципиента и специфическое отношение к предмету речи. Основу информации в текстах СМИ составляют сообщения о фактах, их комментарии или оценки. Примечательно, что «важнейшей характеристикой дискурса в этой сфере является категория информационного поля, под которым понимается информационное пространство, охватывающее тот или иной объём фактов и событий реального мира, ограниченное определённым репертуаром тем. Информационное поле – категория аксиологическая; она связана с понятием информационной нормы. В идеале СМИ должны сообщать обо всех возможных фрагментах действительности. В действительности же объём информационного поля может быть существенно ограничен, а сами ограничения носят институционализированный или конвенциональный (напр. следование этическим нормам) характер» [2, с. 142].

К важнейшим характеристикам дискурса СМИ следует отнести его массовость (от сотен до тысяч и миллионов людей); рассредоточенность (т.е. географическая разнесённость); относительную анонимность (коммуникатору неизвестны те люди, к которым он обращается, они в свою очередь незнакомы между собой); разнородность по многим признакам (разная культура, разный жизненный опыт, возраст, профессии) [10, с. 129].

М.Р. Желтухина, по связи с источником информации, предлагает следующую типологию адресата: 1) потенциальный (ориентирован на потребление периодической печати) и реальный (регулярно и достаточно полно использующий одно или несколько

СМИ); 2) специализированный (определяется структурой интересов и отношением к источнику информации) и массовый; 3) центральный (центральные СМИ) и региональный (местные СМИ) [4, с. 394].

При отсутствии непосредственного контакта и отсроченности обратной связи между агентами и клиентами, разделёнными пространством и/или временем, текст выступает единственным промежуточным звеном в данной системе и заслуживает самого пристального внимания. Очевидно, что любое сообщение претерпевает определенные изменения и адаптируется к специфике канала передачи. В отличие от художественных произведений, тексты СМИ лимитированы ограниченным объёмом, необходимостью доступного изложения материала для массовой аудитории, употреблением стилистических приёмов и средств, обеспечивающих лёгкость восприятия информации в различных ситуациях (например, в транспорте).

Для текстов СМИ характерна также тенденция к исключению средств, находящихся на периферии языка, не обладающих качествами коммуникативной значимости, имплицитным способом выражения авторского отношения или когда употребление длинных, развёрнутых предложений требует сосредоточенного внимания. В этом случае перед автором стоит задача – «максимально приблизить своё сообщение как в плане содержания, так и в плане выражения к уровню образования, подготовленности и характеру своей аудитории в целом» [10, с. 130].

Другая характеристика процесса передачи информации – публичность – учитывает то обстоятельство, что при максимальной компрессии средства, обеспечивающие информационную доступность, должны обеспечивать максимальную эффективность воздействия, свидетельствуя тем самым о профессионализме автора, о его умении выделить комплекс средств максимально адекватной передачи своего сообщения с учетом восприятия их целевой аудиторией [там же: с. 129, 131].

Ещё одна важная особенность текстов СМИ – мультимодусность. Она выражается в органичном соединении вербальных и невербальных средств речевого воздействия. Л.В. Минаева пишет, что элементы невербальной коммуникации обладают признаками знака, при этом семиотика невербального знака во многом определяется самим текстом, т.е. эти знаки не самостоятельны; они лишь служат фоном для текста, придавая ему дополнительные «экспрессивно-эмоционально-оценочные обертоны» [12, с. 27]. Не случайно само информационное сообщение формулируется в форме текста, а не в виде картинки.

Трудности в институциональной коммуникации, отмечаемые исследователями, связаны с расширенными или сокращёнными кодами общения [9, с. 282]. В.И. Карасик, сравнивая кодирование информации в бытовом и институциональном типах дискурса, замечает, что информация в текстах СМИ в меньшей степени зависит от контекста, по сравнению с бытовым дискурсом, в котором общение ведётся при помощи сокращённого кода.

Процессы кодирования в дискурсе СМИ представляют собой разнообразные трансформации исходного материала в сообщение, которые сопровождаются визуальными образами, звуками, интонацией, жестами, полиграфическими средствами и т.п. Соответственно, дискурс СМИ использует семиотическую систему в любой форме текста – знак и символ, которые, сочетаясь в определенных последовательностях, создают эмоционально активные в читательском восприятии инвариантные, относительно времени и места, стереотипические мифы и символы. Таким образом, кодирование выступает не только как способ передачи информации, но и как эффективная техника воздействия.

Условия современной действительности не только провоцируют потребность человека в информационном обеспечении, но и способствуют развитию зависимости от самой массово-информационной среды. Это, в свою очередь, влечёт за собой тенденцию превращения СМИ в мощный механизм власти. Согласно Н.В. Вакуровой и Л.И. Московкину, человек зависим от собственной потребности в информации определённого типа и формы. Было бы ошибкой считать, что эта потребность сводится только к тем конкретным сведениям, которыми заполняется информационное пространство. Личностное информационное ожидание затрагивает набор сведений, начиная от состояния здоровья главы государства до прогноза погоды на завтра [1]. Таким образом, основными факторами, обуславливающими возможность и эффективность речевого воздействия текстов СМИ, являются: 1) лингвистический – интерпретативный фактор вариативного отражения действительности, проявляющийся прежде всего в лексической сфере; 2) экстралингвистический – фактор социальной потребности в информации [4, с. 59].

Оказание воздействия на получателя речи является одним из средств аргументации, наряду с сообщением о фактах. Аргументация понимается, в нашем случае, как особый способ рассуждения, представляющий собой комплекс лингво-семиотических средств, используемых для оказания влияния на сознание, поведение аудитории, организованный в соответствии с принятыми в данном языковом социуме нормами. При этом следует

чётко определить границу, проводимую между аргументацией и доказательством. Доказательство – это формально-логическая характеристика, основанная на выведении из истинных посылок истинного следствия, которая не зависима от аудитории и может использовать формализованный язык.

Цель аргументации заключается в том, чтобы мнение адресанта стало мнением адресата, для чего используется естественный язык и обращённость «к человеку целостному, к его уму, чувствам и воле» [14, с. 7]. Аргументативность текста СМИ заключается в чёткой и ясной для адресата главной мысли, которую адресант решил донести до сознания аудитории. При аргументации в СМИ такой центральной мыслью выступает главный тезис текста, а все остальные элементы служат для его подкрепления. Главный тезис может не совпадать с началом текста, поскольку высказывание может быть построено как подведение адресата к основной мысли.

Аргументы в текстах СМИ не всегда выражаются только рациональными суждениями; они дополняются эмоциональными высказываниями, которые сопровождают оценку в отношении явлений окружающей действительности. Познавательное и ценностное в процессе рассуждения, по мнению А.А. Тертычного, «оборачивается наличием аргументов двух типов – фактологических и ценностных. К первым относятся ссылки на научные и документальные факты, ко вторым – ссылки на оценки и нормы, привлечённые в качестве обоснования тезиса» [14, с. 10].

Подводя итог в определении свойств дискурса СМИ, укажем на приоритетные свойства институциональности и аргументативности, выступающие базовыми определителями целого ряда функциональных категорий, таких как: информативность, оценочность, мультимодусность, воздейственность, интерпретативность, адресованность, коммуникативность, кодированность / декодированность и т.д. Кроме того, указанные направления изучения институционального дискурса целесообразно дополнить признаками, которые показывают его культурно-ситуативную сущность, способствуют моделированию его структуры, освещению лингвокультурных особенностей в межъязыковом сопоставлении. Организация жанрового пространства институционального дискурса, определение функциональной иерархии его жанров и их качественное описание представляются особенно важными для более детального рассмотрения конкретных разновидностей институционального дискурса.

Список литературы

1. Вакурова Н.В., Московкин, Л.И. Типология жанров современной экранной продукции / под ред. проф. Р.А. Борецкого. – М.: Ин-т совр. искусства, 1997.
2. Виноградов С.И. Средства массовой информации и культура речи. Общая характеристика средств массовой информации / под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1999. – 560 с.
3. Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б., Ягубова М.А. Русский язык и культура речи / В.Е. Гольдин, О.Б. Сиротинина, М.А. Ягубова. – Саратов, 2003. – 216 с.
4. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ : монография / М.Р. Желтухина. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.
5. Зильберт Б.А. Тексты массовой информации / Б.А. Зильберт. – Саратов: Изд-во СГУ, 1991. – 78 с.
6. Карасик В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М.: Ин-т языкозн. РАН, 1992. – 330 с.
7. Карасик В.И. Характеристики педагогического дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. – Волгоград, 1999. – С. 3–18.
8. Карасик В.И. Структура институционального дискурса / В.И. Карасик // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во СГУ, 2000. – С. 25–33.
9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
10. Луканина М.В. Газетный текст через призму теории коммуникации / М.В. Луканина // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – № 2. – С. 123–133.
11. Макаров М.Л. Изучение структуры речевой коммуникации: От теории речевых актов к дискурс-анализу / М.Л. Макаров // Англистика. – 1999. – С. 75–87.
12. Минаева Л.В. Мультимодусность текстов печатных СМИ и рекламы / Л.В. Минаева // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 4. – С. 26–33.
13. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография / А.В. Олянич. – Волгоград: Парадигма, 2004. – 507 с.
14. Тертычный А.А. Понятие аргументации. Аргументация в публицистическом тексте (жанрово-стилистический аспект) / А.А. Тертычный. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1992. – 242 с.
15. Тюрина С.Ю. Дискурс как объект лингвистического исследования [Электронный ресурс] / С.Ю. Тюрина. – Владимир, 2008. – URL: <http://www.vfnglu.wladimir.ru/files/netmag/v3/ar11.doc>
16. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: моногр. / Е.И. Шейгал. – Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.

**Опредмечивание как маркер дегуманизации
в рассказах Рэя Брэдбери**

**Objectification as a marker of dehumanization
in short stories by Ray Bradbury**

В статье через призму анализа приема опредмечивания изучается проблема дегуманизации общества в рассказах американского фантаста Р. Брэдбери. Определенное рассматривается как одно из метафорических средств писателя и как противоположность приему олицетворения. Раскрывается суть данного приема и проводится детальный анализ его реализации в четырех рассказах.

The article discusses the problem of dehumanization of the human society through the lense of analyzing the device of objectification in short stories by the American fantasy writer R. Bradbury. Objectification is considered as one of the writer's metaphoric means and as the opposite to personification. The paper reveals the essence of the device under study and provides a detailed analysis of its realization in four stories.

Ключевые слова: фантастика, дегуманизация, метафора, олицетворение, опредмечивание, «субъект» (человек), «объект» (вещь).

Key words: fantasy, dehumanization, metaphor, personification, objectification, "subject" (person), "object" (thing).

Неоднократно отмечалось, что творчество американского писателя Рэя Брэдбери пронизано верой в человека, его мощный творческий потенциал и красоту душевных качеств. Вместе с тем, автора не могли не тревожить и темные стороны человеческой природы: безумие и душевная слепота, звериное внутри нас и несправедливость, зло и жестокость, которыми полон окружающий мир [5, с. 282]. Кстати, первый сборник рассказов Брэдбери так и называется – «Dark Carnival» («Темный карнавал»), и повествует он о людях, которые теряют свою человеческую сущность, превращаясь в чудовищ. Позднее этот сборник будет переработан и издан под названием «The October Country» («Октябрьская страна»), делая очевидным исключительную важность данной темы для автора. Озабоченность проблемой дегуманизации общества звучит и в рассказах, опубликованных в других многочисленных сборниках.

В данной статье будут проанализированы следующие рассказы: «The Veldt» (1950), «Marionettes, Inc.» (1949), «The Headpiece» (1958), «The Next in Line» (1947), опубликованные в сборниках «The

Illustrated Man», «A Medicine for Melancholy» и «The October Country». Эти рассказы объединяет то, что эмоциональный холод и атмосфера отчужденности присутствует там, где она по определению не должна быть, – в семье, во взаимоотношениях любящих людей – детей и родителей, супругов.

Язык писателя-фантаста Брэдбери отличается своей яркой метафоричностью. Исследователи отмечают, что особенность метафоры Брэдбери заключается в том, что она не просто выполняет художественную, эстетическую функцию, но и служит средством постижения писателем сути мироздания [6, с. 19], способом воплощения взгляда на мир [7, с. 58]. Это своеобразный язык, которым автор разговаривает с читателем. Среди прочих популярных метафор автора В.В.Литвинова называет олицетворение, обращая внимание, что очень часто как природа, так и неодушевленные предметы становятся равноправными участниками событий.

В этой статье хотелось бы привлечь внимание к противоположному приему Брэдбери, которым он также мастерски пользуется, а именно, к приему опредмечивания. Суть этого приема заключается в том, что человек или его часть уподобляется неживому объекту, то есть «субъект» превращается в «объект», при этом сам человек теряет способность испытывать и проявлять такие чувства, как любовь, забота, сочувствие. Особый случай представлен в рассказе «The Veldt», где подобные человеческие «функции» в качестве компенсации начинают выполнять неживые объекты, превращая таким образом людей в ненужную вещь.

В рассказе «The Veldt» («Вельд») [4] изображен оборудованный по последнему слову техники дом будущего, нареченный Брэдбери HappyLife Home, выполняющий не только многочисленные обременительные домашние обязанности (приготовление еды, уборка, глажка и т.п.), но и такие элементарные человеческие действия, как зашнуровать ботинки и почистить зубы, в котором человеку остается лишь потреблять. Брэдбери перечисляет все эти «полезные» новинки: the voice clocks, the stoves, the heaters, the shoe shiners, the shoe lacers, the body scrubbers and swabbers and massagers.

«Изыюминкой» дома служит детская комната, способная воспроизводить в формате 3D все фантазии и желания детей – Питера и Венди (кстати, намек на известную сказку о Питере Пэне – мальчике, который не хотел вырасти). Их родители – Джордж и Лидия, – никогда и ни в чем им не отказывавшие, в последнее время чувствуют агрессию со стороны детей: в своих фантазиях они желают родителям смерти. В следующих описаниях родительских

опасений прослеживается грустная ирония автора по поводу «заботливого» дома:

"I don't know – I don't know," she [Lydia] said, blowing her nose, sitting down in a chair that immediately began to rock and comfort her.

And although their beds tried very hard, the two adults couldn't be rocked to sleep for another hour.

Кресла и кровати готовы укачивать обитателей дома по первым признакам их расстройства, то есть дом как бы «чувствует» эмоциональное состояние человека и готов поддержать и утешить его.

Подобным образом, кухня дома хлопочет и напевает при готовке завтрака, как заправская хозяйка, и даже извиняется перед домочадцами за забытый кетчуп:

His wife paused in the middle of the kitchen and watched the stove busy humming to itself, making supper for four.<...>

"We forgot the ketchup," he [George] said.

"Sorry," said a small voice within the table, and ketchup appeared.

Спустя какое-то время проживания в доме Лидия начинает чувствовать себя ненужной:

"I feel like I don't belong here. The house is wife and mother now, and nursemaid. <...>You're beginning to feel unnecessary too."

В общем и целом, дом вместе в детской давно заменил маму и друга не только детям, но и взрослым он также служит мамой и другом:

... this house which clothed and fed and rocked them to sleep and played and sang and was good to them.

Родители фактически лишние в этом доме, который сам и накормит, и оденет, и утешит. Дети начинают воспринимать дом как живое существо, более родное, чем их родители. Выключение бытовых приборов Питер характеризует как «убийство» дома:

"Don't let them do it!" wailed Peter at the ceiling, as if he was talking to the house, the nursery. "Don't let Father kill everything."

Эффект от перевоплощения детской комнаты в родителя усиливается за счет того, что взрослые и дети как бы меняются местами. Джордж и Лидия расслабляются от безделья и, как следствие, теряют бдительность, становясь слабыми и беззащитными, как дети. В это время обладающие далеко не детскими познаниями в технике подростки перепрограммируют детскую комнату таким образом, что их желание реализуется уже не в формате 3D иллюзии, а в реальном формате.

Герои рассказа «Marionettes, Inc.» («Корпорация «Марионетки»») [1] – супружеские пары, прожившие в браке много лет. С течением времени чувства супругов как бы «стираются» в рутине повседневной жизни, муж и жена не проявляют друг к другу прежнего интереса, кажутся чужими, безликими.

Женщины в этом рассказе Брэдбери представлены как собственницы, стремящиеся любой ценой удержать мужчину и всецело владеть им. Будущая жена мистера Брэйлинга устроила истерику для того чтобы женить на себе начинающего бизнесмена, у которого не все хорошо в финансовом плане, но которого она безумно любит:

“And how she tore her clothes and rumped her hair and threatened to call the police unless you married her.”

Жена мистера Смита, чрезмерно заботящаяся о нем, не отпускает мужа буквально ни на минуту, чем очень ему досаждают:

“I mean, after all, when you’ve been married ten years, you don’t expect a woman to sit on your lap for two hours every evening, call you at work twelve times a day and talk baby talk.”

Как ни странно, именно в этих описаниях эгоистической женской натуры мы находим проявление сильных эмоций (рвать на себе волосы) и чувства любви и заботы (сидеть на коленях, сюсюкать, звонить). В противоположность женщинам мужчины эмоционально «пусты». Они стремятся вырваться из тесных женских объятий на волю, в связи с чем мистер Брэйлинг решается на отчаянный, рискованный шаг: он покупает билет до Рио – мечты своей молодости, в котором ему так и не привелось побывать из-за его спешной женитьбы, а чтобы его жена ничего не заподозрила, приобретает себе механического двойника – мистера Брэйлинга № 2. Его друг мистер Смит хочет последовать данному примеру. Фраза «They were identical», сказанная Брэдбери о Брэйлинге и Брэйлинге № 2, лишний раз подчеркивает, что между мужчинами и куклами нет принципиальной разницы: они лишены чувств.

Вместо сердца у куклы механизм, на звуке которого автор несколько раз акцентирует внимание:

Smith hesitated and then leaned forward to place his head against the uncomplaining ribs. Tick-tick-tick-tick-tick-tick-tick-tick.

Позднее Смит с ужасом обнаруживает такой же звук внутри своей жены, которая казалась ему чересчур любящей и заботливой:

For, without desiring to do so, he bent forward and yet forward again until his fevered ear was resting firmly and irrevocably upon her round pink bosom. “Nettie!” he cried. Tick-tick-tick-tick-tick-tick-tick-tick-tick-tick.

Таким образом, грань между авторским вымыслом и реальным осознанием отчужденности близкого человека может оказаться слишком тонкой, а само осознание – горьким и шокирующим.

Марионетка Брэйлинг № 2 – технически совершенный продукт, запрограммированный так, что он способен не только выполнять все естественные человеческие функции (есть, спать, потеть и т. п.), но испытывать человеческие чувства: “We’re pretty new. And we’re sensitive.” В этом рассказе наблюдается своеобразный

«перевертыш»: человек становится куклой, а кукла – человеком. Но оригинальность рассказа в том, что в нем происходит двойной «перевертыш» и неожиданный поворот сюжета.

Во-первых, Брэйлинг № 2 неожиданно, как это случается у людей, влюбляется в свою хозяйку, а хозяина запирает в чулане в коробке для марионеток. В уста куклы Брэдбери вкладывает слова любви:

“Your wife is rather nice,” said Braling Two. “I’ve grown rather fond of her.” <...> “I think — I’m in love with her.” <...> “ ... I’ve thought about your wife and — I think we could be very happy.”

Во-вторых, жена мистера Смита давно, но совершенно неожиданно для него самого, заменила себя на куклу, и, как оказалось, именно эта кукла так усердно заботилась о муже все последнее время.

Оригинально подается идея ущербности человеческой сущности в рассказе «Headpiece» («Шлем») [2]. У мистера Лемона в голове «дырка» в буквальном смысле слова – память о его бывшей жене, которая якобы ни с того ни с сего огрела его, мирно лежащего на диване, молотком.

Герой пытается ухаживать за мисс Фремвелл, которая непреклонно игнорирует его внимание и постепенно, задавая уточняющие и наводящие вопросы, раскрывает его темную тайну. Шаг за шагом, на глазах у читателей Лемон превращается из невинной жертвы в тирана, который сам не осознает этого. Вот последняя версия его истории, которая звучит в конце его разговора с мисс Фремвелл:

“I worked in a garage. Then I got these backaches so I couldn’t work and had to lie down afternoons. Ellie, she worked in the First National Bank. <....> I’m an easy man to get on with. I don’t talk too much. I’m easy-going and relaxed. I don’t waste money. I’m economical. Even Ellie had to admit that. I don’t argue. Why, sometimes Ellie would jaw at me and jaw at me, like bouncing a ball hard on a house, but me not bouncing back. I just sat. I took it easy. What’s the use of always stirring around and talking, right?”

Несмотря на добродушный тон, некоторые слова и выражения из этого монолога проливают свет на причину неадекватного поведения бывшей жены: все время лежал на диване, не трачу денег, много не говорил, не реагировал на замечания жены и, как венец всему, что толку все время суесться и болтать? То есть перед нами типичный couch potato, который не обращал на жену никакого внимания, и, по сути, являлся ни чем иным, как дополнительным предметом мебели, вещью в комнате. Бывшая жена мистера Лемона, напротив, в рассказе представлена как натура излишне эмоциональная, которая, по словам супруга,

постоянно суетится и кричит, однако, как выясняется, ее истеричность объясняется элементарным невниманием со стороны мужа.

Логически завершая метафору с дыркой в голове как с неким дефектом, который необходимо скрыть, или как некой замочной скважины в тайники души, куда не нужно заглядывать, Брэдбери от имени героя заказывает по почте парик. Оказывается, человек-вещь и парик (реальная вещь) прекрасно смотрятся вместе:

It took him [Mr Lemon] some time to get up his courage, tremble the wrappings open, and remove the lid from the white cardboard box. <...>And he fitted the new patent-leather black shining toupee to his naked scalp. <...>The toupee fitted perfectly, covering the neat coin-round hole which marred the top of his brow.

Обращают на себя внимание волнение и бережность, с которыми герой берет парик в руки, будто бы знакомится с женщиной и, в конце концов, находит себе идеальную пару (fitted и fitted perfectly).

Оригинальна концовка рассказа, когда герой в очередной раз приходит к мисс Фремли, уже в парике, а та ему отвечает: "I can still see the hole, Mr Lemon". Метафорическая дырка в голове не что иное, как ущерб в эмоциональном, человеческом плане. Его невозможно прикрыть механически, люди развивают способность чувствовать и сопереживать всю жизнь.

Прием опредмечивания используется для создания впечатления полного одиночества и отчужденности героини Мари в рассказе «The Next in Line» («Следующий») [3]. Это женщина средних лет, которая многое хотела сделать в жизни, но все время откладывала – по той причине, что всю свою жизнь она посвятила одному человеку – своему мужу Джозефу. После замужества она оборвала все связи со своими друзьями и подругами детства, перестала интересоваться книжными новинками и выходить в свет; вместо этого она всюду следовала за своим мужем, пока не оказалась с ним в одном маленьком мексиканском городке. Она часто повторяет фразу «I've always wanted», которая ее идеально характеризует.

Муж ведет Мари смотреть местную достопримечательность – склеп с мумиями людей, которых их бедные родственники не смогли похоронить на кладбище из-за высокой аренды. На метафорическом уровне муж показывает своей жене ее место – среди мумий, и автор здесь как бы подчеркивает: Мари давно уже не живет, а существует, являясь слабой тенью своего энергичного мужа. Та же мысль звучит в названии рассказа: дословно «следующий в ряду (мумий)», то есть оно звучит как предупреждение: место вакантно.

Интересны рассуждения Мари по поводу мумий. Она считает, что в скелетах нет ничего страшного, так как она не знала их

обладателей при жизни и теперь они уже лишены всякого намека на человека, однако ей было бы страшно увидеть подобные изменения в знакомом и любимом ею теле. Брэдбери описывает мумии за счет «выхолащивания» из них всего человеческого:

"I don't mind skulls and bones," said Marie. "There's nothing even vaguely human to them. <...>Everything human has been scraped off these."

Одна деталь прочно «застревает» в мозгу героини –грубые черные волоски на лицах мумий, выхваченные солнечным светом. Когда она увидела такие же волоски на теле ее любимого мужа, который просто не брился несколько дней подряд, она внезапно осознала, какие чудовищные изменения произошли в их чувствах друг к другу. Эта внешняя деталь – грубый волос – ставит знак равенства между ужасами, пережитыми Мари в склепе, и отношениями с тем человеком, которого она видела каждый день на протяжении всех лет совместной жизни:

A tiny hole of sunlight from the window-shade lay on his [Joseph's] chin and picked out, like the spikes of a music-box cylinder, each little hair on his face<...> Sunlight prickled black hairs into bronze on his upper lip. <...>The leg hung upon the rim of the bed, warm white in the sunlight, each little black hair – perfect.

Кроме этого, «выхолащивание» человеческого происходит и во внешнем описании людей. Автор уподобляет местных жителей выжженным солнцем глиняным кирпичам-сырцам, чем подчеркивает чужеродность внешнего окружения для героини:

Here were these small baked adobe people to whom she could say nothing and from whom she could get no words she understood.

Им же уподобляется и муж:

He[Joseph] was like one of these brown baked people of this far-away town upon the moon, and the real earth was off somewhere where it would take a star-flight to reach it.

Брэдбери пишет, что муж часто смотрит на жену как на статую, будто рассматривает ее как придирчивый турист наравне с другими объектами незнакомого города, чтобы тут же забыть и переключиться на другой: he looked at her as one examines a poor sculpture. Тело самой Мари напоминает вязкую глину, из которой уже невозможно выпарить лишнюю влагу, чтобы придать ей былую форму:

Like clay which the sculpture has carelessly impregnated with water, it was impossible to shape again. In order to shape clay you warm it with your hands, evaporate moisture with heat. But there was no more of that fine summer weather between them.

Очередная стадия опредмечивания наступает, когда Джозеф на глазах у жены съедает сахарный череп с надписью «Мари», приобретенный им в лавке для туристов.

Интересно, что в рассказах Рэя Брэдли мы видим не только метафорическое превращение человека в вещь, но и развитие отношений между ними. Следует отметить, что метафора «субъект» – «объект» в этих рассказах реализуется по-разному. При сопоставлении рассказов обнаруживается различие даже в метафорической сюжетной линии. В первом рассказе человек (дети) выбирают вещь (дом), исключая человека (родителей). Во втором рассказе вещь (кукла Брэйлинг №2) выбирает человека (жену мистера Брэйлинга), исключая человека (мистера Брэйлинга). В третьем рассказе человек (мисс Фремвелл) отвергает вещь (мистера Лемона), которая в итоге остается с вещью (париком). В четвертом рассказе вещь (Джозеф) отвергает вещь (Мари) и остается одна.

Таким образом, одной из функций приема опредмечивания у Рэя Брэдли является создание эффекта дегуманизации человека. Писатель напоминает о том, что потеря таких базовых человеческих ценностей и качеств, как любовь, внимание, сочувствие, может обернуться для людей катастрофой.

Список литературы

1. Bradbury Ray. Marionettes, Inc. // Bradbury, Ray. The Illustrated Man. <http://raybradbury/library/49/5/0/>.
2. Bradbury Ray. The Headpiece // Брэдли Р. Клубничное окно и другие рассказы. = The Strawberry Window and other stories. – На англ. яз. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 384 с. – С. 206–218.
3. Bradbury Ray. The Next in Line // Bradbury, Ray. The October Country. Ballantine Books. – New York. 1996. – P. 18–57.
4. Bradbury Ray. The Veldt // Bradbury, Ray. The Illustrated Man. <http://raybradbury/library/50/20/0/>.
5. Гаков Вл. Побег из детства // Брэдли Р. Избранные сочинения. В трех томах. Что-то страшное грядет: Роман. Канун всех святых: Повесть. – М., Олимп, 1992. – 304 с. – С. 272–302.
6. Литвинова В.В. Индивидуально-авторские концепты в структуре художественного мира Рэя Брэдли: автореферат. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2009. – 20 с.
7. Новикова В. Г. Фантастическая новелла Р. Брэдли: дис. ... канд. филол. наук. – Н. Новгород, 1992. – 182 с.

Читатель и персонаж: чтение как путешествие и исследование

Reader and Character: Reading as travelling and investigation

Читательская интерпретация персонажа как константы текста выявляет его двойственную природу. С одной стороны, эта текстовая категория проливает свет на жизненный опыт автора как реальной психологической личности, с другой стороны – является логическим результатом когнитивного моделирования, наблюдаемого в сознании автора как творческой языковой личности.

The character is a text constant. Reader's character interpretation reveals his / her dual nature. On the one hand, this textual category shed light on life experience of the author as real psychological personality. On the other hand, it is the logical result of cognitive modeling observed in the consciousness of the author as the real language personality.

Ключевые слова: читатель, персонаж, текстовая информация, читательские структуры знания, фикциональное сознание.

Key words: reader, character, textual information, reader's knowledge structures, fictional mind.

В целях хотя бы минимальной интерпретации художественного текста от читателя требуется погружение в смысловые слои повествования. На уровне метафорических номинаций, являющихся основой структурирования мыслительного процесса, феномен постижения художественной действительности можно представить такими концептуальными метафорами, как «чтение – это путешествие», «чтение – это исследование», которые выявляют всю трудность вовлечения читателя в текст, разграничения фактического и виртуального в тексте. Сам текст в данной связи понимается в большей степени как результат когнитивной деятельности читателя, нежели как качество вербально выражаемой информации.

Чтение художественных произведений – это процесс неизбежного взаимодействия текстовой информации с читательскими структурами знания, когнитивными процедурами переработки авторского дискурса. В процессе постижения образа персонажа читатель конструирует ментальные репрезентации его статического / динамического «вращения» в совокупной событийности текста, формирует ожидания, которые персонаж не

всегда оправдывает, таким образом порождая эффект читательского удивления. Исходная незавершенность участника событийной канвы текста стимулирует читателя к выявлению и систематизации личностных качеств персонажа с опорой на авторскую неявную «разметку» текста.

При этом читательское внимание сосредотачивается на разнообразных текстовых данных: имени персонажа, его действиях и реакциях на то или иное событие, мыслях, выраженных в прямой и несобственно-прямой речи, том, что сообщает о данном персонаже сам рассказчик и другие персонажи. В результате читатель «завершает» образ персонажа, моделирует парадигму его психологической личности. Сам персонаж «отрывается» от текста, начинает «жить» самостоятельной жизнью в читательском сознании, читательской долгосрочной памяти как духовной реальности. Акт читательского погружения в текст, без особого труда «схваченный» нами посредством вышеприведенных метафорических номинаций, оказывается не таким уж легким делом в плане анализа на теоретическом уровне исследования, которое, в свою очередь, при первом приближении нацелено на:

1) выявление антологических структур текста, совмещение концептуальных и языковых уровней их репрезентации;

2) когнитивное описание «отблесков» Я автора, рассказчика, персонажей и читателя в воображаемом текстовом пространстве [1, с. 111].

Художественный текст как «модель некоторой коммуникативной ситуации» [4, с. 26] предполагает несколько взаимодействующих между собой онтологических уровней своей репрезентации. В результате в текстуальном пространстве стираются грани между реальным и вымышленным, виртуальные персонажи и рассказчик начинают жить полноценной «настоящей» жизнью. При этом сам читатель приобретает функцию «немного» персонажа, получает «полномочие» от автора эмоционально испытывать череду событий, запечатленную в тексте, предсказывать, чтобы он ощущал или думал в той или иной отображаемой ситуации, предполагать, что будут ощущать и думать другие в той же самой ситуации.

Вместе с тем, наложение Я читателя на Я персонажей, обнаруживаемое в процессе постижения текста, не может быть абсолютным, поскольку читатель лишь в воображении «покидает» границы объективного мира, воспринимает акт художественного творчества, исходя из параметров «здесь» и «сейчас», оставаясь физически в объективном мире. В связи с этим, возникает проблема определения того, что какие сферы Я читателя, устремляющегося в альтернативную реальность, задействуются в акте «погружения» в текст.

Лингвистическая организация художественного текста включает рекуррентные индикаторы, свидетельствующие о гибридном ментальном референте текста, совмещающего Я реального читателя и Я виртуального рассказчика, определяющего перспективу развития повествования. Одной из подобных языковых характеристик текста выступает референция на объект высказывания посредством местоимения 2 л. ед.ч. Ср.:

(1) «...Дождь, дождь, дождь... Теперь ты один в кафе, все твои знакомые или разъехались, или отчаялись в твоём бессердечии, а сейчас они нужны тебе, ведь и ты человек, потому что и тебе больно... Ну так, значит, уезжай; не осуществил ли ты до сих пор решительно все, чего тебе хотелось, не гордишься ли ты именно этим?.. А давно уже тебе так не хотелось прочь от этой теплой, дождливой, городской боли... Думаю, я сбегу в Тулоне с вокзала и один, наудачу, вылезу к морю где-нибудь в Бандоле...» [2, с. 248].

В подобном контексте повествования читатель «сливается» с образом виртуального персонажа, к которому автор обращается посредством местоимения ты. Наблюдается пересечение дейктических границ читателя и персонажа, читатель начинает видеть воображаемую ситуацию глазами персонажа. Персонаж с опорой на читательскую «помощь», в свою очередь, наполняется реальными силами для последующих действий, о чем свидетельствует переключение кода на повествование от 1 л. ед.ч.

«Проникновение» читателя в виртуальную реальность повествования, по замыслу автора, может осуществляться и без ведома персонажа. В этом случае наблюдается противопоставление Я читателя и Я персонажа: в референтном плане обозначаясь неопределённым местоимением кто-то, читатель становится той неведомой силой, которая «затемняет», делает невидимыми для постороннего наблюдения действия персонажа, неприемлемые в контексте текущего повествования. Ср.:

(2) «— Приласкайте меня! – шепнула она, и вся зарделась, и задрожала, и закрылась руками. А сквозь раздвинутые слегка пальцы глянули задорные, веселые глаза. Логин вылил в стакан остатки вина и жадно выпил его... багровый туман застилает комнату. Лампа светит скуп и равнодушно. Назойливая румяная улыбка... падают широкие одежды... Алые, трепещущие пятна сквозь багровый туман... так близко знойное тело... Кто-то погасил лампу...» [3, с. 26].

Ментальные процессы читателя, связанные с постижением текста, сосредоточиваются на визуальном восприятии повествования. Сам читатель становится невольным соучастником происходящего. При отсутствии явно выраженного субъекта,

погасившего лампу, читатель потенциально может взять на себя эту функцию.

Постигая художественный текст, читатель накапливает информацию о каждом персонаже. При каждом последующем упоминании о персонаже он не только дополняет ментальную репрезентацию о персонаже новой информацией, но и активно задействует ее в целях осмысления текста. Данная информация поступает из различных источников – от авторского описания персонажа до комментирования и оценочных суждений, принадлежащих другим персонажам. Представляется, что главным источником указанной информации выступает внутриментальная презентация сознания персонажа в форме внутренней речи. Читательский ментальный образ персонажа фактически конструируется теми же самыми способами, что и репрезентации реальных индивидов из объективного мира.

В своем исследовании фикционального сознания (fictional mind) в аспекте художественного текста А. Пальмер настаивает на том, что данный тип сознания обладает значительным сходством с реальным сознанием (real mind). Он утверждает, что фикциональное сознание представляет собой семиотический конструкт, многие семиотические операции, необходимые для извлечения смысла предполагают те аспекты фикционального сознания, которые, в свою очередь, характерны и для реального сознания [5, с. 86].

Таким образом, когнитивные конструкты персонажа как метальные пространства рассматриваются в качестве изоморфных ментальным пространствам реальных индивидов. В процессе постижения текста читатель отождествляет себя с тем или иным персонажем, при этом его Я приобретает одну из потенциально возможных ипостасей. Эта ипостась становится результатом интеграции сходных характеристик в концепциях Я и персонажа. Данные характеристики персонажа, неявно указанные в авторской разметке текста, активируют соответствующие схемы в читательской концепции Я, определяют ту или иную ипостась возможного Я читателя. В результате читатель «делает прыжок» из реального мира в мир виртуальный.

Как только автор вводит того или иного персонажа в сюжетную и композиционную канву текста, читатель «подгоняет» этого персонажа под определенный фрейм. Сначала этот фрейм носит самый обобщенный характер (персонаж является мужского / женского пола, молодым / пожилым человеком). Слоты этого фрейма ждут своего последующего заполнения более детальной информацией в процессе выявления новых данных их текста. Эти данные, в свою очередь, необходимо анализировать в рамках целостного контекста литературного произведения. Утверждения,

инициируемые нетипичным повествователем, или воспроизведение точки зрения необъективного персонажа необходимо интерпретировать несколько в ином ключе, чем объективные наблюдения и мнения всеведущего рассказчика. Противоречивая информация о персонаже, поступающая из различных фокусирующих источников, размещается в разные слоты.

В процессе постижения текста читатель периодически рассматривает потенциальную возможность того, что данный слот / слоты как часть определенного фрейма более не требуют дополнительной информации. В результате оказывается, что читатель моделирует в своем сознании (и сохраняет в долгосрочной памяти) сразу несколько различных образов, принадлежащих одному и тому же персонажу. Параллельно с усвоением сюжета художественного текста, стремлением предугадать его развитие читатель конструирует образ персонажа как на физическом, так и психологическом уровне, актуализует те или иные фреймы, заполняет соответствующие их слоты. В результате взаимодействие читателя с текстом приобретает динамический характер.

Список литературы

1. Клеменова Е.Н., Кудряшов И.А. Герменевтический анализ текста: когнитивные основания // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. – № 7. – С. 109–113.
2. Поплавский Б.Ю. Аполлон Безобразов. Домой с небес. – СПб.: Logos, Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. – 352 с.
3. Сологуб Ф. Тяжелые сны: Роман, рассказы. – Л.: Художественная литература, 1990. – 368 с.
4. Fludernik M. An Introduction to Narratology. Abingdon. – NY.: Routledge, 2009. – 342 p.
5. Palmer A. Fictional Minds. Lincoln and London: University of Nebraska Press, 2004. – 298 p.

Научная инновация и ее репрезентация в дискурсе**Innovation and its representation in the discourse**

В статье рассматриваются вопросы репрезентации инновации в научно-инновационном дискурсе, принадлежащем сфере коммуникаций на стыке науки и различных сфер социальной деятельности, в процессе создания и оптимальной социальной или предметной актуализации научного инновационного продукта. Репрезентация инновации научно-инновационном дискурсом носит комплексный характер.

The article deals with representation of innovation in scientific and innovative discourse belonging to the field of communications at the intersection of science and the various spheres of social activity, in the process of creating an optimal social or scientific subject update innovative product. Representation of innovation in the scientific and innovative discourse is comprehensive.

Ключевые слова и фразы: инновация, научно-инновационный дискурс, коммуникация, лингвистическое сопровождение, актуализация.

Key words and phrases: innovation, scientific and innovative discourse, communication, linguistic support, actualization.

В процессе расширенного воспроизводства новейшие научные знания становятся важным ресурсом развития современного общества. Основанные на них инновации (новации), понимаемые как актуализированные результаты и комплексные эффективные процессы научной и других видов деятельности, как объективированные новшества, обладающие высокой эффективностью, пронизывают и связывают различные области человеческого бытия: науку, политику, экономику, образование. Универсальный характер научных инноваций часто позволяет использовать их в различных предметных областях применения инновационного продукта.

В зависимости от предметной области актуализации инновации различного типа могут быть технологическими или социальными. В социальной сфере инновации представляют новые концепции, идеи и организации, способствующие развитию гражданского общества. Инновации в других сферах жизнедеятельности обеспечивают создание и внедрение технологически нового продукта/процесса. Европейский Союз (ЕС) принял ряд документов в том числе «Стратегия “Европа 2020”» [3], регламентирующих инновационные

процессы развития ЕС. Идеи построения общества инноваций уже реализуются.

Инновация как конечный результат интеллектуального творческого процесса формирует сложный наукоемкий продукт. В отличие от академических разработок, репрезентируемых научным дискурсом [1], которые, как правило, только объясняют мир, научная инновация изначально нацелена на его изменение и собственную реализацию в соответствии с коренными потребностями социума. Важна быстрота и стремительность актуализации инновации в создании социальных и технологических преимуществ, что обуславливает потребность в особом лингвистическом сопровождении научных и инновационных процессов, специфическом дискурсе (особой дискурсивной практике), наиболее подходящим для создания и оптимальной социальной или предметной реализации инновации.

Разнообразные виды дискурса [2], функционально определяемые на основе идеи постструктурализма Ф. де Соссюра как способы, средства общения и понимания окружающего мира, обеспечивают расширенное осмысление мира, открывают новые возможности понимания, как определенных черт, так и общих процессов. Для репрезентации особенностей научной инновации в этом аспекте недостаточно потенциала научного дискурса. Совокупность лингвистических особенностей и социально-прагматических отличий, присущих рассматриваемой языковой практике, не находящей своего отражения в структуре научного дискурса, дает основание для введения нового понятия – научно-инновационного дискурса (НИД) и исследования его как отдельного лингвистического феномена.

НИД – продукт и инструмент научно-инновационной деятельности современного общества, в экономике знаний которого значительную часть деятельности в области научных инноваций представляет малый и средний бизнес. Последние вынуждены самостоятельно разрабатывать, исследовать, создавать инновации, часто самостоятельно обеспечивая их правовую защиту, рекламу и продвижение на рынок.

НИД рассматривается как специфический способ ментальной деятельности и общения в вербализованной форме в рамках особого социального контекста и используется как инструмент и результат креативно-предметной деятельности по разработке научной инновации, ее созданию и реализации. В первую очередь НИД реализуется в процессе коммуникации в «треугольнике знаний», между наукой, образованием и бизнесом, что формирует сложный наукоемкий продукт, создание, реализация и продвижение на рынок и потребление которого требуют профессионального

лингвистического сопровождения. Понятие НИД соответствует новой картине мира, отказывающейся от монотеоретизма.

Так как научное создание инновации неотделимо от ее актуализации, НИД принадлежит сфере коммуникаций субъектов, различных по компетенции, общей культуре, национальности, в среде мелкого и среднего бизнеса на стыке инновационных областей науки, политики, экономики, бизнеса, техники, инвестирования, менеджмента. Термин НИД используется для обозначения специфического способа или специфических правил организации определенного вида коммуникации (дискурсивной практики), в которой автор и толерантный адресант заинтересованы в реализации и продвижении инновации различными средствами. НИД проявляется в интеракциях субъектов, различных по компетенции, общей культуре, национальности и существует в рамках стратегий, обусловленных наличием современного рынка и заказом социального субъекта.

Задача НИД состоит не только в получении объективного научного знания как научного инновационного продукта, но и в его продвижении в различные сферы социальной деятельности. Вступление инновации в систему различных социальных отношений и требование прагматически ориентированного лингвистического обеспечения инновации обуславливает наличие и взаимодействия в данном дискурсе определенного объема элементов структурно-функциональных характеристик различных институциональных дискурсов.

НИД обладает подвижными границами и пополняется необходимыми для данного вида речемыслительной деятельности элементами других дискурсов: научного, производственного, коммерческого, правового, политического; неофициального общения, рекламы, пиара, варьирует динамически потенциями составляющих других дискурсов и идиостилей. Без такого комплекса свойств дискурса инновация не может быть ни создана, ни реализована как наукоемкий товар на международном рынке. В этом аспекте применение понятия НИД в качестве наиболее адекватного термина целенаправленно и оправдано.

Научно-инновационный дискурс как средство общения и понимания тематически ориентированных микросоциумов подразумевает современные многосторонние диалоговые коммуникации, благодаря которым потребитель становится отчасти кооперативным создателем инновации. Характерной особенностью НИД является отражение неравенства его участников. Предполагается, что хотя автор по сравнению с адресатом и обладает преимущественными знаниями об инновации, он обязан не только донести до адресата знания, связанные с инновацией, но

и в достаточной мере обеспечить совместно с последним дальнейшую актуализацию инновации. Отсюда существенная научная, политическая, социальная нагруженность дискурса.

Цели и содержание инновации, условия ее реализации обуславливают соприкосновение НИД с различными функциональными стилями, предполагается особое соотношение стилистических элементов, принципы организации речи, что находит свое выражение в жанровой вариативности НИД. Потенциал НИД заключается в создании условий эффективного общения различных участников многостороннего научно-инновационного коммуникативного процесса; в мощном комплексе информационного и иллюкативного воздействия на его участников; целенаправленном влиянии на получателя уникальной научной инновационной информации. НИД использует выразительные средства, в том числе образную и видео-репрезентацию сообщаемых смыслов, в нем часто выражен личностный компонент.

НИД направлен на непосредственное взаимодействие адресанта с адресатом с целью вызвать у последнего интерес, предложить ему не только контент, но и сценарии его когнитивного осмысления процесса реализации. Структурная организация научно-инновационного дискурса тесно связана с экспонированием интенций адресанта. НИД содержит необходимые для реализации инновации в сфере мелкого и среднего бизнеса определённые части научного, технического, экономического, производственного, торгового, социального, патентного, официально-делового дискурса, дискурс менеджмента, неофициального общения, рекламы и др.

В сфере науки и инноваций на смену субъект-объектной приходит новая субъект-субъектная парадигма – антропоцентрическая коллаборативная коммуникация. Ее канал также является субъектом коммуникации, так как (благодаря программному обеспечению компьютерных и сетевых технологий) он насыщен интеллектуализированной средой, в которой типологически наиболее актуальным и приоритетными становятся горизонтальные гетерархические модели современного дискурса.

Успешную коллаборацию на всех этапах: создания, продвижения и актуализации инновации, определяет стратегия научно-инновационной коммуникации. В данной модели формируются и фиксируются новые цели, функции авторов и реципиентов в процессе коллаборативного взаимодействия создания, продвижения и использования инновационного продукта свободное общение, с применением различных иллюкативных и ассоциативных актов. При этом реципиент становится в

определенной степени соавтором, а коллаборативная парадигма – неотъемлемой составляющей модели коммуникации.

Благодаря концепции технологической актуализации в НИД заложена возможность взаимодействия и креативной совместной работы адресанта и адресата, базирующейся на ассоциативности человеческого мышления. Наиболее востребованными оказываются технологии и каналы, обеспечивающие интерактивное быстрое и симметричное взаимодействие ее участников, обратную связь. На смену иерархическим, гетерогенным коммуникациям: разработчик (автор) – пользователь получают горизонтальные гомогенные информационные потоки, формирующие неиерархический дискурс. Преобладающая в инновационном дискурсе горизонтальная гетерархическая коммуникация способствует гармонизации, поощрению и повышению креативности индивида, выступающего в роли как производителя, так и потребителя инноваций.

Адресат и адресант обладает равноправными возможностями доступа, инициирования, формирования общения и развитию связей. Личность включается в разнообразные виды интеракций, в новые модели отношений, и при этом все больше внимания уделяется саморазвитию. Априорно, в силу технологических особенностей обеспечивается равноправное взаимодействие, коллаборация коммуникантов. При этом авторы, реципиенты и профессиональные коммуникаторы, становятся соучастниками инновационных процессов. В любых; условии осуществляется сопроизводство информации адресантом и адресатом; транспарентность общения, как открытость, так и закрытость базы данных.

Цели и содержание инновации, условия ее реализации обуславливают соприкосновение дискурса с различными функциональными стилями, предполагается особое соотношение стилистических элементов, принципы организации речевого произведения, что находит свое выражение в жанровой вариативности дискурса. В превалировании массовых горизонтальных связей НИД представляет для индивида адекватные условия коллаборативной коммуникации

НИД использует выразительные средства и образную репрезентацию сообщаемых смыслов. В отличие от нейтрального тона научного дискурса необходимость актуализации обуславливает модальность НИД. В нем, как правило, ярко выражен личностный компонент. Адресант заинтересован в продвижении инновации различными средствами, и дискурс обеспечивает решение коммуникационных задач в расширяющейся области научных инноваций.

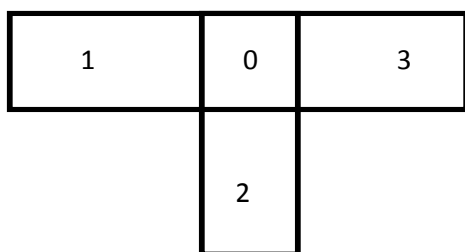

Рис. Ядро (0) и периферии (1,2,3) лексикона инновации в различных предметных областях

К особенностям НИД относится наличие понятийно-семантического предметного ядра инновации, находящего свое отражение среди специфических черт, присущих различным жанрам. Ядро инновации в разных предметных областях и периферии лексикона инновации остается неизменным, однако лексика и стилистика позиционирования одной и той же инновации в них могут существенно

различаться (рис.). НИД присущи полиаспектность, многопредметность, модальность и вместе с тем однозначность ядерных понятий при различных формах их реализации и презентации, получение новых композиционно-речевых форм. В нелинейном процессе становления инновации при сохранении понятийно-смыслового ядра чередуются, а иногда и меняются ее аспектуальные доминанты.

В процессе полевого структурирования лексикон рассматривается как совокупность слов и выражений, репрезентирующих общую картину инновации или частные картины реализации инновации в отдельных предметных областях. Поэтому лексикон является центральным компонентом идиостиля научно-инновационного дискурса, напрямую влияющим на понимание и обработку дискурса в целом. В то же время осмысление каждого лингвистического элемента научно-инновационного дискурса происходит с позиций лексики в качестве «словарного состава языка». Использование НИД в различных предметных областях обуславливает вариативность ряда концептов и присущего рассматриваемой инновации терминологического аппарата, а также появления новых конвенционально не закрепленных терминов.

В научно-инновационном дискурсе, репрезентирующем инновацию «имитационное моделирование» в предметных областях: «Applications in Biology», «Models in Defense and Emergency Planning», «Models in Architecture and Construction» [4], наряду с научным контентом и способами актуализации инновации вводятся иллюкативные доминанты директивных деклараций и директив. Их повышенная серийность свидетельствует о модальной направленности поля иллюкций на активизацию когнитивных и волевых механизмов интерпретации адресата, что делает в данном случае нецелесообразным прагматическую нейтрализацию дискурса.

Коммуникации становятся многосторонними и мультиполярными, коммуницирование пользователей переходит в их коллегиальное взаимодействие. Продуцируемый формат взаимодействия адресата и адресанта в качестве равноправных соавторов, становится продуктом их совместной творческой деятельности посредством НИД. Дискурсивное общение субъектов научно-инновационной деятельности часто не может быть эффективно представлено в модели традиционной вертикальной парадигмы «адресат – «адресант».

Искажения общения, возникающие в технологизированном дискурсивном пространстве, являются следствием особенностей активного взаимодействия коммуникантов, в том числе недостаточной компетенции или отсутствия навыка использования технологических средств. В ходе трансформации дискурсов происходит наложение на идиостиль адресанта идиостиля медиатора и возникают сложности выявления и сохранения идиостиля автора. В целом проявление указанных искажений коммуникации в технологизированной среде объединяет случайность и непредсказуемость их возникновения. В связи с вышеуказанным, по нашему мнению, целесообразно изучение возможностей использования моделей класса «искусственный интеллект» для эффективного преодоления барьеров профессионального межкультурного общения.

Таким образом, научно-инновационный дискурс является средством репрезентации научных инноваций в различных сферах современного общества, а комплексная его природа обусловлена аккумуляцией возможностей различных интенциональных дискурсов. Как новый феномен лингвистических научных исследований, идентифицируемой соответствующим термином, рассмотренный дискурс требует дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Аликаев Р. С. Язык науки в парадигме современной лингвистики. Нальчик, 1999. – 318 с.
2. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.
3. Новая европейская стратегия "Европа 2020" [Электронный ресурс]. – URL: <http://eulaw.ru/content/307> (дата обращения: 25.01.2014).
4. Wainer Gabriel A. Discrete-Event Modeling and Simulation. A Practitioner's Approach/ Computational Analysis, Synthesis, and Design of Dynamic Models Series. Series Editor Piter Mosterman/ Natick, Conecticut/ by Taylor & Francis Group, LLC. 2009. – 483 p.

Нетипичное повествование: архитектура, рассказчик, смысл**Unreliable narration: architectonics, characters, meaning**

В статье рассматриваются базовые характеристики нетипичного повествования и нетипичного рассказчика. Утверждается, что характерным признаком подобного повествования предстает концептуальная интеграция темпоральных и пространственных составляющих текста. Рассказчик является нетипичным, если на уровне воображения он порождает иные темпоральные и пространственные планы, иные ипостаси «Я».

The article deals with the basic characteristics of unreliable narration and unreliable narrator as well. It is argued that conceptual integration of temporal and spatial spaces turns out to be the characteristic feature of unreliable narration. The narrator is considered to be unreliable if on the level of his / her imagination he / she generates different temporal and spatial worlds, other hypostases of his / her "self".

Ключевые слова: модернизм, постмодернизм, нетипичное повествование, нетипичный рассказчик.

Key words: modernism, postmodernism, unreliable narration, unreliable narrator.

Многомерное исследование прозаического текста с опорой на когнитивные методы поэтики и психосемантики формирует текущие научные интересы в лингвистике. Указанная перспектива с необходимостью задействует базовые положения антропоцентрической парадигмы, т.к. ориентируется на анализ субъекта (автора, псевдоавтора, рассказчика) и его креативного мышления. Приоритетным направлением данного исследования предстает вербальная репрезентация внутреннего мира субъектов повествования в инновационном (модернистском, постмодернистском) тексте. Несмотря на тот факт, что модернистский и постмодернистский тексты является частотным предметом лингвистических исследований на протяжении не одного десятилетия, внимание к этому притягивающему, но в то же время увертливому концепту научных изысканий не только не ослабевает, а даже усиливается в силу целого ряда причин. В частности, интенсивное развитие постклассической нарратологии выводит на передний план исследования такой феномен текстов указанных направлений, как нетипичность, которая интерпретируется как на языковом и речевом уровнях повествования, так и в плане имплицитного автора и образа рассказчика.

В аспекте современных подходов к исследованию художественного творчества нетипичное повествование можно рассматривать как своеобразную авторскую технику фиксирования действий и событий посредством ассоциативного сцепления доменов памяти и воображения. При этом домен памяти воспринимается читателем на фоне домена воображения. Нетипичное повествование фокусирует читательское внимание на ментальных процессах, происходящих в сознании рассказчика, который характеризуется специфическим складом ума, отсутствием социальной адаптации и другими подобными онтологическими признаками. Сам рассказчик оказывается дистанцированным от действительного хода событий, страдает от психологических травм и, иницируя повествование, пытается «излечиться» от боли, наносимой этими травмами. Ни на минуту не притупляющееся чувство потери, вины и крайнего отчаяния неизбежно отражаются на манере повествования рассказчика (ср. модернистские романы Б. Поплавского [1]). Можно сказать, что цель нетипичного повествования заключается в том, чтобы выдвинуть на передний план особенности психологического состояния рассказчика, сделать фокус на его внутренней жизни, ироническом постижении действительности. Комментарии рассказчика относительно действительности не согласуются с понятием здравого суждения. Фиксация встревоженного сознания рассказчика рассматривается нами в качестве самой последовательной характеристики нетипичного повествования.

Процесс разворачивания текста подчиняется не логическим законам, а закономерностям компрессии и декомпрессии текстуальных пространств, отражающим особенности категоризации объективного мира рассказчика. В нетипичном повествовании – в результате компрессии и декомпрессии реальных и воображаемых событий – читатель сталкивается с «маятниковым» чередованием сегментов обозначения объективной реальности и сегментов абстрагирования от этой реальности. В связи с этим, в процессе постижения нетипичного повествования возникает следующая дилемма: то, что сообщает рассказчик, следует рассматривать в качестве фактов виртуального мира текста или же это косвенная информация о его «деформированном», травматическом сознании. Нетипичное повествование оперирует косвенными смыслами, имплицитными значениями. Как следствие этого, для нетипичного повествования характерным предстает доминирование означающего над означаемым. Это повествование, в котором наблюдается разрыв между когнитивными характеристиками рассказчика и подразумеваемого автора. Этот разрыв еще более усиливается за счет иронического смысла,

который становится неизбежным эффектом акта рассказывания. Нетипичный мир рассказывания содержит физические и логические несоответствия с реальным миром, которые непосредственно фиксируются приемом концептуальной интеграции темпоральной и пространственной организации текста. Между рассказчиком и имплицитным автором (и читателем) устанавливается ироническая дистанция, которая усиливается за счет контраста между фактами виртуального мира, о которых сообщается в тексте, и интерпретацией этих фактов со стороны рассказчика. Другими словами, между описанием фактов и их оценкой обнаруживаются значительные противоречия.

Концептуальная интеграция является приемом организации нетипичного повествования, поскольку манифестирует собой основную ментальную операцию, лежащую в основе уникальности художественного текста, предопределяющую компрессию / декомпрессию точек зрения рассказчика и персонажей в отношении моделируемых автором событий. В связи с этим, нетипичное повествование мы рассматриваем как художественный феномен, связанный с актами рассказывания персонажа от первого лица. Рассказчик в данном повествовании характеризуется как нетипичный, если для отражения его внутреннего мира автор прибегает к приему концептуальной интеграции.

Сознание героя-рассказчика характеризуется тем, что оно не ограничивается реально переживаемыми событиями и состояниями. На уровне воображения оно способно порождать иные темпоральные и пространственные планы, иные ипостаси «Я», при этом «Я» может трансформироваться в «ОН» (см., например, [1]). Данный факт, собственно говоря, и составляет внутритекстовую точку зрения, отражаемую в подтексте «новой» прозы. Воображение предстает одной из форм замещенного внимания. Читатель воспринимает воображаемые ситуации как реальные, испытывает повествовательные миры как реально существующие. Автор художественного текста стимулирует читательское воображение посредством некоторых формальных и концептуальных сигналов. В результате инициируется художественная коммуникация, в которой вовлеченными оказываются и автор, и читатель. По существу, вопрос определения типичности / нетипичности рассказчика оказывается субъективным, поскольку ответ на него определяется эмпирическим опытом читателя (исследователя), а именно его общими знаниями об объективном мире, культурными кодами, системой норм и оценок.

Нетипичное повествование, предполагающее трансформацию традиционных схем построения текста и переоценку самого понятия «авторского Я», выявляет возможность конструирования

нединамических образов с кинематографической точностью, запечатления этих образов «инновационной камерой» с разнообразных углов зрения; это радикальная реакция на конвенции реалистического повествования, включая как частичное отвержение некоторых литературных приемов, так и полное пренебрежение законами выстраивания сюжетной линии, игнорирование необходимости привлекательных персонажей, узнаваемого для читателей пространственного окружения и временного плана, в которых обитают персонажи, вразумительного языкового отображения окружающего мира. Нетипичным характером обладают литературные тексты, написанные в рамках как классической реалистической, так и модернистской и постмодернистской традиции. С переходом от модернизма к постмодернизму нетипичность текстов усиливается, прием концептуальной интеграции как организующее начало этих текстов становится все более частотным и, как представляется, достигает пика своего развития.

В качестве нетипичного повествования мы, в частности, рассматриваем постмодернистский роман британского автора японского происхождения Исигуро Кадзуо «Безутешные» (1995) [3], который считается критиками наиболее сложным у данного автора (пишущего по-английски). Мистер Райдер, рассказчик, является известным пианистом, который посещает некоторый город N, расположенный где-то в Европе, чтобы помочь его жителям разрешить испытываемый ими личный и культурный кризис. Виртуальный мир романа наполнен фантастикой и подчиняется законам бессознательного: физическая реальность нестабильна, время эластично, а странные жители оказываются детскими друзьями и неприятелями рассказчика. Райдер страдает редкой формой амнезии: он, в частности, забывает тот факт, что в городе, который он посещает, также живут его жена и сын. Но как компенсация этому, рассказчик наделен экстрасенсорным восприятием и может «проникать» в память, фантазии и мысли других людей. Мир романа настолько фантастичен, что различие между фактом и выдумкой перестает быть значимым. В связи с этим читателю совсем не обязательно выяснять, что происходит на самом деле, нет необходимости и в том, чтобы объяснять противоречия и непоследовательности повествования ограниченной осведомленностью рассказчика, его аберрантным мировосприятием.

Сам читатель вынужден априорно принять несколько «если». Так, текст романа приобретает для читателя определенный смысл, если в фокус его внимания попадает травмированная психика рассказчика. Читатель получает ключ к декодированию смысла романа, если он воспринимает повествование метафорически и

даже аллегорически. Отдельные персонажи «открывают» свою значимость в повествовании, если их воспринимать как alter ego рассказчика; многие странные события оказываются понятными, если их рассматривать как внешнее проявление надежд и внутренних страхов рассказчика.

Таким образом, смысловая «дверь» романа приоткрывается, повествование мистера Райдера становится более понятным (чем внутренний мир самого рассказчика), если повествование интерпретировать как нереалистичное, фантастическое. Роман сочетает реалистическое изображение травмированного внутреннего сознания рассказчика с метафорической манерой письма, что делает его интересным для исследования в аспекте нетипического повествования.

Список литературы

1. Кононов Н. Нежный театр. – М.: Вагриус, 2004. – 384 с.
2. Поплавский Б.Ю. Аполлон Безобразов. Домой с небес. – СПб.: Logos, Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. – 351 с.
3. Ishiguro Kazuo. The Unconsoled. – L.: Faber, 1995. – 535 p.

Основные направления в становлении политической коммуникации в Интернете

The main directions in development of political communication on the Internet

В статье рассматриваются вопросы становления политической коммуникации в интернете, условия и направления развития этого типа политической социализации.

The article examines the formation of political communication on the Internet, the conditions and directions of development of this type of political socialization.

Ключевые слова: политический интернет, политическая коммуникация, политическая социализация.

Key words: political internet, political communication, political socialization.

Появление политики в Интернете связано с несколько парадоксальной причиной, а именно, своего рода «дань моде», «присоединение к новому популярному технологическому явлению», «демонстрация своего участия в новых технологиях, что называется – «продвинутости». «Большинство политиков, считавших необходимым создание сетевых проектов, не верили в то, что использование интернет-технологий принесет им какую-либо практическую пользу, но верили распространенному представлению о том, что такая польза существует» [4, с. 2002]. Предполагалось, что только «живое общение» может служить средством привлечения аудитории, и в большей степени, молодежи, к политической деятельности.

Впервые интернет-технологии были применены в политике в начале 90-х годов. Это были некоторые PR-акции и политическая реклама в предвыборных американских кампаниях. В 1993 г. в США появился первый официальный государственный интернет-сайт, принадлежащий Белому дому. Популярность этого вида политической коммуникации подтвердилась цифрами, относящимися к периоду выборов президента США Б. Клинтона в 1996 г., которые приводит Б. Ньюйман. Согласно этим данным президентский сайт посетили один миллион человек только за время первых 10 дней кампании. Предвыборный штаб его противника, сенатора Доула, отметил, что его сайт посетили девять миллионов человек с сентября 1995 по август 1996. Более того,

почти шесть тысяч добровольных помощников было рекрутировано через этот сайт, чтобы принять активное участие в предвыборной борьбе [11, с. 60]. Другим доказательством проявления интереса к новому каналу общения граждан с представителями властных структур служит тот факт, что в 2000 г. американцы прислали в Белый дом, Конгресс и Сенат более 80 млн. электронных писем.

Такие свойства Интернета, как доступность, отсутствие цензуры, анонимность, быстрая обратная связь, привлекли пользователей сети к такой форме общения. Для властных структур преимущество политической интернет-коммуникации перед ее традиционными формами проявилось в широчайшем охвате целевой аудитории и небольших финансовых затратах. Популярность данного вида политической социализации подтверждается появлением и широким использованием в последние годы в политической коммуникации новых терминов: «сетевая политика», «политический интернет», «киберполитика», «компьютерно-опосредованная политическая коммуникация», «цифровая (дигитальная) демократия», «коммуникационная демократия», «кибердемократия», «электронное правительство», «электронное гражданство» и др.

Таким образом, в определенном смысле получилось, что «не Интернет вошел в политическую жизнь, а профессиональная политика вошла в виртуальный мир, принеся туда все черты политики мира реального» [6]. В настоящее время уже никто не ставит под сомнение тот факт, что «Интернет – это не просто место, где можно разместить очередную листовку, а мощное информационно-пропагандистское средство ведения политической кампании, фактически совмещающее (особенно в перспективе) возможности телевидения и печатных изданий: место для размещения информационных материалов, выражающих мнение конкретной партии, ее политических программ, заявлений, агитационных и пропагандистских материалов, фото-, теле- и аудиоматериалов, дополненных возможностями ведения обмена мнениями и диалога путем электронной почты, различных форумов, интернет-опросов, чатов, электронных листов рассылок и т. д. Все это, дополненное собственными электронными лентами новостей, онлайн-изданиями, рекламой, использованием сайтов как порталов и т.д., превращает Интернет в мощнейший инструмент политики» [9].

Представленность информационных ресурсов политического Интернета на современном этапе достаточно широка и она постоянно продолжает увеличиваться. Это сайты органов власти и ее представителей; сайты политических партий и политических направлений; персональные сайты политических деятелей различного уровня, информационно-аналитические политические

сайты; блоги государственных и политических деятелей; политическая реклама, новостные ленты и СМИ; сайты предвыборных кампаний и др.

Важность внедрения в сферу политики новых информационно-коммуникационных технологий доказывает и тот факт, что это способствует не только качественному изменению старых стереотипов, но и «создает новые формы поведения, модели взаимоотношений между политическими институтами и индивидами» [3], а также расширяет возможности граждан участвовать в политической жизни. «Появление Интернета существенно повлияло на весь политический мир. Интернет-дискурс инициировал такие процессы, которые стали существенно модифицировать различные институты, нормы и даже самих участников политического процесса. Интернет-пространство, кибернетический мир – неизменный атрибут современного поля политики» [8, с. 267].

Политическая интернет-коммуникация приводит к трансформациям в современном коммуникационном процессе, которые заключается в изменении ролей коммуникантов - в этом виде коммуникации адресат перестает быть просто реципиентом информации, он становится ее продуцентом, что влечет за собой смену направления, условий, задач коммуникации и ролей коммуникаторов. Политическая интернет-коммуникация, обладая всеми общими чертами всякой интернет-коммуникации, выделяется как разновидность на основе особой прагматической направленности, которая выражается в задаче формирования общественного мнения путем воспроизведения и оценки событий, явлений и процессов социальной жизни. Цель политической коммуникации – «информационное и психологическое воздействие на изменение политического сознания и поведения людей в интересах достижения политических целей тех или иных движений, партий, лидеров, формирование общественного мнения, влияющего на конкретные политические решения. Этот вид коммуникации формирует у населения определенные представления о политической реальности» [7, с. 158] за счет предоставления дополнительных возможностей для политической социализации.

Комплексность политической интернет-коммуникации как объекта научного исследования предполагает привлечение смежных лингвистических направлений, таких, например, как: политической лингвистики, изучающей язык политики; социолингвистики, занимающейся проблемами взаимодействия языка и общества, функциональной стилистики и особенно исследований публицистического стиля, когнитивной лингвистики и лингвистики текста, журналистики др. Для данной области

исследования «в полной мере характерны такие черты современного языкознания, как мультидисциплинарность (использование методологий различных наук), антропоцентризм (человек, языковая личность становится точкой отсчета для исследования языковых явлений), экспансионизм (тенденция к расширению области лингвистических изысканий), функционализм (изучение языка в действии, в дискурсе, при реализации им своих функций) и экспланаторность (стремление не просто описать факты, но и дать им объяснение)» [2, с. 90]. Кроме того, она также тесно связана с такими науками, как социология, политология, психология, компьютерные технологии и дизайн, программирование и др.

Сложность политической интернет-коммуникации как объекта исследования подчеркивается многими учеными, например, Е. В. Лобза в своем докладе на VI Всероссийской объединенной конференции «Технологии информационного общества – Интернет и современное общество» (2003), характеризуя сложность этого феномена, говорит: «Мы имеем параллельно развивающиеся и взаимосвязанные (вопрос причинно-следственных связей тут самый сложный) процессы – развитие сети Интернет как технологии и канала передачи данных, развитие контентных (содержательных) проектов в сети, имеющих политическое значение (влияние), и развитие теорий и представлений, обусловленных влиянием новых информационных технологий на общество в целом и политику в частности» [5].

Проникновение web-технологий в политику – сложный и противоречивый процесс. Нельзя сказать, что он полностью изменил политическую коммуникацию. Это подтверждают и определения, представленные в работах по изучению нового и успешно развивающегося вида политической коммуникации. Так, политолог Г. Л. Акопов подчеркивает, что сетевая политика является «новой политической технологией, которая позволяет вывести политический процесс на более качественный уровень» [1, с. 12]. По мнению А. А. Чеснакова, «начинается формирование нового обширного канала политической коммуникации, динамика развития которого может перевернуть представления как о системе обеспечения политической деятельности, так и традиционных инструментах политического участия» [10, с. 65–66]. В целом же большинство ученых сходятся во мнении, что все основные признаки, свойства и функции политической коммуникации сохранились, Интернет лишь привнес и продолжает развивать новые формы, жанры, условия и модели поведения коммуникантов данного вида общения.

Таким образом, можно сделать вывод, что развитие и изучение политической интернет-коммуникации в настоящее время проходит в двух направлениях:

1) перенос или дублирование части функций из традиционных форм политической коммуникации для расширения возможности их объективации;

2) создание параллельных или новых сетевых форм политической коммуникации, обладающих новыми самостоятельными функциями и широкими возможностями их реализации.

Список литературы

1. Акопов Г.Л. Глобальные проблемы и опасности сетевой политики. – Ростов-н/Д: Ростиздат, 2004. – 148 с.

2. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Основные этапы развития и направления политической лингвистики // Язык. Текст. Дискурс: науч. альм. Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г.Н. Манаенко. – Вып. 5. – Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2007. – С. 89–99.

3. Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе: перспективные направления исследований. – СПб., 2004. – URL: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/v/vershinin02.shtml.

4. Иванов Д. Политический PR в Интернете: российские реалии. // Интернет-маркетинг. – 2002. – № 4. – С. 6–14. – URL: <http://nethistory.ru/biblio/1040998001.html>.

5. Лобза Е.В. Политическая коммуникация в Интернет: перспективные направления исследования (Доклад): VI Всерос. объединенная конф. «Технологии информационного общества – Интернет и современное общество». – 2003. – URL: http://www.ict.edu.ru/vconf/index.php?a=vconf&c=getForm&r=thesisDesc&d=light&id_sec=183&id_thesis=7001.

6. Михеев А. Интернет и демократия: как новые информационные технологии влияют на политический процесс, 2007. – URL: <http://jediorden.borda.ru/?1-10-0-00000020-000-0-0-1222197930>.

7. Негодаев И.А., Айвазян А.Г. Интернет в общественно-политической жизни: Вестн. ДГТУ. – 2006. – Т. 6. – № 2(29). – С. 154–161.

8. Политические коммуникации: учеб. пособие при подгот. специалистов по направлению "Политология" / под ред. А.И. Соловьева. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 331 с.

9. Росич Ю. Интернет в политической жизни России. – 2000. – URL: <http://rocich.ru/article/58>.

10. Чеснаков А.А. Ресурсы INTERNET и российские политические технологии: состояние и перспективы развития // Вестн. МГУ. Сер. 18. Социология и политология. – 1999. – № 4. – С. 65–71.

11. Newman B.I. The Mass Marketing of Politics: Democracy in an Age of Manufactured Images. – Thousand Oaks: SAGE Publications, 1999. In B. I. Newman (Ed.), Handbook of political marketing. – P. 73–88.

**Репортаж как специфический тип дискурса СМИ:
экстралингвистические особенности**

**Reportage as a specific type of Mass-Media Discourse:
Extra Linguistic Peculiarities**

В статье рассматриваются основные принципы отбора информации в рамках репортажа, к которым, в частности, относятся принципы неожиданности, конфликта, количества, регионального значения, нарушения нормы, представления суждений и сопутствующих обстоятельств, актуальности, выражения мнений. Данные принципы отбора информации предопределяют лингвистические особенности освещения актуальных событий в рамках репортажа.

The article analyzes the basic principles of information sampling within the frameworks of reportage. These principles are as follows: unexpectedness, conflict, quantity, regional significance, norm breaking, representation of judgments and concomitant circumstances, actuality, opinion expressing. These kind of principles determine the linguistic peculiarities of current event covering in the reportage.

Ключевые слова: СМИ, репортаж, отбор информации, освещение текущих событий, читательская аудитория.

Key words: Mass-Media, reportage, information sampling, current event covering, reading audience.

Репортаж предстает одним из специфических дискурсов СМИ. Основной функцией репортажа, включающего всесторонне освещение текущих событий, является представление актуальной информации, ее обработка под определенным углом зрения. Достаточно часто в репортажах представляется информация, основанная на неосведомленности или заблуждении, что, впрочем, остаётся незамеченным читательской аудиторией благодаря своевременной замене исходного сообщения на новое, содержащее более актуальную информацию. В современном мире все события рассматриваются в режиме реального времени, то есть фактически одномоментно и единовременно. Практически всегда сообщение подвергается переделыванию и корректировке с целью преувеличения его значимости и привлечения внимания потребителей информации. В том случае, если социально-политическая или экономическая информация представляется в виде репортажа, она воспринимается аудиторией как актуальная и

достоверная, в отличие от репортажа, посвящённого культурно-развлекательной тематике. Происходит это вследствие того, что за любым репортажем стоит работа, направленная на предварительное исследование освещаемого события с целью накопления информации.

Исходя из принципов эмпирического исследования, существует ряд важных параметров при выборе информации с тем, чтобы отнести её либо к категории новостных сообщений, либо к категории репортажей. Основным принципом отбора информации является её насущность, т.е. информация должна непременно привлекать внимание общественности и в то же время быть доступной для понимания самому широкому кругу читателей. Основными принципами отбора информации в рамках репортажа являются следующие:

1. принцип неожиданности (или удивления), т. е. освещаемая информация должна быть новой и не сообщаемой ранее в других репортажах. Кроме того, в этой информации могут содержаться данные, противоречащие всеобщим ожиданиям и убеждениям. События такого рода, как правило, являются типичными и достаточно распространёнными (землетрясения, аварии, встречи на высшем уровне, банкротство компаний), либо ограниченными временными рамками, когда они освещаются вплоть до момента принятия решения и последующего разрешения проблемы (например, освещение мероприятия или процесса принятия реформ);

2. принцип конфликта, т.е. представление конфликтной ситуации порождает, с одной стороны, напряжённую обстановку, а с другой – догадки и предположения со стороны аудитории;

3. принцип количества, т.е. представление как можно большего количества информации относительно освещаемого события. Ценность информации повышается при включении сравнительных показателей, будь то временные показатели (уровень инфляции за прошлый год) или фактические показатели;

4. принцип регионального значения, суть которого заключается в выделении некоторого количества дополнительной информации. Известно, что большинство людей глубоко убеждены в том, что осведомлены о событиях, происходящих в месте их проживания, поэтому подобные новости, как правило, воспринимаются как должное и не вызывают ажиотажа и интереса аудитории. Тем не менее, замечено, что даже если самая заурядная история содержит некоторые дополнительные специфические подробности, особенно связанные с тайной и мистикой, она мгновенно распространяется и пользуется необычайной популярностью у потребителей

информации по причине необычности подобного явления для этой местности;

5. принцип нарушения нормы, под которым подразумевается нарушение закона, а особенно морально-нравственных норм. Кроме того, в последнее время наблюдается усиление контроля за выявлением нарушений принципов политкорректности в репортажах. Как правило, в СМИ освещение любого нарушения репрезентируется в форме скандала, что, естественно, приводит к усилению общественного резонанса и увеличению всеобщей озабоченности этим явлением;

6. принцип представления суждений, т.е. нарушение норм особенно охотно освещается в прессе, если при этом есть возможность представления суждений, касающихся вопросов морали и нравственности, а также возможность выражения уважения или пренебрежения по отношению к людям. В этой связи основной функцией СМИ является сохранение и поддержание в обществе моральных норм. Это не значит, что посредством СМИ можно насаждать в обществе строгие этические принципы или существенно улучшить моральные устои. Безусловно, эта функция не может в полной мере реализовываться даже отдельно взятым социальным институтом, но функция средств массовой информации заключается в утверждении необходимости существования и постоянного функционирования этих принципов. Иными словами, происходит представление основных правил морального кодекса, т.е. различия между добром и злом, надлежащим и противоправным поведением. Следовательно, правовая система устанавливает нормы поведения, а СМИ направляют посыл и пищу для размышлений обществу путём представления образов преступников, жертв и героев;

7. принцип представления сопутствующих обстоятельств, суть которого заключается в том, что при представлении репортажей о нарушении закона и норм необходимо сообщать о совокупности сопутствующих обстоятельств, которые будут указывать на признаки нарушения норм и способствовать формированию мнения читательской аудитории об освещаемом событии. Следовательно, СМИ выполняют функцию культурной институализации, в том числе в отношении действий, вырабатывая своеобразные языковые шаблоны повеления, которые впоследствии копируются другими СМИ и потребителями информации;

8. принцип актуальности (насущности, злободневности) заключается в том, что в статьях внимание акцентируется на конкретных и частных случаях – происшествиях, несчастных

случаях, нарушениях деятельности или функционирования, новых веяниях. Естественно, новости основываются лишь на тех событиях, которые уже произошли или состоялись. В соответствии с этим формируется требование рекурсивности, т.е. необходимости ссылаться на априорное событие в последующих информационных сообщениях. Кроме того, при этом определённое событие определяется как типичное без последующего сообщения о нём, либо переходит в повествовательный контекст, что предполагает последующее освещение. Зачастую определённый репортаж порождает возможность создания похожих сообщений на аналогичную тематику, что приводит к появлению так называемой «серии событий». Л. Богарт обозначил подобное явление как «ключевые события» [1, с. 189]. В подобных случаях в репортажах приводится указание на ключевые моменты, важные при освещении конкретного события. В свою очередь происходит функционирование или инициирование схем в зависимости от актуальности обстоятельств каждого отдельно взятого случая;

9. принцип выражения мнений, т.е. в определённых ситуациях даже выражение мнения может обладать существенной значимостью и освещаться как новость. Значительное количество событий освещается в СМИ лишь потому, что они признаются значимыми и достойными освещения. Нередки случаи, когда событие происходит при непосредственном воздействии средств массовой информации. Особенно это касается решений, принимаемых на высшем уровне, а потому имеющих ключевое значение с точки зрения политики, экономики или социальной сферы. Как правило, принятию этого решения предшествует период, когда авторитетные и выдающиеся члены общества высказывают свои инициативы, комментарии, критику, а также требования и ожидания относительно принимаемого решения. После принятия решения и по прошествии времени они высказываются и выражают свою позицию относительно принятых нововведений. Комментарии в данном случае порождают критику, а критика, в свою очередь, комментарии. Таким образом, в СМИ акцентируются происходящие события. Кроме того, СМИ представляют собой своеобразный этап, на котором происходит изменение и укоренение общественного мнения.

Все вышеуказанные принципы отбора информации усиливают и дополняют друг друга, а основным критерием выбора информации является её значимость и актуальность. Иными словами, новость по своему информационному наполнению должна заслуживать освещения в печати. Достоверность является необходимым

условием реализации репортажей, включающих всестороннее освещение событий. В то же время, в средствах массовой информации основным является не принцип достоверности / недостоверности, а принцип информированности / недоинформированности. Основной трудностью, касающейся информационных сообщений, является проблема их выбора, а также последствия этого выбора, которые можно охарактеризовать как «состояние общественного мнения» вокруг средств массовой информации. Выбор представляет собой сложное явление, которое основывается на сжатом изложении информации, процессах подтверждения, обобщения и схематизации. Так, например, ранее неизвестная информация приводит к инициированию новых схем, а известная к ассоциированию с уже имеющейся.

Список литературы

1. Bogart L. Press and Public: Who reads what, where, and why in American Newspapers. Hillsdale: Erlbaum Associates, 1989. – 342 p.

**К вопросу о релевантности прагматического фактора «гендер»
в аудиторном дискурсе педагога
(на материале речевого акта команды)**

**On relevance of gender in teachers' class-room discourse
(speech acts of command)**

Исследуются гендерные особенности речевого поведения педагога при отборе средств вербализации вежливости в речевом акте команды. Языковые средства, снижающие невежливость команды, не имеют выраженной гендерной дифференциации. Асимметричные социальные отношения коммуникантов препятствуют проявлению стереотипных черт гендерных речеповеденческих стилей.

Gender-related characteristics of teachers' speech behavior are studied at the example of linguistic means of expressing politeness in commands. Verbal means that make a command less impolite differ little in male and female groups. Stereotypic gender-related differences in speech behavior are erased due to inequality of communicants' statuses.

Ключевые слова: гендерная принадлежность, компетитив, речевой акт команды, вежливость, коммуникативная стратегия.

Key words: gender, competitive, speech act of command, politeness, communicative strategy.

Стиль общения индивида в конкретной коммуникативной ситуации определяется не только целью и непосредственными условиями общения, но и сочетанием всех прагматических факторов, связанных с личностью говорящего (пола, возраста, национальности, особенностей характера, уровня образования, профессии, социального статуса, культурных установок и т. д.).

Гендер наряду с другими биологическими и социокультурными параметрами оказывает влияние на речевую деятельность индивида. При этом модель гендерных отношений исторически выстраивалась таким образом, что половые различия располагались над индивидуальными, качественными различиями личности мужчины и женщины [6].

Под гендером в рамках настоящего исследования понимается «социокультурный пол» [4], т. е. комплекс определенных личностных качеств, культурных установок и социальных моделей

поведения, порожденных обществом и предписываемых индивиду на основе его биологического пола.

Гендерная принадлежность воздействует на осуществляемый субъектом речи отбор вербальных и невербальных средств общения, стратегий и тактик коммуникации, вследствие чего выделяются маскулинный и фемининный стили речевого поведения [5]. Первый, нацеленный на доминирование, категоричность и рациональность, традиционно именуется стилем коммуникативного соперничества (*competitive style*), а второй, ориентированный на равноправие, некатегоричность и эмоциональность, – стилем коммуникативного сотрудничества (*cooperative style*).

Частным случаем проявления гендерной дифференциации речи является специфический выбор средств вербализации вежливости в директивных речевых актах. Речи женщин в этом случае, как правило, приписываются такие характеристики, как мягкость и уступчивость, косвенность и некатегоричность, а речи мужчин – жесткость, директивность и категоричность.

В то же время исследователи [1; 2] отмечают, что гендерные особенности речевого поведения носят нерегулярный характер и проявляются с разной интенсивностью. Между стилями речи мужчин и женщин не существует жестких границ, и в конкретной ситуации общения коммуниканты могут демонстрировать речевое поведение, типичное для лиц противоположного пола. Так, специфические черты, традиционно рассматриваемые как характеристики мужской или женской речи, могут также сигнализировать о социальном статусе говорящего, например, при обратном распределении социальных ролей в конкретном обществе [10].

Настоящее исследование посвящено изучению влияния гендерной принадлежности педагога на осуществляемый им отбор языковых средств вежливого выражения директивной интенции. Нашей целью является установление связи между гендерным параметром личности и особенностями вербализации побуждения в речи педагога.

Педагогический дискурс является разновидностью институционального дискурса, который представляет собой общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений [3]. Основными участниками общения являются педагоги и учащиеся, между которыми существует четкое разграничение прав и обязанностей, обусловленное их социальными ролями. При этом педагогический дискурс характеризуется статусным неравенством коммуникантов: педагогу традиционно принадлежит доминирующая позиция, а учащемуся – подчиненная.

Выбор педагогического дискурса в качестве источника материала исследования обусловлен следующим. С одной стороны,

данный подвид институционального дискурса достаточно формализован для того, чтобы в нем проявилось влияние социальных ролей и статусно-ролевых отношений коммуникантов на их речевое поведение. С другой стороны, общение в рамках педагогического дискурса носит недостаточно клишированный «трафаретный» характер, чтобы препятствовать проявлению личностных черт субъекта речи. Педагог хотя и выступает как представитель социального института образования, но в то же время имеет возможность проявлять свои индивидуальные параметры (в частности, гендерную принадлежность) в ходе коммуникации. В рамках исследования рассматривается вопрос о релевантности прагматического фактора «гендер» в условиях неравного социального статуса и коммуникативной роли собеседников в паре педагог-учащийся.

Следует отметить, что педагогический дискурс обладает значительным числом жанровых разновидностей, в числе которых урок, лекция, семинар, экзамен и т. п.; родительское собрание; диспут; беседа родителей и ребенка и т. д. [3]. Сфера нашего исследования ограничена директивными речевыми актами, присутствующими в речи педагога в аудиторном дискурсе, т. е. в ходе его непосредственного взаимодействия с учащимися в пределах занятия.

Директивные речевые акты получают широкое распространение в речи педагога в рамках организующей и контролирующей стратегий аудиторного дискурса. Наделенный правом передавать учащимся знания и нормы поведения общества, а также оценивать успехи учеников, педагог совершает разнообразные речевые действия побудительного характера. Данные действия направлены на получение информации об усвоении знаний, сформированности умений и навыков, а также на организацию непосредственной деятельности коллектива учащихся, создание условий обучения, формирование ответственности и дисциплинированности учащихся и т. д.

Необходимо подчеркнуть, что директивные речевые акты принадлежат к классу компетитивов [11], т. е. изначально невежливых речевых актов, иллокутивная цель которых лишь частично совпадает с социальной целью общения – установлением и поддержанием доброжелательных межличностных отношений. Директивы, имеющие своей иллокутивной целью побуждение адресата к действию, характеризуются значительным разнообразием средств выражения вежливости, уменьшающих изначально невежливость высказывания. Подчеркнем, что, с точки зрения коммуникативного Принципа Вежливости, побуждение адресата к действию приравнивается к ограничению его свободы

выбора, т.е. к вторжению в личную сферу адресата, что считается невежливым.

Повышение уровня вежливости директива происходит за счет реализации в нем стратегий негативной и позитивной вежливости, направленных на сохранение социального лица коммуникантов [9]. Данные коммуникативные стратегии предполагают использование говорящим таких средств вербализации побуждения, которые бы снижали коммуникативное давление на слушающего, предоставляя ему возможность выбора ответных действий [7]. Необходимость «смягчения» ликоугрожающего высказывания обусловлена Принципом Вежливости, который предписывает адресанту считаться с мнениями, желаниями и чувствами адресата и облегчать возлагаемые на него задачи [11].

Как уже было отмечено выше, выбор средств вербализации вежливости в директивных речевых актах имеет отчетливую гендерную специфику. В нашу задачу входит изучение вопроса о том, сохраняется ли тенденция к гендерной дифференциации указанных средств в условиях статусного неравенства коммуникантов в аудиторном дискурсе.

Следует указать, что волеизъявление осуществляется директивными речевыми актами, которые различаются по степени облигаторности каузируемого действия: команда, угроза, упрек, просьба, совет, инструкция, предложение, приглашение и т.д. Для изучения гендерной специфики средств выражения вежливости мы обратились к тому из них, который, в пределах нашего материала, наиболее часто встречается в речевой практике педагога – к команде. Речевой акт команды реализует прямое категоричное побуждение адресата к совершению или нес совершению действия.

В соответствии с ведущим для данного исследования параметром говорящей личности – гендерной принадлежностью – к анализу привлечены фрагменты диалогов, представляющие речь педагогов-женщин и педагогов-женщин. В ходе изучения 400 контекстов, отобранных из произведений современных англоязычных авторов (жанр «school novel»), выявлены следующие особенности вежливого вербального оформления команды в речи указанной группы коммуникантов.

В аудиторном дискурсе команда, как правило, получает свое выражение в побудительном предложении. При этом в ряде случаев команда реализуется без использования вербальных средств, снижающих директивность и категоричность (и, как следствие, невежливость) высказывания.

Следующий пример демонстрирует употребление команды в речи педагога-женщины: учительница физкультуры побуждает ученицу прекратить раскачиваться на канате в спортзале.

My super soaring was suddenly interrupted by two sharp blasts of a whistle. Ms. Bolen was standing in the locker-room doorway. Get down right now! she ordered [12, с. 99].

Директивному высказыванию предшествует невербальное действие субъекта речи – свист (two sharp blasts of a whistle), которое может рассматриваться как конвенциональный сигнал, направленный на изменение поведения адресата. Команда выражается в побудительном предложении с глаголом-сказуемым в императивной форме (Get down...). В команде присутствует указание на ограничение времени, отводимого на ее выполнение (right now), что подчеркивает обязательность действия. Категоричность команды подтверждается авторской характеристикой речи адресанта (ordered). Ответная реакция адресата состоит в немедленном выполнении соответствующего действия.

Как показывает материал, команда, реализованная в побудительном предложении без помощи вербальных средств, снижающих категоричность высказывания, встречается в тех случаях, когда адресата побуждают к прекращению нежелательного действия (команда-запрет). Команды, передающие запрет, обладают повышенной категоричностью, и при их совершении у субъекта речи отсутствует необходимость использовать стратегии вежливости. Напротив, в речевых актах этого типа категоричность может искусственно усиливаться, например, указанием на период, отводимый на выполнение действия (right now, immediately).

Необходимо отметить, что отказ от использования стратегий вежливости при выражении запрета характерен как для педагогов-мужчин, так и для педагогов-женщин: частота употребления команд такого типа – 10,5 % и 7,6 % соответственно.

Однако, несмотря на то, что команда допускает существенное коммуникативное давление на адресата, в большинстве случаев совершение этого речевого акта происходит с применением стратегий вежливости, ослабляющих негативное его воздействие. Рассматриваемые ниже контексты демонстрируют распространенные стратегии вежливости, используемые педагогами обеих гендерных групп при вербализации команды в побудительном предложении: негативная вежливость – Будьте уклончивы, задавайте вопросы и позитивная вежливость – Замечайте слушающего, уделяйте ему внимание; Используйте маркеры внутригрупповой принадлежности.

Основным средством реализации стратегий позитивной вежливости является «дружественное» обращение, выражающее доброжелательное отношение говорящего к слушающему,

например, обращение по имени, как показано в следующем контексте.

Обмен репликами происходит между ученицей и учителем, обратившимся к классу с вопросом о теме научного проекта.

How about the social lives of insects? asked Beth Roman. I read somewhere that many insects really have social communication.

That project has possibilities. Think it over and give me the details on Monday, Beth [12, с. 11].

Для «смягчения» директива субъект речи использует обращение по имени (Beth). В отсутствие необходимости идентифицировать адресата обращение служит сигналом внимания говорящего к слушающему, который способствует сближению собеседников и ведет к снижению категоричности команды (Think..., give...).

Другим видом обращения, распространенным в рамках указанных стратегий, является аффективное номинативное обращение, такое, как kids, folks, buddies, также демонстрирующее дружеское расположение педагога к ученикам. В асимметричной коммуникативной ситуации аудиторного дискурса неформальное обращение маркирует принадлежность адресата и адресанта к единой группе и способствует их сближению. Общение на более короткой социальной дистанции позволяет говорящему совершать ликоугрожающий речевой акт с меньшим ущербом для социального лица собеседника [7].

«Смягчение» команды посредством обращения характерно для речи представителей обеих гендерных групп. При этом частота употребления обращения по имени одинакова для мужчин и женщин, тогда как встречаемость аффективных номинативных обращений несколько выше в речи женщин. По нашему мнению, это связано с большей эмоциональностью последних.

Стратегия негативной вежливости «Будьте уклончивы, задавайте вопросы», также отмеченная при вербализации команды в побудительном предложении, реализуется, в основном, с помощью маркера вежливости please. Он делает команду менее категоричной и, следовательно, ослабляет коммуникативное давление на адресата. Однако исследователи [7] подчеркивают, что маркер вежливости please способен эффективно снижать категоричность директивного высказывания только в сочетании с другими средствами вербализации вежливости (модальными глаголами, вопросительным предложением и т.д.). Изолированное употребление данного маркера в побудительном предложении ведет лишь к незначительному снижению категоричности высказывания и не трансформирует команду в просьбу. Таким образом, стратегия негативной вежливости «Будьте уклончивы,

задавайте вопросы» реализуется в команде в минимальном объеме.

Использование маркера вежливости *please* в побудительном предложении в равной степени типично как для педагогов-мужчин, так и для педагогов-женщин, что указывает на отсутствие гендерной специфики у данного языкового средства в аудиторном дискурсе.

В целом выражение команды в побудительном предложении отмечено в речи представителей обеих гендерных групп. Более охотно к данному способу прибегают педагоги-мужчины (52,7 %), тогда как педагоги-женщины используют его несколько реже (38,1 %).

Подчеркнем, что языковые средства, реализующие рассмотренные выше коммуникативные стратегии, обеспечивают лишь незначительное снижение категоричности команды, что соответствует низкому уровню вежливости.

Более существенное повышение уровня вежливости достигается при выражении команды в повествовательном предложении, содержащем модальные операторы долженствования (*must*, *to be to*, *to be supposed to* и т. д.). При построении команды по данной модели реализуются такие стратегии негативной вежливости, как «Выражайтесь косвенно и Будьте уклончивы, задавайте вопросы». Кроме того, в этом случае происходит прагматическое транспонирование: предложения, относящиеся к прагматическому типу констатива, транспонируются в область инъюнктива.

В приведенном ниже контексте учитель побуждает учеников к работе над самостоятельным научным проектом.

Each of you is to work independently, I repeat, INDEPENDENTLY, on a project of your choosing. You must, however, have your topic approved by me. ... By Monday you must present your topics [12, с. 9–10].

Для вербализации побуждения субъект речи использует повествовательные предложения с модальными предикатами долженствования (*is to work*, *must have*, *must present*). Применение данных средств позволяет говорящему указать на необходимость определенных действий со стороны слушающих, что снижает категоричность команды. Команда, выраженная таким образом, обладает меньшим ликоповреждающим потенциалом, т.к. сочетание «модальный глагол + инфинитив смыслового глагола» менее категорично, чем императивная форма соответствующего глагола. Замена побудительного предложения повествовательным трансформирует прямое побуждение в косвенное, что снижает категоричность директива. Косвенное побуждение оказывает меньшее воздействие на адресата, вследствие чего оно является более вежливым [8; 11; 9].

Другим способом снижения категоричности команды является ее генерализация, т.е. представление побуждения как правила (стратегия негативной вежливости «Представляйте ликоугрожающий акт как общее правило»). Как и в предыдущем случае, команда строится по модели повествовательного предложения. Так, в следующем контексте учительница физкультуры ссылается на существующую норму, побуждая ученицу придерживаться стандартной формы одежды в спортзале.

Uh, Barton, where are your white socks? We don't wear pink in this class. Understand? That's a check mark for you [12, с. 38].

Снижение категоричности команды достигается использованием повествовательного предложения и субъектно-обобщающего местоимения (we), за счет которых обязательное действие оформлено как общепринятое правило поведения (We don't wear...). Преобразование команды-запрета, относящейся лично к адресату, в общее правило маскирует непосредственного исполнителя действия, благодаря чему уменьшается коммуникативное давление на адресата. Кроме того, команда дополнительно «смягчается» при помощи стратегии негативной вежливости «Выводите говорящего и слушающего из дискурса», реализованной в субъектно-обобщающем местоимении we. Последнее позволяет переместить акцент с адресата на коллектив, благодаря чему усиливается косвенность побудительного высказывания.

В целом построение команды по модели повествовательного предложения отмечено как в мужской, так и в женской группе, хотя педагоги-женщины используют данный способ вербализации побуждения несколько чаще (17,4 % у мужчин против 24,8 % у женщин). Частота употребления повествовательного предложения с модальным предикатом долженствования практически одинакова в обеих гендерных группах, тогда как прием генерализации команды отмечается преимущественно в речи женщин. Нами выявлены лишь единичные случаи использования стратегии «Представляйте ликоугрожающий акт как общее правило» представителями мужской группы, что согласуется с тенденцией к большей категоричности речи у мужчин и меньшей – у женщин.

Необходимо отметить, что повествовательное предложение как средство выражения команды имеет достаточно ограниченное распространение в аудиторном дискурсе. Адресант-педагог, доминирующий в ходе общения с адресатом-учащимся, отдает предпочтение побудительному предложению, которое обеспечивает директивному высказыванию максимальную категоричность.

Однако в тех ситуациях, когда каузируемое действие предполагает существенный ущерб негативному лицу адресата (угрожает его независимости, например, при отказе от сотрудничества), команда сочетается менее категоричными способами побуждения к действию: просьбой, предложением, предупреждением и т.д. Предвидя необходимость коммуникативного давления на слушающего, говорящий увеличивает степень формальности коммуникативного взаимодействия, чем поднимает уровень негативной вежливости. Объединение команды и более вежливых способов побуждения к действию дает субъекту речи возможность быть настойчивым в своем волеизъявлении и в то же время уклониться от возможного конфликта.

Наш материал показывает, что данный прием изредка встречается в речи педагогов-мужчин, в то время как педагоги-женщины предпочитают не использовать команду в потенциально конфликтной ситуации. Они прибегают к более вежливым способам выражения побуждения, таким как просьба, предложение и т.д., которые обладают меньшим ликоповреждающим потенциалом.

Обобщая результаты исследования средств вербализации вежливости в речевом акте команды, отметим, что они не обладают выраженной гендерной спецификой, как и сам речевой акт команды в целом.

Команда является наиболее распространенным способом побуждения учащегося к действию для педагогов обеих гендерных групп: частота ее применения в мужской группе лишь немного выше, чем в женской (70,1 % и 62,9 % соответственно).

Частота реализации стратегий вежливости в команде изменяется в мужской и женской группах пропорционально частоте совершения самого речевого акта команды (59,6 % и 55,3 %). Соответственно, прямой категоричный запрет, вербализованный без применения стратегий вежливости и сопутствующих им «смягчающих» средств, отмечен в 10,5 % случаев у педагогов-мужчин и в 7,6 % у педагогов-женщин.

Языковые средства, повышающие уровень вежливости команды, также не подвержены принципиальной гендерной дифференциации. Подчеркнем, что в диапазон реализуемых в команде стратегий вежливости ограничен.

Как мужчины, так и женщины отдают предпочтение наименее вежливому языковому средству выражения команды – побудительному предложению (52,7 % и 38,1 %), тогда как более вежливое повествовательное предложение получает ограниченное распространение (мужчины – 17,4 %; женщины – 24,8 %).

Основной состав средств, используемых для снижения категоричности команды, вне зависимости от гендерной принадлежности педагога включает обращение по имени, маркер вежливости *please*, модальные операторы долженствования. Гендерные особенности проявляется в более или менее частом употреблении отдельных «смягчающих» средств представителями двух гендерных групп, например, аффективного номинативного обращения типа *kids, folks*. В несколько большей степени гендерная дифференциация проявляется в потенциально конфликтной ситуации общения, в которой педагоги-мужчины сочетают команду с менее категоричными способами побуждения действию (просьбой, предложением и т.п.), а педагоги-женщины отказываются от использования команды в пользу иных способов побуждения.

В целом языковой материал свидетельствует о том, что директивность и категоричность при выражении побуждения являются типичными чертами речевого поведения как педагогов-мужчин, так и педагогов-женщин. Анализ языковых средств выражения вежливости позволяет заключить, что низкий уровень вежливости характерен для речи представителей обеих гендерных групп при совершении речевого акта команды в аудиторном дискурсе.

Склонность педагогов обеих групп к категоричному прямому выражению директивной интенции объясняется тем, что рассматриваемая ситуация общения относится к разряду статусно-асимметричных. Педагог в силу должностного положения, профессиональных задач, а также возраста, уровня образования и т. д. наделен властью над учащимся и обладает правом отдавать последнему команду. Учащийся занимает подчиненное положение и не обладает свободой выбора действий из-за особенностей коммуникативной ситуации. В аудиторном дискурсе побуждение носит облигаторный характер, т.е. вне зависимости от языкового выражения оно не предполагает отказа адресата от совершения действия. В данной ситуации использование средств «смягчения» директива является способом снизить коммуникативное давление на адресата, т.е. реализует Принцип Вежливости. Однако языковой материал показывает, что в случае с речевым актом команды этот принцип реализуется в аудиторном дискурсе в минимальном объеме.

Таким образом, в ходе исследования установлен доминирующий характер прагматического фактора «статус» по отношению к прагматическому фактору «гендер» при репрезентации категории вежливости в аудиторном дискурсе. Анализ гендерных особенностей речевого поведения педагога дает основание утверждать, что в аудиторном дискурсе действует тенденция к нивелированию

гендерной дифференциации средств выражения вежливости в директивном высказывании. Асимметричные социальные отношения коммуникантов препятствуют полноценному проявлению стереотипных черт гендерных речеповеденческих стилей.

Список литературы

1. Горошко Е.И. Особенности мужского и женского стиля письма / Е.И. Горошко // Гендерный фактор в языке и коммуникации: сб. науч. тр. / МГЛУ. – М.: МГЛУ, 1999. – Вып. 446. – С. 44–60.
2. Земская Е.А. Особенности мужской и женской речи / Е.А. Земская, М.А. Китайгородская, Н.Н. Розанова // Русский язык в его функционировании / под ред. Е.А. Земской и Д.Н. Шмелева. – М.: Наука, 1993. – С. 90–136.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
4. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кирилина. – М.: Институт социологии РАН, 1999. – 189 с.
5. Коатс Дж. Женщины, мужчины и язык / Дж. Коатс // Гендер и язык / МГЛУ. Лаборатория гендерных исследований. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 31–232.
6. Коноплева Н.А. Гендерные стереотипы / Н.А. Коноплева // Словарь гендерных терминов / под ред. А.А. Денисовой. – М.: Информация-XXI век, 2002. – С. 62–65.
7. Ларина Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах / Т.В. Ларина. – М.: Изд-во РУДН, 2003. – 315 с.
8. Серль Дж.Р. Косвенные речевые акты / пер. с англ. Н.В. Перцова // Новое в зарубежной лингвистике / под ред. Б.Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов. – С. 195–222.
9. Brown P. Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S.C. Levinson. – Cambridge: University Press, 1987. – 345 p.
10. Holmes J. An Introduction to Sociolinguistics / J. Holmes. – N. Y.: Pearson Education, 2001. – 406 p.
11. Leech G.N. Principles of pragmatics / G.N. Leech. – London: Longman, 1983. – 250 p.
12. Swallow P.C. Leave It to Christy / P.C. Swallow. – New York: Scholastic, 1990. – 160 p.

**Адресат в императивных предложениях
в текстах магического фольклора****Addressee in the imperative sentences in magic folklore texts**

В статье «Адресат в императивных предложениях в текстах магического фольклора» рассматриваются разные виды адресатов в императивных предложениях в магических заклинаниях, приводятся некоторые выводы относительно нестандартного употребления обращения в текстах магических заклинаний, акцентируется внимание на диалогичности человеческого мышления в целом, функционирование диалогичности в магическом фольклоре. В статье также затронут вопрос о прагматическом влиянии на воображаемого или реального адресата в магических заклинаниях.

The article "Addressee in the imperative sentences in magic folklore texts" deals with different types of addresses in the imperative sentences in magic spells, some conclusions regarding the usage of non-standard forms of addresses in magic spells are given in this article. Also the article focuses on the problems of dialogical human thinking and on the ways how it can function in magical folklore. The article also raises the issue of pragmatic influence on the imaginary or real addresses in magical spells.

Ключевые слова: магические заклинания, магический фольклор, адресат, императивные предложения, обращение, диалогичность, прагматика.

Key words: magic spells, magic folklore, addressee, imperative sentences, forms of address, dialogical, pragmatics.

Магические заклинания относятся к архаичному виду устного творчества, который возник еще до появления письменности и отразил с одной стороны желание людей объяснить непонятные явления магией, а с другой стороны, веру в то, что с помощью специальных слов и заклинаний можно влиять на течение жизни. Специальные заклинания и заговоры, тексты которые относятся к фольклорному жанру, стали одними из первых образцов устного творчества и представляются актуальными для исследования их лингвистических особенностей.

Императивные предложения разделяются на предложения с обращением и без обращения, при этом дифференциальным признаком является выраженность или невыраженность адресата. Адресат имеет особое значение для побудительного императивного предложения, так как является непременным условием для его существования. В повседневной речи адресатом являются чаще

всего имена собственные, затем имена существительные, отображающие титул или профессию, а также имена существительные, отображающие родственные связи. Важно подчеркнуть, что в повседневной речи адресат чаще всего лицо одушевленное, так как обращение происходит к человеку. Обращение в высказывании может выполнять различные функции, в том числе: указания на собеседника, передача информации о ситуации общения, социальных статусах и ролях собеседников. Однако особый характер обращение носит в ряде жанров, таких как поэзия, фольклор, в том числе и магических фольклор, который обладает характеристиками обоих вышеперечисленных жанров. В магическом фольклоре обращение носит специфический характер, не имеет лексических ограничений и может служить целям персонификации. Они могут быть представлены как одушевленными существительными, так и названиями абстрактных предметов. Автор магических заклинаний использует в произносимом заговоре повседневную модель общения, иногда обращаясь к невидимому собеседнику или используя в качестве адресата неодушевленные предметы. В магическом фольклоре преимущественно представлена диалогическая модель, которая исследуется многими лингвистами, в том числе М.М. Бахтиным, и А.И. Белецким. В поэзии А.И. Белецкий предложил разделить адресаты на фиктивные и реальные [2, с. 16]. В магической поэзии, представленной заклинаниями и заговорами, прослеживается та же структура. Фиктивными адресатами можно назвать вымышленных адресатов, а реальными – реальных людей, в любовных заклинаниях, которые обращены к определенным людям.

В связи с вышеперечисленным стоит еще раз акцентировать внимание на том, что обращение к адресату является одним из основных признаков заклинания, даже если адресат не нашел своего вербального выражения. В зависимости от особенностей заклинания, обращение к адресату может употребляться однократно или повторяться несколько раз в пределах одного магического текста. Число повторений призвано расставить акценты в прагма-синтаксическом членении текста, и зависит от длины заклинания. Обращение к адресату реализуется в первом предложении и занимает чаще всего начальную позицию.

(Например: "Venus, grant me the love that I lack; Through this scent, my mate attract!"). Особое значение приобретает выбор формы обращения, что объясняется тем, что если человек взывает к высшим силам, он должен проявить максимальную тактичность, чтобы достичь желаемого, и в таком случае, вербальное общение получает иллокутивную силу. Ряд лингвистов, в частности Н.С. Болотнова, указывают на то, что адресат является категорией

текстообразования и определяет структуру всего текста, его семантику и прагматику, что в свою очередь проясняет употребление коннотативно-положительных слов в магических заклинаниях [3; 4].

В большинстве заклинаний, именно обращение является ядром магического текста, влияя на выбор языковых средств, поэтому в магических заклинаниях адресат, если он существует, и автор взывает к нему за помощью, характеризуется только словами с положительной коннотацией: "Aphrodite, bounteous One, Manifest love, with harm to none!", "Venus, Queen of love, divine, Bring the love to me that's mine", "I call upon all good spirits! ". Из приведенных примеров следует, что чаще всего в магических заклинаниях слова с положительными коннотациями употреблены по отношению к богам, богиням или духам, к существам, по своим характеристикам максимально приближенным к человеку. Очевидно, что эти вступления в магических заклинаниях призваны "умилостивить" тех, к кому обращены просьбы о помощи.

Однако следует также отметить, что слова, характеризующие адресата, употребляются не часто в магических заклинаниях, видимо, из-за экономии места, так как заклинание должно быть сжатым и концентрированным для достижения максимального эффекта.

Как уже упоминалось выше, в магических заклинаниях и заговорах на английском языке прослеживается тенденция к частотному употреблению императивных предложений. (Например: "My head is twisting, churning, hurting, Please stop the spinning, please stop the burning"). И, несмотря на то, что, в обыденной речи для императивного предложения необходимым условием является адресат, в магическом фольклоре это правило иногда нарушается (Например: "healing thoughts sent in flight, bring the brightest blessing this very night. Send this healing white light from above, Surround my friend now in healing love"). Несмотря на отсутствие вербально выраженного адресата, имплицитно его присутствие определяется.

Рассматривая императивные предложения с адресатом и без него, можно отметить, что частотность употребления императивных предложений обоих типов приблизительно одинаковая. Выраженность адресата варьируется в магических заклинаниях. Он может быть как одушевленным лицом, например возлюбленным или врагом, на которого рассчитано заклинание (No harm shall you speak, No harm shall you do, No hurt shall you cause to any one), неодушевленным – некими потусторонними силами, силами природы (Moon above which glows so bright, Guard my sleep so deep tonight, I pray to you with this request, My life works out at my behest."). В некоторых императивных предложениях адресатом является

метафорическое обращение к самой магии. (Например: "Plant of magic, leaf of green, Let him whose initials are pricked on thee...") или обращение к магическим неодушевленным вещам (Needle in the flame, Needle of fire, Pierce his thoughts. Make him writhe, agonize, Till his heart turns back to me.")

Самым частотным адресатом является обращение к богам и богиням, в относительно безличной форме "God" или "Goddess"(How do we compare, oh how I should really dare...The gods and goddesses make power upon thee, make (name of person) come to me, love will be enpowered my beauty/handsomeness will be showered, I mote it be!), в ряде случаев, в магических заклинаниях встречаются конкретные упоминания древнегреческих и древнеримских богинь, упоминаются Diana, Venus, Aphrodita, Isis, (Isis, Great Mother, hear my words of power. Let the season of light bring me wellness and protection) персонификация стихий, вещей также является достаточно частотным явлением в магических заклинаниях: Lady of Love, Lady of Luck, Lady of tide and time, Lady of Earth, water, wind, the sky, the sea, power, money (Например: "I call to the storms, I call to the breeze, To scourge the ground and bend the trees").

Подводя итоги, стоит отметить, что адресат является одним из ключевых компонентов магического заклинания. При этом адресат может быть представлен имплицитно, либо иметь вербальное выражение (безличное 'you', имена богов и богинь). В магических заклинаниях функциями адресата являются привлечение внимания и просьба. Адресат вводится первым предложением, занимая чаще всего начальную позицию.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблемы речевых жанров. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
2. Белецкий А.И. Об одной из очередных задач историко-литературной науки / А.И. Белецкий // Избранные труды по теории литературы. – М. : Просвещение, 1964. – 30 с.
3. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста : Словарь-тезаурус / Н. С. Болотнова. – Томск : Изд-во ТГПУ, 2008. – 384 с.
4. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: учеб. пособие / Н. С. Болотнова. – Томск : Издательство ТГПУ, 2006. – 631 с.

**Дискурсивная анафора и дейксис как когнитивные процедуры
при интерпретации высказывания****Discursive anaphora and deixis as cognitive procedures
in interpreting an utterance**

В читательской интерпретации высказывания анафора и дейксис предполагают концептуализацию (т.е. психологическую, ментальную репрезентацию) референтов, вне зависимости от того, получает ли читатель доступ к референтам через внешнюю ситуацию или в результате анализа ближнего и дальнего контекста употребления высказывания. В тексте обнаруживаются различные домены референции, в рамках которых действуют как дейктические, так и анафорические процедуры.

In reader's interpretation of the utterance anaphora and deixis presuppose the conceptualization (i.e. psychological, mental representation) of referents irrelevant to the fact if the reader gets the access to the referents through the external situation or as a result of analyzing the closer or further context of utterance usage. In the text there are different reference domains within the frameworks of which deictic and anaphoric procedures function.

Ключевые слова: дискурсивная анафора, дейксис, тематические компоненты, референт, контекст, интерпретация высказывания.

Key words: discursive anaphora, deixis, thematic components, referent, context, utterance interpretation.

Дискурсивная анафора в функции темы высказывания представляет собой когнитивную процедуру актуализации некоторой информации, предварительно заложенной в память читателя и вследствие этого обладающей минимальным уровнем активизации внимания. Это существенный способ «управления» вниманием, который наделяется автором функцией поддержания высокого уровня активации и характеризует некую дискурсивную репрезентацию как предварительно установленную в качестве фокуса читательского внимания на данном сегменте высказывания. Дискурсивную анафору формирует не только соответствующее выражение (как правило, местоимение третьего лица), но и сегмент высказывания, в котором это выражение обнаруживается. Данное предикативное содержание функционирует в качестве указания, ориентирующего читателя к тому сегменту дискурсивной репрезентации, который уже активирован на когнитивном уровне

повествования и который «расширяется» в плане оптимальных в данном контексте отношений когезии. Ср.: (1) «Джон глупо улыбался. Больше всего он боялся, что из носа потечет кровь. Так и случилось... – Само пройдет, – сказал он. – Какое само! – воскликнула Вера. – Запрокинь голову. Заражения бы не было...» [1, с. 13]. В данном случае мы имеем дело с косвенно выраженной анафорой, которая предстает иллокутивным акцентом в реплике первого собеседника. Ситуация общения и лексико-семантическая структура глагольного предиката само пройдет обеспечивают условия оптимальной интерпретации неявно выраженной дискурсивной анафоры для второго собеседника, который также не актуализует предмет общения, поскольку он ясен из коммуникативного контекста. Приведенный пример выявляет тот факт, как импликации, основывающиеся на обнаруживаемых в общении дискурсивных репрезентациях, общих пресуппозиционных знаниях собеседников, мобилизуются в дискурсивном действии анафоры, не требующей присутствия эксплицитно выраженного текстового антецедента.

В следующем примере обнаруживаются различные явно выраженные дискурсивные анафоры при разных предикатах: (2) «К дому лесничего была послана коляска. Коварный князь знал, что отец Ольги Павловны уехал в губернский город и бедная девушка находится дома одна. Знал он и о том впечатлении, какое производил на несчастную, томящуюся в лесной глуши под неусыпным взором отца-тирана. В записке, посланной с кучером, он бессовестно признавался ей в любви и просил немедленного свидания...» [1, с. 21]. Во втором высказывании вводится два аргументных референта (князь, Ольга Павловна), которые в последующих высказываниях замещаются анафорическими местоимениями третьего лица, выражениями описательного характера. При этом линия повествования смещается к событиям, которые имели место до факта, о котором говорится в первом высказывании. Этот факт, в свою очередь, манифестирует текущий план повествования. Другими словами, дискурсивные анафоры «расширяют» информацию, содержащуюся в первом высказывании, в иных временных и пространственных плоскостях.

Дейксис представляет собой такую когнитивную процедуру, которая основывается на способности контекста употребления высказывания направлять внимание читателя к характеристикам, существенным для данного контекста. Эти характеристики ассоциируются с контекстом (потенциально знакомы читателю), а поэтому воспринимаются как должное [2]. Дейксис является

причиной намеренного прерывания текста непосредственно в той точке, в которой он актуализуется. Читатель поощряется «выйти» из данного дискурсивного контекста с целью «увидеть» в рамках текущей ситуации употребления высказывания новый референт или запечатлеть в своей памяти иной аспект того же самого референта, на котором уже фокусировалось внимание [5]. Таким образом, дейксис служит средством введения нового референта в текст на основе определенных характеристик контекста употребления высказывания. Он ориентирует фокус читательского внимания к новому объекту текста (новому аспекту предварительно введенного объекта).

Анафора, в свою очередь, служит сигналом поддержания фокуса читательского внимания. В этом отношении анафоры, занимающие не сильную фонологическую позицию, получают высокую степень внимания. В современных исследованиях анафора рассматривается как контекстуальная актуализация дейктического основания центрального объекта текста. Анафора предполагает отношения референтной и / или семантической зависимости между индексальным выражением, употребленным в определенном контексте, и референтом, извлекаемым читателем из дискурсивной (контекстуальной) актуализации этого выражения. В случае анафоры потенциально могут возникать отношения кореференции, когда два выражения в референтном плане указывают на одну и ту же сущность. Между кореферентными выражениями не всегда возникают отношения семантической и / или референтной зависимости, как это имеет место в случае анафоры. Ср.: (3) «...Я познакомился с Семеном Александровичем в 1926 году, был я тогда еще молодой учитель и увидел его впервые у Ксенофонта Павловича Счастливецва, нашего заведующего подкурсами. Я увидел, как мне показалось, молодому, старика, но очень быстрого, высокого, худого» [4, с. 231]. Обе из выделенных номинаций предстают независимыми в референтном плане. В плане читательской идентификации одного и того же персонажа, о котором ведется повествование, каждая из них является достаточной. Между анализируемыми номинациями не обнаруживается референтной зависимости друг от друга (каждая из них может быть извлечена из текста без существенных последствий). Это случай кореференции без анафоры.

Аналогичным образом можно выделить анафору без кореференции. Ср.: (4) «Savannar took a glass of campaign from the tray, and Lori had one too...» [6, p. 65]. Неопределенное местоимение *one* во второй части сложносочиненного предложения

интерпретируется читателем как «тот же самый тип сущности», что и антецедент, моделирующий анафору (в данном случае a glass of champagne). Персонажи соответственно взяли с подноса не один и тот же бокал шампанского, а разные бокалы. Однако в данном случае обнаруживается один и тот же референт.

Анафора, предполагающая кореференцию, приводится в следующем примере: (5) «...В жадных и хитрых глазах Долидзе промелькнуло облачко беспокойства. Он знал: иногда успех может превратиться в поражение...» [3, с. 44]. Местоимение он обладает референтной сущностью, его характер зависит от предшествующего тематического компонента в повествовании (в данном случае Долидзе), заявленного в предшествующем предложении. Поэтому это местоимение характеризуется анафорическим употреблением в отношении к предварительно актуализованному референту. Вместе с тем, оно вступает в отношения кореференции с антецедентом, который моделирует анафору. Анафора, таким образом, предполагает семантическую и / или референциальную – но не текстуальную – зависимость.

В случаях дейксиса и анафоры имеет место концептуализация (т.е. психологическая, ментальная репрезентация) референтов, вне зависимости от того, получает ли читатель доступ к референтам через внешнюю ситуацию или в результате анализа ближнего и дальнего контекста употребления высказывания. Обнаруживаются различные домены референции, в рамках которых действуют как дейктические, так и анафорические процедуры. Текстуальный – как и дискурсивный – дейксис обеспечивает переход от понятия «дейксис» к понятию «анафора», поскольку данные понятия предполагают использование дейктических процедур с целью указания сегментов предшествующих и последующих текстуальных и когнитивных репрезентаций. При этом не всегда есть необходимость задействовать дополнительные средства активации этих репрезентаций в памяти читателя.

Читатель, следовательно, призван приложить определенные когнитивные усилия с целью восстановления последовательности этих репрезентаций. Лежащая в основе этих усилий читательская интерпретация предполагает конструирование некоторой сущности на основе актуальной для постижения данного фрагмента текста дискурсивной репрезентации с целью принять ее в качестве субъекта предикации, сильной позиции для введения новой информации. В частности, если при более детальной интерпретации между первым и вторым референтом не устанавливается рематематических отношений, то в данном случае

имеет место дискурсивная дейктическая процедура, а не анафорическое соотношение указанных референтов. Дейксис и анафора – это когнитивные процедуры, которые задействуются автором текста с целью совместного с читателем моделирования, модификации содержания ментальных моделей текста. Обе процедуры обеспечивают координацию внимания автора и читателя в процессе совместной коммуникации.

Список литературы

1. Басинский П. Полуденный бес. – М.: АСТ. Астрель, 2012. – 540 с.
2. Гончарова Е.А. Антропоцентризм хронотопа как концептуальная основа художественного текста // Категоризация мира: пространство и время: материалы науч. конф. – М.: Диалог – МГУ, 1997. – С. 40–43.
3. Ивнев Р. Богема. – М.: Вагриус, 2006. – 512 с.
4. Крупник И. Жить долго: Избранное. – М.: Этерна-принт, 2006. – 832 с.
5. Пушмина С.А. Текстовое многомирие и вход в него через ворота дейксиса: дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2009. – 241 с.
6. Holt D. Afternoon Delight. NY.: Total-E-Bound, 2008. – 239 p.

**Контраст образов персонажей
как концептуальная характеристика комического рассказа
В. Аллена «История моего безумия»**

**Character Image Contrast as a conceptual characteristics
of W. Allen's «The Lunatic's Tale»**

Яркой концептуальной характеристикой рассказа В. Аллена «История моего безумия» выступает некий набор контрастирующих друг с другом скриптов, отражающих образы двух женщин, сыгравших в судьбе рассказчика Осипа роковую роль. Данные скрипты периодически актуализуются в тексте рассказа, читатель наблюдает их столкновение, что становится источником неявного комического смысла.

A set of contrasting scripts is one of the brightest characteristics of W. Allen's "The Lunatic's Tale". These scripts reflect the images of two women who played disastrous role in the teller Ossip's fate. The scripts recurrently actualize in the text, the reader witnesses their clash which turns out to be a source of implicit comic meaning.

Ключевые слова: Вуди Аллен, контрастирующие скрипты, противоположная оценка, комический эффект.

Key words: Woody Allen, contrasting scripts, opposite estimation, comic effect.

Согласно нашим наблюдениям, комический эффект в жанре короткого рассказа моделируется в том числе посредством противопоставления образов двух персонажей, которое неявно осуществляется рассказчиком. В качестве материала для анализа изберем рассказ Вуди Аллена «The Lunatic's Tale», который впервые был напечатан в 1975 г. [2]. В переводе этот рассказ озаглавливается как «История моего безумия» (русский перевод рассказа осуществлен М.Ю. Мотылевым) [1].

Рассмотрим, прежде всего, описание двух персонажей-женщин, из-за которых рассказчик впадает в катастрофическую немилость к собственной судьбе. Данное описание представлено в отступлении от основной линии повествования. Осип Паркис, рассказчик, признается, что он ведет двойную жизнь, будучи раздираемым между законной женой и своей тайной возлюбленной. Обе женщины описываются автором рассказа посредством контрастных характеристик. Явное противопоставление Оливии и Тиффани в плане подтекста выявляет два психологических типа персонажей. С

одной стороны, автор изображает интеллигентную, хорошо воспитанную женщину, с тонким чувством юмора, но лишенную физической привлекательности и чувствительности. С другой стороны, мы видим привлекательную в эротическом отношении женщину, но лишенную интеллектуальных способностей. Данные контрастирующие характеристики персонажей-женщин формируют в рассказе соответствующие семантические поля. На концептуальном уровне повествования эти поля, в свою очередь, образуют второстепенные, но значимые для комической интерпретации рассказа антонимичные скрипты (например, beauty – ugliness; intelligence – stupidity).

Систематизируем указанные характеристики в виде следующей таблицы.

Таблица 1

Контрастирующие друг другу портреты женщин Осипа Паркиса
(рассказ В. Аллена «История моего безумия»)

<i>Olive Chomsky</i>	<i>Tiffany Schmeederer</i>
<i>I was living with a woman I cared for very deeply</i>	<i>I was sneaking cross-town nightly to rendezvous with a photographer's model</i>
<i>had a winning and delightful personality</i>	<i>had a blood-curling mentality</i>
<i>was rich in culture and humor, and a joy to spend time with</i>	<i>had a 'body that wouldn't quit', and oozed an erotic radiation from her every pore</i>
<i>was a woman with all the attendant perquisites of a charming and witty culture vulture</i>	<i>had a skin like satin, a leonine mane of chestnut hair, long willowy legs; a face and body that come along every few million years</i>
<i>but (and I curse Fate for this) she did not turn me on sexually</i>	<i>to run one's hands over her curvaceous shape was like a ride on the Cyclone</i>

Описание женщин Осипа в рассказе «История моего безумия» настолько отчетливо структурировано, что читателю достаточно легко выделить языковые элементы с положительной и отрицательной оценкой, столкновение двух скриптов, которым присуща противоположная оценка. Так, скрипт beauty (+) в антонимичном плане соответствует скрипту stupidity (-), скрипт intelligence (+) вступает в контрастирующие отношения со скриптом ugliness (-). Прагматическая природа описаний женщин Осипа, моделируемых по принципу хиазма, определяет тот факт, что описываемые персонажи фактически воспринимаются читателями как далекие от совершенства.

Если один из персонажей обладает высоким проявлением отдельного качества, то он непременно проигрывает персонажу-контрасту по другим характеристикам. Конструирование повествования, таким образом, осуществляется на оппозитивной основе, которая позволяет читателю – с опорой на периодическую актуализацию скриптов в тексте рассказа – осуществлять некоторые

прогнозы-допущения относительно последующего развития сюжета. Повторные периодические актуализации модели антитезиса, наряду с другими средствами, становятся речевым фундаментом конструирования комического повествования. Тот факт, что все текстуальные элементы получают в повествовании В. Аллена повторную и периодическую актуализацию, позволяет читателю предугадывать развитие сюжета. В данном отношении адресату комического текста достаточно легко «предсказать», что у каждой новой женщины, которая будет встречаться на жизненном пути Осипа, не обнаружится соответствия высоким стандартам перспективного жениха. Другими словами, список достоинств, которые Осип ожидает найти в женщине, настолько нереальный, что любая кандидатка не сможет пройти тест на соответствие этим достоинствам. В связи с этим, читателю также легко предугадать тот факт, что любые попытки Осипа найти идеальную женщину обречены на провал или, возможно, каждое положительное качество женщины будет неминуемо омрачено, нейтрализовано действием противоположной силы.

История Осипа Паркиса легко предсказуема: желание порождает неудовлетворение, которое, в свою очередь, становится логическим основанием для нового желания. Антитезисный цикл, по-видимому, никогда не замкнется. В результате периодическая актуализация оппозиции одних и тех же скриптов, читательская предсказуемость развития сюжета образуют в тексте рассказа концептуальную основу для семантического разворачивания повествования. Только в конце рассказа данная самопорождающаяся сюжетная тенденция получает финальное разрешение.

Дилемма Осипа получила бы полное разрешение, если бы герой нашел идеальную женщину или хотя бы в идеалистическом отношении «увидел» искомые им достоинства в какой-либо (может быть, далеко не идеальной) женщине. Парадокс заключается в том, что реализация мечты становится механизмом запуска событийного коллапса, истинные причины которого в сложных «путинах» смысла повествования фактически оказываются скрытыми от читателя. Успешно осуществив сюрреалистическую хирургическую операцию, в результате которой ум Оливии подключается к телу Тиффани и наоборот, герой рассказа находит свой идеал женщины, с поиска которого и начинается повествование В. Аллена. С семантической точки зрения, это означает, что все скрипты с положительной оценкой находят свою окончательную реализацию в одной идеальной женщине (скрипты *intelligence (+)*, *culture (+)*, *sense of humor (+)*, *beauty (+)*, *youth (+)*, *sensuality (+)*).

Принимая во внимание данный архетип совершенства, который так рьяно искал Осип, читатель удивлен тому, почему герой рассказа все-таки неудовлетворен и его привлекают женщины, которые являются противоположностью всего того, что он ищет. Приведем отрывок из текста, который маркирует данное положение героя: "The only hitch was that after several months of bliss with Olive which was the equal of anything in the Arabian Nights, I inexplicably grew dissatisfied with this dream woman and developed instead a crush on Billie Jean Zapruder, an airline stewardess whose boyish, flat figure and Alabama twang caused my heart to do flip-flops..." [2, p. 110]. Данный отрывок, образующий финальный абзац рассказа, выявляет трагикомический поворот в жизни главного героя. Вопреки всем читательским ожиданиям, Осип влюбляется в далеко не привлекательную стюардессу, лишенную каких-либо женских достоинств, которые герой ценит в женщинах. Обратим внимание на то, что исключительно поверхностное описание нового персонажа-женщины в лексическом плане материализуется в скрипт с негативной оценкой.

Заявляя о таких характеристиках новой женщины-персонажа, как *boyish*, *flat figure*, герой не только моделирует скрипт с отрицательной оценкой *masculinity* (-), но и расширяет ранее актуализованный скрипт (также с отрицательной оценкой) *ugliness* (-), не задействует при описании компоненты таких семантических полей, как *grace*, *sensuality*. Более того, выражение *Alabama twang* выявляет достаточно частотную в практике моделирования комического эффекта процедуру: географический район и акцент, с которым говорят жители этого района, предстает средством моделирования скрипта *stupidity* (-). Последовательное расширение и удержание в когнитивной памяти скрипта *stupidity* (-), связанного с ним параллелизма, который, в свою очередь, характеризует текст рассказа в целом, приводит к тому, что читатель связывает этот скрипт с целым рядом других негативных скриптов (например, *lack of culture* (-), *bad taste* (-), *lack of sense of humor* (-)). Другими словами, оценочные лексические единицы *boyish*, *flat figure* и *Alabama twang* кристаллизуют два блока оппозиций скриптов, которые доминируют над пространственными текстуальными сегментами.

Основанная на антитезе динамическая структура рассказа «История моего безумия», следовательно, скрывает некий набор контрастирующих друг с другом скриптов. Данный набор скриптов конденсирует в себе фундаментальную информацию, важную для адекватной читательской интерпретации рассказа. Читательская предсказуемость этих скриптов детерминируется принципом

периодической актуализации. В дискурсивной ткани повествования данный принцип линейно материализуется в нескольких внутрискриптовых противопоставлениях на уровне неявного смысла, который заложен в некоторых лексических единицах, «разбросанных» по всему тексту. Внутрискриптовые противопоставления, в свою очередь, реактивируют ограниченный набор надструктурных семантических оппозиций.

Список литературы

1. Аллен В. история моего безумия // Аллен В. Побочные эффекты: Рассказы. – М.: Corpus, 2013. – С. 119–132.
2. Allen W. The Lunatic's Tale // Allen W. Side Effects. – NY.: Vintage, 1990. P. 99–110.

**Прагматическая динамика взаимодействия собеседников
в неформальном интервью****Pragmatic Dynamics of Interlocutors' Interaction
in Non-Formal Interview**

В статье рассматриваются дискурсивные механизмы, посредством которых участники неформального интервью манифестируют свое эмоциональное состояние друг другу и читательской аудитории. К подобным механизмам мы, в частности, относим использование лексических единиц, которые входят в лексическую систему данного языка, образуют его эмоциональный словарь, одновременно обладая оценочным компонентом значения, переключение кодов.

The article discusses the discursive mechanisms of interlocutors' manifestation of their emotional state to both each other and the reading public. As these mechanisms we consider, in private, the usage of lexical units which are the part of the language lexical system forming its emotional vocabulary simultaneously realizing evaluative component of meaning, code switching.

Ключевые слова: неформальное интервью, респондент, реагирующая реплика, языковая тематизация эмоций, переключение кодов.

Key words: non-formal interview, respondent, reactive replica, language emotional thematization, code switching.

В настоящее время неформальное интервью становится одной из самых действенных дискурсивных сфер формирования общественного мнения по целому ряду проблем, начиная от личных дилемм, семейных взаимоотношений, профессиональной деятельности и заканчивая актуальными социальными вопросами и тревожными алармистскими тенденциями в современном мире. Вне зависимости от обсуждаемой в интервью темы, его читатели, потребители популярных иллюстрированных журналов и газет, негласно полагают, что мнение интервьюируемого лица (знаменитости в сфере музыки, кино, литературы и телевидения) является более ценным, чем суждения экспертов и профессионалов. Дискурс респондента неформального интервью, фактически, можно рассматривать как обнародование своего жизненного опыта, попытку примирения противоположных точек зрения на одну и ту же проблему (если читатель исходно не согласен со знаменитостью). В связи с этим, текст неформального

интервью как эмпирический материал лингвистического исследования оказывается плодотворным в целях анализа взаимоотношений между изложением фактов и аргументацией в поддержку своего мнения в процессе спора между непосредственными участниками интервью.

В ходе неформального интервью респондент, реагируя на стимулирующие реплики журналиста, излагает информацию о своем личностном опыте, а поэтому его дискурс характеризуется как аргументированное выражение собственной жизненной позиции, отражающей субъективные взгляды на реальную действительность и взаимоотношения людей. Диалогические реакции респондента – это ключевое дискурсивное средство в неформальном интервью, поскольку он, «повествуя о личностном опыте для последующей читательской аудитории, предопределяет речевое событие, которое выходит за рамки обычного обмена диалогическими репликами» [1: 21]. Мнимый речевой конфликт, возникающий между журналистом и респондентом, мы интерпретируем как своего рода диалогическую драматизацию, необходимую для привлечения внимания читательской аудитории. Спор между собеседниками в зависимости от контекста неформальной беседы может как обрываться на полуслове, так и занимать все речевое пространство интервью. При этом прагматическая цель спора, как правило, заключается в том, чтобы разрядить речевую обстановку, нежели создать действительный конфликт. Спор, обсуждение как форма диалогической активности участников неформального интервью реализуется в диалогическом единстве реплик утверждения и возражения этому утверждению. При этом изложение некоторых фактов со стороны респондента в контексте неформальной беседы все же обеспечивает возможность того, что журналист начинает разделять оценочную позицию респондента, в том числе и негативную.

Ср. следующий пример, в котором обнаруживается подобная речевая ситуация (респондент, известная киноактриса, говорит о своем бывшем муже):

(1) “– Was Ethan a great support when you needed it? – He wasn’t super supportive. He wasn’t the one person I could address and say I was so tired and he knew what I was talking about. He was not behind me the whole way... – What do you say? – Isn’t he dreadful? – Yes. What an awful man he is...” (Hallo, 2013, June, 28). Негативная оценка, инициированная респондентом, полностью поддерживается журналистом. При этом журналист, предварительно реализуя стимулирующую реплику, нацеливает респондента именно на оценочное освещение определенных событий, фактов, непосредственно связанных с его личной жизнью.

Оценка, реализуемая респондентом (как правило, связанная с драматизацией фактов и событий из личной жизни) является действенным способом привлечения читательской аудитории к тексту интервью, формирования эмпатии между интервьюируемым субъектом и рядовым читателем. Инициация оценочных суждений в неформальном интервью также оказывает воздействие на стереотипы читателя, их «расшатывание» или, наоборот, подтверждение уже имеющихся у них.

Реализация той или иной оценки в рамках неформального интервью неизбежно сопровождается выражением эмоций, которыми впоследствии «заражаются» читатели. В процессе постижения печатного текста интервью читатель, по замыслу непосредственных участников беседы, должен получить удовольствие от чтения. Поэтому эмоции, инициируемые в рамках спонтанной неформальной коммуникации, носят, как правило, позитивный характер. В данной связи, как представляется, актуальным предстает исследование диапазона дискурсивных приемов, посредством которых участники интервью манифестируют свои эмоции друг другу и читательской аудитории.

В частности, позитивная эмоциональная атмосфера интервью поддерживается респондентом посредством драматизации освещаемых фактов, которая создается гипотетическими оценочными суждениями. Ср. (собеседники обсуждают проблему «злых» сообщений, получаемых звездами по интернету от зрителей, которым не нравится их творчество):

(2) “– ... You don't have any way to fix it or to react on it. I like if someone says you're ugly. But if someone says you're stupid, you're definitely not... – Oh, yes” (Hallo, 2013, September, 13). Респондент выражает свою оценочную субъективную позицию посредством высказываний с гипотетической модальностью, маркируемой союзом *if*. Драматизация излагаемых фактов (звезды все же чувствительны к отзывам своих поклонников и недоброжелателей) дает возможность респонденту обсудить серьезную проблему непринужденным образом, продемонстрировать свою «непроницаемость» для внешнего негативного мнения о себе и внедрить соответствующий стереотип в сознание читателей текста интервью. При этом респондент манифестирует свое субъективное мнение как «противовес» мнению своих оппонентов, выраженного в форме косвенной речи. Актуализуя фрагмент чужой речи в своей диалогической реплике, интервьюируемый субъект косвенно дает этой речи негативную оценку. Эта оценка, в свою очередь, становится приоритетной для читателей текста интервью.

Негативно могут оцениваться респондентом и собственные действия, некогда совершенные в прошлом. В этом случае оценка,

по мнению респондента, призвана породить восхищение журналиста, ведущего интервью, и читателей. Анализируя свои поступки, респондент освещает их в критическом свете, что находит единодушную поддержку у журналиста и, возможно, читательской аудитории. Ср. (известный музыкант рассказывает о ситуации, когда организаторы его концерта запросили очень высокую цену за аренду зала):

(3) “– Just before the concert I got a bill for fifty thousand dollars. I was absolutely furious, you know... – Could you cancel the concert? – How could I? The hall was full of my fans...” (Hallo, 2013, Jan., 23). В целях тематизации эмоций респондент прибегает к таким дискурсивным приемам, как языковое маркирование эмоций: использование лексических единиц, которые входят в лексическую систему данного языка, образуют его эмоциональный словарь, одновременно обладая оценочным компонентом значения (*furious*); констатация определенных жизненных обстоятельств, инициирующая ту или иную эмоцию (*The hall was full of my fans*).

Согласно нашим наблюдениям, респондент неформального интервью в целях манифестации своего эмоционального состояния прибегает также к такому приему, как переключение кодов, который заключается в том, что задействуются различные варианты общенационального языка, например, «стыкуются» в контексте реагирующей реплики элементы какого-либо регионального диалекта (или сленга) и литературного языка. В данном случае переключение кодов предполагает использование некоторой маркированной (диалектной, сленговой) лексической единицы (или словосочетания), которая – в рамках реплики – отчетливо выделяется на фоне своего «литературного» окружения и порождает смех собеседников. Пример (2) иллюстрирует фрагмент неформального интервью, в котором респондент говорит о ненадежности интернета в поиске достоверной информации о звездах кино:

(4) “– ...the other thing is the number of errors that creep in, but the biggest thing is how difficult it is to determine the quality of what it is that you find on the net. Any yahoo with three synopses can publish something on the internet... – hhhhh hhhhh...” (Hallo, 2013, March, 21). В первом высказывании реплики респондент достаточно официально и беспристрастно формулирует обсуждаемую проблему (ср., в частности, выражение *to determine the quality*, которое закреплено за академическим дискурсом). Во втором своем высказывании интервьюируемый субъект делает акцент на своей оценочной позиции, «скатываясь» к разговорной речи: сочетание *any yahoo* можно рассматривать как выражение негативной оценки к

поисковым системам вообще; при этом имя собственное становится нарицательным (Yahoo – это одна из самых популярных англоязычных поисковых систем), реализуя оттенок собирательности. В результате, высказывание респондента приобретает сугубо субъективный и повышенный эмоционально-экспрессивный характер, что, в свою очередь, является ярким показателем спонтанной разговорной речи.

Таким образом, переключение кодов инициируется респондентом следующим образом: беспристрастная формулировка обсуждаемой в интервью проблемы в стиле академического дискурса + оценочная позиция, личностное мнение по поводу обсуждаемой проблемы в стиле разговорного дискурса. Механизм переключения кодов, другими словами, моделируется интервьюируемым субъектом с опорой на стилистические средства языка (а именно «столкновение» взаимоисключающих стилей). Подобный дискурсивный прием порождает смех собеседника, «заряжает» атмосферу спонтанного разговора положительными эмоциями.

Список литературы

1. Азарова О.А. Коммуникативные стратегии и тактики респондента и языковые средства их реализации в англоязычном неформальном интервью: дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д., 2013. – 182 с.

**Взаимодействие структурных компонентов концепта цвета
«GRAU» в создании образа отрицательных героев
(на примере романа М. Энде «Момо»)****Interaction of structural components of a color-concept «GRAU»
in creation of an image of villains (in M. Ende's novel «Momo»)**

Статья посвящена актуализации концепта «GRAU» в немецком языке на материале романа М. Энде «Момо», где отражается перцептивный образ (зрительные „Asche, Rauch“, тактильные „Kälte“ и звуковые образы „tonlos“), когнитивный образ (синестетическая метафора «aschengraues Gelächter») и интерпретационное поле (смертельная тоска «tödliche Langeweile»).

The Article is devoted to actualization of a concept of "GRAU" in German on a material of the novel of M. Ende "Momo", where is reflected the perceptual image (visual "Asche, Rauch", tactile "Kälte" and sound images of "tonlos"), a cognitive image (synesthetic metaphor "aschengraues Gelächter") and an interpretative field (deadly melancholy "tödliche Langeweile").

Ключевые слова: серый, концепт, средства, Момо, образ, визуальный, пепельный, оценочный компонент.

Key words: gray, concept, means, Momo, image, visual, ashy, estimated component.

В современной лингвокультурологической и когнитивной парадигме лингвисты часто обращаются к феномену цвета, который признается константой культуры и частью концептуальной картины мира, исследуют символику цвета в различных культурах и цветовые концепты. Общеизвестна психологическая и в целом культурная значимость цвета для жизни общества, так как в сознании неискушенного носителя языка идея предметности ассоциируется, прежде всего, с такими свойствами объекта, как размер, форма и цвет [6, с. 116]. Цвет способен модулировать физическое и эмоциональное состояние человека, поэтому проблема цветового символизма является одной из центральных при изучении взаимосвязей между цветом и психикой.

Концепты цвета представляют собой многоуровневые структуры, организованные по принципу ядра и периферии, имеющие следующие структурные компоненты: перцептивный образ (включает зрительные, тактильные, вкусовые, звуковые и обонятельные образы), когнитивный образ (формируется в

сознании метафорическим осмыслением действительности), интерпретационное поле, включающее оценочную, социально-культурную и паремиологическую зоны [2, с. 16].

При актуализации концепта цвета в речи выделяются различные способы словообразования: обозначение цветов с помощью прилагательных, существительных, глаголов и других частей речи, а также обозначение цветовых оттенков с помощью добавления префиксов и приставочных слов, суффиксов, сложения основ, с помощью словосочетаний двух слов и образных словосочетаний [1, с. 35]. Немаловажную роль играют также лексемы и словосочетания, отражающие ассоциативное поле, существующее в сознании носителей языка. В результате контекстуального взаимодействия с другими языковыми элементами цветообозначения получают в тексте семантические «приращения», обуславливающие их поэтический смысл.

Прежде чем обратиться к анализу художественного текста с целью выявления средств актуализации концепта цвета «GRAU» следует рассмотреть словарные статьи, дающие основное представление о средствах вербализации того или иного концепта. Электронный универсальный словарь немецкого языка Duden выделяет 4 основных значения слова «grau»: 1. graue Farbe, im Farbton zwischen Schwarz und Weiß (серый цвет, оттенок между чёрным и белым); von der Farbe der Asche, dunkler Wolken (цвета пепла, темных облаков); 2. (umgangssprachlich) sich an der Grenze der Legalität bewegend, nicht ganz korrekt (разговорное выражение, означающее «на границе легального, не совсем подобающе»), 3. trostlos (безутешный, унылый), öde (пустынный, одинокий, безрадостный); 4. zeitlich weit entfernt und unbestimmt (далекий по времени и неопределенный) [7].

В синонимическом ряду слова «grau» указываются следующие прилагательные: aschfahl (серый, пепельный), eisenfarben (цвета железа), ergraut (поседевший), fahl (блеклый), meliert (меланжевый), rauchfarben (дымчатый), schlammfarben (цвета ила), silbrig (серебристый), weiß[haarig] (седовласый), bewölkt (облачный), trübe (мрачный), [wolken]verhangen (пасмурный), einförmig (однообразный), eintönig (монотонный), ereignislos (ничем не знаменательный), ermüdend (утомительный), fade (безвкусный), freudlos (безрадостный), gleichförmig (однообразный), langweilig (скучный), monoton (монотонный), öde (пустынный), reizlos (бесцветный), stumpfsinnig (нудный), trostlos (унылый), uninteressant (неинтересный) [7]. Данный синонимический ряд позволяет лучше понять как когнитивный образ концепта «GRAU», так и его интерпретационное поле.

В сгенерированном словаре Duden поле самых частотных по сочетаемости с „grau“ лексем мы находим прилагательные *dunkel* (тёмный), *trist* (печальный, мрачный), *schmutzig* (грязный), *stumpf* (притуплённый, равнодушный), *hell* (светлый), *matt* (матовый, вялый, тусклый), в которых отражаются закреплённые ассоциативные связи в сознании носителей языка [7]. При анализе семантики цветообозначения «grau» в немецком языке можно обнаружить, что серый цвет включает в себя негативную семантику безнадежности, безотрадности, скуки, уныния: „*trostlos, öde, eintönig*“, а также неопределенности: „*unbestimmt*“ [9, с. 574].

Отрицательная коннотация в оценочной зоне концепта «СЕРЫЙ», согласно результатам экспериментального исследования Ю.В. Гуз, обусловлена однозначным психофизическим воздействием данного цвета. Исследователь подчеркивает также, что серый цвет производит наименьшее возбуждающее воздействие и является самым слабым и пассивным цветом, а исследование семантики цвета методом семантического дифференциала подтвердило оценочные характеристики серого цвета «слабый и плохой» [2, с. 19]. Серый или пепельный цвет связан с идеей «безрадостный», «безжизненный», а так же «плохо видный», и обладает отрицательной окраской и коннотацией безликости, стёртости (ночью все кошки серы). Серые звери, «незаметные», прячущиеся. В германских языках «серый» также считается цветом старости [4, с. 180–189].

Серый цвет является доминирующим цветом в фантастическом романе М. Энде «Момо», где лексема «grau» в сочетании с другими морфемами и лексемами актуализирует разные компоненты цветового концепта «GRAU». Ключевым и самым частотным сочетанием в романе является словосочетание «*graue Herren*» (серые господа). Лексема «grau» встречается также в синонимических сочетаниях «*grauer Besucher*» (серый посетитель), «*grauer Richter*» (серый судья), «*graue Gestalt*» (серый образ).

Характерными чертами серых господ, захвативших город, являются «*graues Gesicht*» (серое лицо), «*graue Zigarre*» (серая сигара), «*graues Auto*» (серый автомобиль), «*grauer Hut*» (серая шляпа), «*grauer Anzug*» (серый костюм), «*grauer Stift*» (серый карандаш), «*graues Notizbüchlein*» (серая записная книжка), «*graue Glatzen*» (серые лысины). Они борются за свою «серую жизнь» (*graues Leben*) и собираются в большом количестве, образуя «серую стену» (*graue Mauer*). В тексте романа прилагательное «grau» встречается 220 раз и используется не только для описания серых захватчиков, но и природные явления: серый день (*grauer Tag*) и серый ветер (*grauer Wind*).

Серый цвет в романе имеет различные оттенки: bleigrau (свинцово-серый), в сочетании «bleigraue Aktentasche», и aschengrau (пепельно-серый): «aschengraues Auto» (пепельно-серый автомобиль), «aschengrauer Wind» (пепельно-серый ветер), «aschengraues Licht» и «aschengraues Halblight» (пепельно-серый свет и полусвет). Также встречается синестетическая (цвето-звуковая) метафора «aschengraue Stimme» (пепельно-серый голос), «aschengraue Antwort» (пепельно-серый ответ) и «aschengraues Gelächter» (пепельно-серый смех). Эти метафоры тем и примечательны, что звуковой образ в отличие от свето-цветового и тактильного образа, можно отнести к наиболее неоднозначным, так как в нем присутствуют ассоциаты только личностного характера [2, с. 18].

В романе М. Энде «aschengraue Stimme» значит «seltsam tonlos» (странно глухой, бесцветный голос). Не содержит в своем составе морфемы «grau», но является частотным для описания голоса в романе композит «aschenfarben» (пепельный) «aschenfarbene Stimme». У данного прилагательного даже встречается сравнительная форма «seine Stimme klang noch eine Spur aschenfarbener».

Авторским окказионализмом можно считать словосочетание «spinnwebfarbenes Grau» (паутиновый серый цвет): «Es waren Herren, die ganz in spinnwebfarbenes Grau gekleidet waren», «... ein Herr, der einen spinnwebfarbenen Anzug anhatte». Само слово «spinnwebfarben» не фигурирует в словарях немецкого языка и имеет единичные употребления, например в немецкой легенде о приведении «Белая женщина» Л. Бехштейна или переводах произведений С. Кинга.

Исходя из вышеназванных прилагательных (aschengrau, aschenfarben) и благодаря характерной окраске пепла, существительное Asche можно отнести к ближайшим ассоциатам серого цвета, участвующим в актуализации концепта в романе. Серые как пепел лица, горы пепла на свалке, где проводят собрания серые господа, несколько хлопьев пепла, остающихся от ликвидированного серого господина – все является визуализацией свето-цветового образа: «ihre Gesichter sahen aus wie graue Asche», «Zigarre zerfiel langsam zu Asche», «ein richtiges Gebirge aus Asche», «ein paar Aschenflöckchen im Kreis herumwirbelte».

Существительные Rauch (дым), Rauchsäule (столб дыма), Rauchwolken (облака дыма), Rauchringe (кольца дыма), Rauchfahne (дымовой шлейф), Rauchschwaden (клубы дыма), а также сочетания «Mauer von Rauch» (стена дыма), «der blaue Dunst» (синий чад, дымка), «finstere Qualmglocke» (темный дымовой купол) описывают жизнь города и, не называя цвета, они передают визуальную составляющую «серый» или «сизый». Сизый дым от серых сигар

тянется шлейфом за серыми господами, затуманивая рассудок людей, которые благодаря лживым обещаниям начинают экономить время на том, что раньше приносило радость.

Серым господам не нужно прятаться, они у всех на виду, но никто не обращает на них внимания. Они умеют странным образом делаться незаметными, так что люди просто смотрят мимо или тут же забывают, как те выглядят: «Sie verstanden es auf unheimliche Weise, sich unauffällig zu machen, so daß man einfach über sie hinweg sah oder ihren Anblick sofort wieder vergaß. So konnten sie im geheimen arbeiten, gerade weil sie sich nicht versteckten. Und da sie niemand auffielen, fragte sich natürlich auch niemand, woher sie gekommen waren und noch immer kamen, denn es wurden täglich mehr». Благодаря тому, что они не привлекают к себе внимания, работают тайно, хотя совсем не прячутся, им удастся захватить город. Это почти беззвучное и незаметное завоевание «lautlose und unmerkliche Eroberung», они молчат или шепчутся, их не слышно. С этим приглушенным звуковым образом согласуется элемент концепта «GRAU» «стёртый, неясный» + «безрадостный»: «ein freudloses, aschengraues Gelächter» (безрадостный, пепельно-серый смех).

Серые появляются незаметно, но где бы они ни появились в своих серых как паутина костюмах с неизменно дымящими серыми сигарами, везде становится жутко холодно: «Zu hören war nichts gewesen, aber Momo hatte es plötzlich auf eine Art gefroren, die sie noch nie empfunden hatte ... denn es war keine gewöhnliche Kälte». Это был не обычный холод, это был «ужасный» (die schreckliche Kälte), «особенный» (eigentümliche Kälte), «леденящий» (eisige Kälte), «страшный» холод (fürchterliche Kälte). Он исходил от серых господ, от их серых сигар и серого дыма, так как это было «мертвое» время, украденное у людей: «Weil sie von etwas Totem ihr Dasein fristen». Именно так объясняется серый цвет лица у этих господ, которым необходимо курить чужое время, иначе они перестанут существовать. В присутствии серых господ люди замерзают и практически теряют способность говорить «mit blaugefrorenen Lippen», «ihre Lippen waren wie eingefroren». Ужасный холод можно считать здесь тактильным образом концепта «GRAU», который также перекликается с эмоциональным концептом «ANGST» (СТРАХ). Леденящий страх, сковывающий движения и губы чувствуют все, к кому приходят серые господа.

Как отмечает В.А. Маслова: «Концепт рождается как образ, но он способен, продвигаясь по ступеням абстракции, постепенно превращаться из чувственного образа в собственно мыслительный. Образ холода лежит в основе концепта «СТРАХ», поэтому и существуют для выражения страха формы дрожать от страха, зуб на зуб не попадает...» [3, с. 53]. Страх часто ассоциативно

соотносится с физиологическими особенностями человека «kalter Schrecken, kalte Angst», немецкие исследователи отмечают также, что холод и страх имплицитно в некоторых глаголах: «Kälte und Angst sind bei einigen Verben beide impliziert, wie etwa bei zittern oder schlottern ...» [6, с. 110].

Серые господа делают город и его жителей безрадостными, скованными, угрюмыми, дети носят серую униформу и ходят в детские депо, их лица выглядят безжизненными: «Sie trugen eine Art grauer Uniform, und ihre Gesichter wirkten seltsam erstarrt und leblos». Автор выбрал именно слово «депо» имеющий значение «склад, хранилище» (Depot – franz. dépôt ‚Lager‘, ‚Ablagerung‘), что ещё больше овещает человеческие отношения, отнимая у них душевное тепло и жизнь. Пепельно-серый холодный ветер дует, будто из пустоты: «wie aus einer großen Leere zu kommen schien, ein aschengrauer Wind»; непонятный туман делает очертания серых господ размытыми: «ein merkwürdiger Nebel ließ die Umrisse der grauen Herren nur verschwommen erkennen».

В самих серых господах также нет жизни, это остро ощущает главная героиня, когда пытается слушать, что ей говорит серый агент: «Sonst konnte sie sozusagen ganz in den anderen hineinschlüpfen und verstehen, wie er es meinte und wie er wirklich war. Aber bei diesem Besucher gelang es ihr einfach nicht. Sooft sie es versuchte, hatte sie das Gefühl, ins Dunkle und Leere zu stürzen, als sei da gar niemand». Пытаясь углубиться в этого собеседника, чтобы понять его, она все время ощущает темноту и пустоту, будто там никого нет. Как позднее узнает Момо, серые господа действительно не являются людьми, они существуют только благодаря украденному времени, только пока курят свои серые сигары. Они высасывают жизнь из людей, и с каждым днем им нужно все больше чужого времени, ведь их самих становится все больше.

Героине романа и читателю становится жутко из-за этой внутренней темноты и пустоты, Момо не знает, как понимать серого господина. Серый цвет, ранее рассматриваемый в наших исследованиях как периферийный компонент эмоционального концепта «ANGST» (СТРАХ), содержит смысловые компоненты «непрозрачный» и «скрывающий», «неясный», «неизвестный» и «темный». К символам неизвестности, можно отнести также пыль/Staub, туман/Nebel, пар/Dunst, дым/Rauch, облако/Wolke [5, с. 75–78]. Эмоционально насыщенная цвето-световая символика произведения передает не только визуальный образ, но и настроение города, захваченного бездушными серыми господами. Шлейф дыма, который остается за ними, тускло светится в темноте, словно блуждающий огонек: «Die Rauchfahne, die hinter ihm zurückblieb, schien in der Dunkelheit matt zu leuchten wie ein Irrlicht».

Дым мертвого времени стеной поднимается над городом, превращаясь в темный купол из густого чада «finstere Qualmglocke», который клубится отвратительными сине-зелёными удушливыми испарениями «ballte sich zu ekligen, bläulich-grünen Schwaden». Он тянется в воздухе вязкой паутиной «in zähen Schleiern wie Spinnweben» и может вызвать страшную, смертельную болезнь «Die tödliche Langeweile» (смертельную скуку). Симптомы болезни сначала почти незаметны, человек просто теряет желание, что-либо делать: «Nichts interessiert einen, man ödet sich ... Man fühlt sich immer mißmutiger, immer leerer im Innern, immer unzufriedener mit sich und der Welt. Dann hört nach und nach sogar dieses Gefühl auf, und man fühlt gar nichts mehr. Man wird ganz gleichgültig und grau, die ganze Welt kommt einem fremd vor und geht einen nichts mehr an». Так от отсутствия интереса к чему-либо, через безразличие и серость, люди приходят к отчуждению от всего, у человека внутри становится холодно, и он ходит с пустым серым лицом и становится полностью похожим на серых господ.

В описании страшной «серой» болезни актуализируется оценочная сфера цветового концепта «Grau» – «слабый и плохой», выявленная Ю.В. Гуз в ассоциативных полях информантов [2, с. 19–20]. После посещения серого господина друг главной героини чувствует себя грустным и больным, а клубы дыма ещё долго висят в воздухе: «Langsam wurde ihm wieder wärmer, aber er fühlte sich krank und elend. Der blaue Dunst aus der kleinen Zigarre des Agenten hing noch lange in dichten Schwaden im Raum und wollte nicht weichen».

Когда серый господин приходит к Момо, девочка ощущает, что вся радость исчезла из мира, что её вообще никогда и не было, что все это был только вымысел: «Es war ihr plötzlich, als sei alle Freude für immer aus der Welt verschwunden – nein, als habe es überhaupt niemals so etwas gegeben. Und alles was sie dafür gehalten hatte, war nichts als Einbildung gewesen». Но Момо знает, как бороться с этой болезнью, и, задавая свой вопрос серому агенту «Hat dich denn niemand lieb?» (Разве тебя никто не любит?), она ставит под вопрос его серое, безрадостное существование, в котором нет места любви.

Антиподом серым господам в романе выступает Мастер Хора, мудрый повелитель времени, отпускающий каждому человеку его время, а серому безжизненному цвету противопоставляется теплый золотой цвет, исходящий от бесчисленного количества свечей и пронизывающий зал, где живет Мастер Хора: «Das goldene Licht, das diesen unermesslichen Raum durchwebte, kam von unzähligen Kerzen, die überall aufgesteckt waren und deren Flammen so reglos brannten, als seien sie mit leuchtenden Farben gemalt und brauchten kein Wachs zu verzehren, um zu strahlen». Одежда Мастера Хора украшена золотом: «Er trug eine lange goldbestickte Jacke, blauseidene

Kniehosen, weiße Strümpfe und Schuhe mit großen Goldschnallen darauf». На нем очки из золота, а на столе – золотой чайник, тарелки, ложки, ножи из сверкающего золота, золотисто-коричневые булочки, золотисто-желтое масло и мед, словно жидкое золото: «Auf dem Tischchen stand eine dickbauchige goldene Kanne, zwei kleine Tassen, dazu Teller, Löffelchen und Messer, alles aus blankem Gold. In einem Körbchen lagen goldbraune, knusprige Semmeln, in einem Schüsselchen befand sich goldgelbe Butter und in einem anderen Honig, der schlechthin wie flüssiges Gold aussah». Теплое, мудрое, вечное, визуализируемое оттенками золотого, борется в романе М. Энде с серым, безжизненным и безрадостным, с холодной расчётливой фикцией, представленной в образе серых господ.

Таким образом, в романе М. Энде «Момо» мы обнаруживаем неповторимое взаимодействие различных средств актуализации концепта «Grau», отражающее следующие структурные компоненты: перцептивный образ (зрительные „Grau, Asche, Rauch, aschengrau, spinnwebfarben“ тактильные „eisige Kälte“ и звуковые образы „tonlos“), когнитивный образ (напр. синестетические метафоры «aschengraues Gelächter») и интерпретационное поле, включающее оценочную, социально-культурную сферу (смертельная тоска «tödliche Langeweile»). Целенаправленная насыщенность цветовых номинаций на относительно малом текстовом пространстве достигается путем прямых и варьированных повторов, окказиональных образований и скрытых сем.

Список литературы

1. Борисова Д. Н. К проблеме выбора термина для названия форм цветообозначения в языке // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2008. – № 21. – С. 32–37.
2. Гуз Ю.В. Экспериментальное исследование базовых концептов цвета (на материале русского, английского, немецкого и китайского языков): автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.19. – Барнаул, 2010, 22 с.
3. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику – М.: Флинта: Наука, 2007. – 296 с.
4. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость – М.: Русские словари, 2000. – 416 с.
5. Шаюк А.Ю. Эмоциональный лингвокультурный концепт ANGST/СТРАХ и способы его репрезентации в авторском идиостиле Ф. Кафки: моногр. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2011. – 144 с.
6. Braun H. J., Schwarz A. Angst und fear – Wirklichkeit, Wörterbuch, Übersetzung // Angst. Züricher Hochschulforum Band 13. – Zürich: Verlag der Fachvereine. 1988. – S. 105–119.
7. Duden Universalwörterbuch der deutschen Sprache: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Grau>
8. Ende M. Momo. Märchen-Roman, Thienemann Verlag, 2005. – 304 s.
9. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. Güttersloh/ München: Bertelsmann Lexikon Verlag GmbH, 2001. – 1451 s.

Раздел 3. Модернизация преподавания и иностранных языков и профессиональное знание

Section 3. Modernization of Teaching Foreign Languages and Professional Knowledge

УДК 378

**Ю. В. Батурина
Y. V. Baturina**

Стратегии аргументации как важный компонент содержания обучения иностранному языку студентов-психологов

Argumentative strategies in the foreign language teaching of students-psychologists

В статье рассматривается возможность формирования аргументативных стратегий у студентов-психологов на английском языке с целью повышения профессиональной компетенции. В процессе овладения аргументативными стратегиями укрепляются межпредметные связи, формируются умения аргументировать свою точку зрения, приводя доводы, выделяя аргументы за и против.

The article reveals the opportunities of the argumentative speech forming in the context of professional competence improvement in Psychology of students-psychologists. Using the argumentative strategies, students-psychologists synthesise and report information and arguments, account for and sustain their opinions by providing arguments.

Ключевые слова: аргументативные стратегии, профессиональная компетенция, межпредметные связи, фаза разногласий.

Key words: argumentative strategies, professional competence, intersubjective communication, phase of disagreement.

В настоящей статье рассматривается возможность формирования аргументативных стратегий у студентов-психологов Санкт-Петербургского государственного университета на английском языке с целью повышения профессиональной компетенции будущих специалистов-психологов, укрепления межпредметных связей, формирования умения хорошо аргументировать свою точку зрения.

Современное постоянно меняющееся общество требует подготовки высококвалифицированных специалистов в различных областях знаний. Специалисты-психологи являются востребованными в структуре современного общества в России, так

как сфера их деятельности распространяется на все виды межличностных отношений, взаимодействие личности и общества и отдельных сообществ на уровне стран и государств.

Согласно государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования по специальности «Психология», квалификация – «Психолог. Преподаватель психологии», квалификационная характеристика выпускника отмечает, что «Объектом профессиональной деятельности специалиста являются психические процессы, свойства и состояния человека, предметом – их проявления в различных областях человеческой деятельности, межличностных и социальных взаимодействиях, способы и формы их организации и изменения при воздействии извне». Профессиональная деятельность специалиста-психолога подразумевает наличие профессиональной компетентности, заключающейся в совершении правильного профессионального выбора, формировании профессиональной позиции, включение профессиональных интересов в систему жизненных ценностей.

По В.Н. Непопалову и Н.Я. Корху, основными составляющими профессиональной компетентности психолога, необходимыми для его продуктивной деятельности являются профессиональные знания, профессиональные умения, профессиональные качества [8, с. 133–141]. Профессиональные умения представляют собой действия и техники психолога, применимые им для реализации обязанностей и функций в процессе деятельности. Ю.А. Комарова определяет, что «задачи профессионального образования на современном этапе связаны с разработкой эффективной стратегии подготовки специалиста, готового к личностной самореализации, способного к творчески результативной профессиональной деятельности в вариативной образовательной культурной среде». [5, с. 69–77].

Поскольку деятельность специалистов-психологов осуществляется посредством речевого общения, коммуникации, особое внимание в процессе обучения уделяется овладению коммуникативными умениями и коммуникативными стратегиями. Для успешной коммуникации растёт необходимость овладения каждым специалистом-психологом умениями следовать выбранной стратегической линии при учете мнения других участников процесса речевого взаимодействия с использованием правильного построения логических умозаключений; применением риторических приемов построения высказывания, направленного на убеждение; а так же организацией структурного единства компонентов аргументации.

Рассмотрим аргументативные стратегии как компонент содержания обучения иностранному языку будущих специалистов-психологов. Аргументативные стратегии рассматриваются в данной статье в составе коммуникативных умений, обеспечивающих наличие профессиональной компетенции специалиста-психолога.

Задача формирования аргументативных стратегий может осуществляться в процессе изучения английского языка. Основанием для постановки такой задачи является установление межпредметных связей между специальными дисциплинами и иностранным языком в процессе обучения будущих специалистов – психологов. Рассматривая процесс обучения иностранному языку в контексте общего профессионального образования, можно отметить, что помимо подготовки в процессе овладения специальными дисциплинами, психологическая направленность возможна в пространстве английского языка при учете специфики организации учебного процесса, особенностей представленной аудитории, и с использованием материала, связанного с профессиональной деятельностью будущих специалистов-психологов.

Таким образом, обучение аргументативным стратегиям обеспечивает корреляцию с магистральной задачей приобретения профессиональной компетентности будущими специалистами-психологами.

Следующей причиной актуальности формирования аргументативных стратегий на английском языке являются новые требования, предъявляемые к уровню владения иностранным языком будущими специалистами-психологами. Согласно Общеввропейской шкале иноязычной коммуникативной компетенции, уровень B2, обязательный для овладения студентами-психологами, предполагает наличие следующих умений: умение хорошо аргументировать свою точку зрения, приводя доводы, давая пояснения; четко выделяя аргументы за и против; умение оценить альтернативные положения, выдвинуть/оценить гипотезу; умение передать оттенки эмоций, подчеркнуть личное отношение к фактам и опыту, четко выразить свою мысль; умение четко передать информацию, в том числе в рамках своей профессиональной деятельности. Перечисленные умения успешно формируются в процессе обучения аргументативным стратегиям.

Аргументативные стратегии, с точки зрения прагматики, определяются коммуникативным намерением, целью и строятся на основе выбора принципа коммуникации, стиля общения и коммуникативной модели, наиболее адекватной конкретной ситуации. Аргументативные стратегии реализуются в ходе аргументативного процесса, при котором происходит

взаимодействие аргументатора и адресата, происходит обмен высказываниями, содержащими представления о картине мира, присущей каждому из коммуникантов; присутствует экспозиция убеждений, выявление противоречий, различий, противоположностей. В процессе убеждения (аргументации) с целью изменения картины мира адресата, аргументатор высказывает тезисы, приводит доказательства, подкрепляет их фактами. Адресат в свою очередь приводит контраргументы, доказывающие его точку зрения. Таким образом, в ходе аргументативного процесса возникает зона разногласий, характеризующаяся наличием ситуации противостояния убеждений (конфликта убеждений).

Рассмотрим взаимодействие чувств и мыслей в процессе аргументации. В ходе убеждения используются мыслительные процессы, а так же задействуется эмоциональная сфера коммуникантов, ими переживаются определенные чувства. В психологической науке представлены противоположные взгляды на проблему первичности возникновения эмоций в когнитивном процессе (в частности, в процессе мышления), или инициации когнитивного процесса эмоцией [2, с. 124–129].

В когнитивной психологии первичными признаются убеждения (мысли), которые влияют на возникающие впоследствии чувства [10, с. 95]. Последовательное изложение убеждений и ответно возникающие эмоции, чувства представляются нам характерными для аргументативного процесса. В процессе аргументации, в силу имеющегося противостояния убеждений, вероятно возникновение отрицательных эмоций, а переживаемые чувства могут носить негативный характер. Отрицательно эмоционально-окрашенная фаза аргументативного процесса, соответствующая обмену аргументами и контраргументами, рассматривается нами как зона разногласий, фаза противоречий, ситуация конфликта.

Традиционно в психологической науке под конфликтом убеждений понимается коммуникативная ситуация, в ходе которой коммуниканту предъявляется картина мира, отличающаяся от его собственной, и предлагается согласиться с убеждениями, не совпадающими со сложившимися в процессе жизни коммуниканта. Исходом ситуации может служить принятие предлагаемой картины мира, отвержение или частичное принятие (компромисс).

По мнению А.В. Дмитриева, «Конфликт – это процесс, в котором два (или более) индивида или группы активно ищут возможность помешать друг другу достичь определенной цели, предотвратить удовлетворение интересов соперника или изменить его взгляды и социальные позиции» [4, с. 54].

Нам представляется целесообразным рассматривать коммуникативный аргументативный процесс как поле конфликта,

основываясь на определении, представленном А.С.Карминым: «Конфликтное взаимодействие есть борьба, в которой действия одной стороны встречают противодействие другой» [6, с. 34].

По мнению Н.В. Крогиуса, «В конфликтной деятельности воздействия со стороны противника переживаются особенно остро, ибо направлены на разрушение наших планов и целей. Интенсивность чужого влияния нарастает с обострением конфликта. В особо напряженных ситуациях действия, которые в обычных условиях не привлекали внимания, переживаются гораздо сильнее. Взаимное влияние соперников может принимать разнообразные формы: внушения, убеждения, подражания и другие». [7, с. 120].

Рассмотрим ряд признаков, встречающихся в трактовке понятия «конфликт». Первым признаком является биполярность, как «наличие и противостояние двух начал, обязательно присутствующих в психологическом конфликте, двух сторон, противостоящих друг другу» [2, с. 72]. Поскольку аргументативный процесс направлен на принятие адресантом картины мира аргументанта и подразумевает наличие как минимум двух коммуникантов, их межличностное взаимодействие с целью убеждения, нам кажется правомерным отнести данный признак к аргументативному процессу.

Следующим признаком является активность, направленная на преодоление противоречия, называемая «столкновением», «несовместимостью», «противодействием». По мнению Н.В. Гришиной, «если человек, воспринимая сложившуюся ситуацию, как неприемлемую для него, начинает что-то предпринимать для ее изменения – объясняет свою точку зрения партнеру, пытается переубедить его и т. д. Все это рассчитано на ответную реакцию партнера и направлено на изменение ситуации. Активность является одним из атрибутивных признаков конфликта. Она развивается как следствие осознания наличия противоречия и потребности в его преодолении» [2, с. 72–73]. В аргументативном процессе активность проявляется в диалогическом взаимодействии коммуникантов, их речевом поведении.

Следующим признаком конфликта является наличие субъекта или субъектов в качестве носителей конфликта. В качестве субъекта конфликта рассматриваются человеческие индивиды, наделенные сознанием и волей. При этом индивиду присуще воспринимать существующее противоречие как ситуацию, требующую разрешения. Наличие потребности в преодолении противоречий может сопровождаться эмоциональным дискомфортом, напряжением, повышением уровня тревожности индивида. В ходе аргументативного процесса субъектами которого являются адресант и аргументант, при наличии ситуации

противоречий, требующей разрешения, коммуниканты могут испытывать отрицательные чувства и негативные эмоции, вызванные нежеланием оппонента согласиться с точкой зрения аргументанта. Таким образом, все перечисленные атрибутивные признаки конфликта являются свойственными процессу аргументации, что дает нам основание рассматривать аргументативный процесс как конфликтную ситуацию противостояния убеждений.

Важно отметить, что понятие конфликта относится к области знаний, убеждений коммуникантов, поэтому нам кажется правомерным употребить термин «когнитивный» применительно к ситуации противостояния убеждений в коммуникативном процессе. Нами предлагается использовать термин «когнитивный конфликт» для характеристики фазы коммуникативной деятельности, возникающей в ходе аргументативного процесса.

В своей статье Н.С. Гюрджан определяет когнитивный конфликт как «прежде всего как рассогласование в когнитивных (инференционно-логических), интеракциональных (стратегических или тактических) и дискурсивных (кодowo-процедурных) программах взаимодействующих субъектов (коммуникантов). При наличии определенного инварианта (нормы) в представлении об окружающей действительности, концептуальные схемы, или программы, коммуникантов могут значительно расходиться как в целом, так и в определенных частностях» [3, с. 122].

А.В. Дмитриев определяет когнитивный конфликт как «спор о знании – правоте или неправоте участника по поводу тех или иных его утверждений, соображений, постулатов». Цель каждого субъекта в когнитивном конфликте – переубедить оппонента, доказать свою правильную точку зрения, или, возможно, выявить недостатки собственной точки зрения. По мнению А.В. Дмитриева, «когнитивный конфликт в конечном счете может привести к опровержению одной из точек зрения, к логическому тупику или выработке общего верного решения» [4, с. 84].

В работе А. П. Седых утверждается, что в процессе коммуникации «происходит согласование концептуальных схем, представляющих собой способ предметной организации информации на базе системы знаний», полученных индивидом в результате его взаимодействия со средой и в результате индивидуальной рефлексии. От степени совпадения двух картин мира зависит степень принятия или непринятия концептуальной программы другого, то есть, в конце концов, степень понимания и взаимопонимания. Расхождение в когнитивных программах собеседников порождает когнитивный конфликт на уровне отношения субъекта к объекту (внутриличностный конфликт) и на

уровне отношения субъекта к субъекту (межличностный конфликт). Таким образом, под когнитивным конфликтом понимается определенное интенциональное состояние коммуникантов, характеризующееся как «интеллектуальный конфликт, возникающий, когда имеющимся мнениям и представлениям противоречит новая информация» [9, с. 51–57].

Существуют различные классификации процесса аргументации. В данной статье предлагается классификация, основанная на психологической составляющей аргументативного процесса, а именно – способе поведения личности, а именно: речевого поведения при наличии зоны разногласий, то есть ситуации столкновения убеждений, конфликта убеждений. Согласно теории речевых актов Серля, нами предлагается относить речевые действия, производимые в процессе аргументации к действиям, принятым в процессе конфликтного взаимодействия.

Нами предлагается к изучению студентами-психологами на английском языке концепция К. Томаса и Р. Киллмена, в которой выделяется пять основных стратегий поведения личности в конфликтной ситуации: избегание, соперничество, приспособление, компромисс, сотрудничество. Основанием для выделения указанных стратегий поведения является динамика соотношения между степенью настойчивости в удовлетворении собственных интересов и степенью готовности в удовлетворении интересов оппонента [4, с. 295].

Представляется возможным отнести данную концепцию к аргументативному процессу, в ходе которого усилия аргументанта будут направлены на доказательство истинности его убеждений, тогда как в поле деятельности адресата войдет степень готовности воспринять убеждения, принадлежащие аргументанту.

Рассмотрим характерные особенности каждой стратегии:

Стратегия избегания. Нулевая точка, в которой не происходит удовлетворение ничьих интересов соответствует стратегии избегания, ухода. Такая стратегия означает, что личность игнорирует конфликтную ситуацию, не предпринимает никаких шагов по ее разрешению или изменению. Применительно к аргументативному процессу, адресат, в ответ на презентацию убеждений аргументанта, своим речевым поведением демонстрирует отказ от коммуникации, избегание, уход от обсуждения.

Стратегия соперничества. С целью максимальной реализации собственных интересов применяется стратегия соперничества, при которой возможно применение нечестных методов, в том числе оскорбление, бранные слова и жесты, негативные личностные оценки. В рамках данной стратегии в речевом поведении

коммуникантов прослеживаются негативные оценочные компоненты, связанные с личностью оппонента, сарказм к предмету коммуникации или манере презентации. Следующей стратегией в рамках соперничества является возвышение собственной позиции аргументанта со ссылкой на авторитеты, апелляцией к фактам и самовосхвалением.

Стратегия приспособления. Стратегия приспособления демонстрирует уступки оппоненту, иногда – вплоть до полной капитуляции. Уступки могут служить позитивной поведенческой моделью оппоненту, так же как признанием правоты оппонента. С другой стороны, уступка может быть воспринята оппонентом как проявление слабости и привести к эскалации его давления и требований. С точки зрения психологической науки, демонстрация согласия с убеждениями аргументанта позволяет создать положительное отношение к адресату и способствует получению ответной готовности к уступке. В аргументативном процессе нам представляется положительным использование стратегии уступок, как демонстрации частичного согласия с целью достижения успеха в коммуникации.

Стратегия компромисса. К стратегии компромисса относится частичное удовлетворение обоих оппонентов. Идеальный компромисс заключается в удовлетворении интересов сторон в равных пропорциях. В речевых действиях оппонентов в рамках аргументативного процесса компромисс заключается в частичном принятии картины мира оппонента.

Стратегия сотрудничества. Стратегия сотрудничества характеризуется стремлением к достижению максимально возможного удовлетворения как собственных интересов, так и интересов оппонента. В отличие от компромисса, для сотрудничества характерен переход от отстаивания своих позиций к более глубокому уровню, на котором обнаруживается совместимость и общность интересов [6, с. 63–66].

Реализация перечисленных стратегий аргументации на английском языке возможна при условии формирования языковых и речевых умений в процессе обучения студентов-психологов с использованием сетевых компьютерных технологий как во время аудиторных, так и во время внеаудиторных занятий и освоением дистанционного курса обучения. Компьютерные ресурсы дают возможность разработать индивидуальную стратегию обучения, сочетая в интерактивном режиме учебные материалы, аудио и видеоматериалы.

Таким образом,

- наряду с другими профессиональными умениями, умение аргументировано изложить свою точку зрения, представить

доказательства в поддержку собственного тезиса и убедить оппонента, меняя его взгляды и поведение, является необходимой компонентой профессиональной компетентности специалиста-психолога;

- требования, предъявляемые к уровню владения иностранным языком будущими специалистами-психологами (B2) согласно Общеевропейской шкале иноязычной коммуникативной компетенции, предполагают наличие умений ведения диалогического аргументативного процесса;

- использование концепции К. Томаса и Р. Киллмена об основных стратегиях поведения личности в конфликтных ситуациях для отражения стратегий речевого поведения коммуникантов в аргументативном процессе на английском языке является значимым фактором формирования профессиональной компетенции будущих специалистов-психологов.

Список литературы

1. Lazarus R.S. On the primacy of cognition. – American Psychologist, 1984, 39(2), 124–129.
2. Гришина Н.В., Психология конфликта. – СПб.: Питер, 2003. – С. 72–73.
3. Гюрджан Н.С., Когнитивный конфликт в речевом взаимодействии, Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. Вып. №76-1/ 2008, С.122 (каф. Англ. яз. Пятигорского гос. лингв. ун-та, рук. Алферов А.В., спец.10.02.00)
4. Дмитриев А.В. Конфликтология. – Москва, 2001, С. 54.
5. Комарова Ю. А. Научно-исследовательская компетентность специалистов: функционально-содержательное описание / Ю. А. Комарова // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. Вып. 11 (68). – СПб., 2008, сентябрь. – С. 69–77.
6. Конфликтология / ред. Кармин А.С. – СПб., 1999. – С. 63–66.
7. Крогиус Н.В. Личность в конфликте. – Саратов, 1976. – С. 120.
8. Непопалов В.Н. Профессиональная деятельность и задачи подготовки спортивного психолога / Непопалов В.Н., Корх Н.Я. // Юбилейный сборник трудов ученых РГАФК, посвященный 80-летию академии. – М., 1998. – Т. 4. – С. 133–141.
9. Седых А. П. Языковое поведение, конвенциональная семантика и национальные архетипы // НДВШ. Филологические науки. 2004. – № 3. – С. 51–57.
10. Селигман М. Новая позитивная психология. – М., «София», 2006. – С. 95.

**Самостоятельная работа с использованием
профильных текстов при обучении иностранному языку
в системе бакалавриат**

**The Use of Profile Texts at Students' Independent Work
in Teaching Foreign Languages in Baccalaureate System**

В данной работе демонстрируется практическое значение педагогической организации обучения иностранному языку с использованием профильных текстов. В частности, рассматривается организация самостоятельной работы студентов в системе бакалавриат как одно из средств, способствующих формированию познавательной самостоятельности и одно из условий успешной подготовки конкурентоспособного выпускника.

In the article practical meaning of pedagogical design of teaching foreign languages with the use of profile texts is demonstrated. In fact the organization of students' independent work in Baccalaureate System is considered one of the means encouraging cognitive autonomy and a factor of effective training of a competitive university graduates.

Ключевые слова: самообразовательная деятельность, профильные тексты, познавательная самостоятельность.

Key words: students' independent work, profile texts, cognitive autonomy.

В настоящее время наблюдаются значительные сдвиги в образовательной системе вузов. Теперь важным является не пассивное приобретение знаний, а генерация и практическое применение новых идей. Это происходит в связи с появлением новых требований к подготовке кадров в высшей школе: обладание высокой компетентностью, умение постоянно пополнять и продолжать свое образование, креативно мыслить, практически осваивать инновации. Поэтому познавательная самостоятельность студентов является одной из составляющих улучшения качества подготовки специалистов в современном обществе.

От того, как будущий специалист будет проявлять инициативу, решать нестандартные задачи, планировать и прогнозировать результаты своей самостоятельной работы, зависит впоследствии его профессиональный рост, успешность профессиональной деятельности.

Студенты должны не только уметь усваивать готовые знания, приобретать умения и навыки, накапливать опыт творческой и

любой научно-информационной деятельности, но и уметь развивать в себе внутреннюю и внешнюю самоорганизацию в качестве будущего специалиста, который готов активно преобразовывать получаемую им информацию и способен выстраивать индивидуальную траекторию самообучения. Самообразовательная деятельность, таким образом, является не только средством достижения глубоких и прочных знаний, а также инструментом формирования у них активности и самостоятельности как важнейших черт будущего специалиста.

Под самообразовательной деятельностью понимается деятельность, в процессе которой субъект имплицитно ориентирован на целеполагание, самосовершенствование личностных позиций, мотивов саморазвития, личностно и социально значимых ценностей и умений. В качестве средства, формирующего познавательные способности студента, их направленность на непрерывное самообразование и тем самым актуализирующий ресурс самообразовательной деятельности, многими авторами рассматривается самостоятельная учебная работа, в процессе которой студент постепенно превращается в самообучающегося субъекта.

Основные характеристики самообразовательной деятельности – самостоятельный отбор материала; определение стратегии и тактики его изучения; самостоятельное его изучение; решение проблем, познавательных задач, которые возникают при наличии различных точек зрения на один и тот же предмет; самостоятельное преодоление противоречий; формирование своего собственного видения этого предмета, собственного мировоззрения; самоизменение [2, с. 50].

С точки зрения актуализации ресурса самообразовательной деятельности самостоятельная работа выполняет функцию стимула, так как это такое средство обучения, которое вырабатывает у студента установку на самостоятельное систематическое пополнение знаний и выработку умений ориентироваться в потоке информации при решении новых познавательных задач [2, с. 54].

Многие отечественные исследователи (В.П. Беспалько, Б.П. Есипов, Л.В. Жарова, И.Д. Иванов, П.И. Пидкасистый, Г.И. Щукина, Т.И. Шамова) рассматривали познавательную самостоятельность как систему, включающую в себя взаимосвязанные, взаимодействующие компоненты, и одновременно как элемент общей системы личности.

Сохраняют в настоящее время свою актуальность воззрения на самостоятельность личности в обучении таких мыслителей и

классиков педагогической науки, как В.Г. Белинский, А. Дистервег, Я.А. Коменский, И.Г. Песталоцци, К.Д. Ушинский.

Познавательная самостоятельность – категория, характеризующая творческую ступень самостоятельности в познании. В ней есть процессуальная сторона – умение познавать в процессе поиска, и мотивационная сторона – стремление к такому познанию. Развитие познавательной самостоятельности как умения и стремления познавать в процессе творческого поиска тесно связано с появившимся в современной дидактике направлением, стремящимся определенную часть обучения организовать как проблемное обучение. Суть последнего в том, что студенты систематически включаются в процесс самостоятельной учебной работы [3, с. 99–100].

Под самостоятельной учебной работой обычно понимают любую организованную на выполнение поставленной дидактической цели в специально отведенное для этого время: поиск знаний, их осмысление, закрепление, формирование и развитие умений и навыков, обобщение и систематизацию знаний [4, с. 309]. Самостоятельная работа учащихся – метод обучения и самообразования, предпосылка дидактической связи различных методов между собой [5, с. 685].

Весь процесс, связанный с усилением роли самостоятельной работы студента при его обучении иностранному языку в вузе – управляемый, то есть планируемый и контролируемый преподавателем. Преподаватель должен организовать освоение студентом необходимого содержания образования не только через аудиторские занятия, но и самостоятельную работу, провести диагностику знаний и умений, заложенных в задачах дисциплины, нацелить бакалавров на развитие навыков самостоятельного поиска информации и способов ее обработки. Роль преподавателя в организации внеаудиторной (аудиторной) самостоятельной работы по иностранному языку заключается в планировании, подборе профессионально-направленных текстов, консультировании, обучении студентов методам самостоятельной работы с текстами.

Организация самостоятельной работы студентов с профильными текстами – комплексный процесс. Он включает в себя формирование мотивации, извлечение из памяти содержания изученных учебных дисциплин, подбор русскоязычных (иноязычных) эквивалентов, фиксацию научной информации, оформление мысли на русском или иностранном языке и т. д. Самостоятельная работа более эффективна, если она организована как парная, или в ней участвуют три человека. Групповая работа, позволяющая вести общение на изучаемом языке, усиливает фактор мотивации и взаимной интеллектуальной активности, повышает эффективность

познавательной деятельности бакалавров благодаря взаимному контролю. Совершенствование форм самостоятельной работы особенно важно в непрофильном (неязыковом) бакалавриате, поскольку количество аудиторных часов, отводимых на иностранный язык в бакалавриате, гораздо меньше, чем в специалитете. Кроме этого, бакалавриат является первым этапом современной системы высшего образования, когда бакалавры изучают иностранный язык как дисциплину рабочего учебного плана, и именно поэтому в ее учебной программе необходимы не только обычные содержательные элементы, но и профессионально-ориентированные тексты и языковые упражнения. Важным процессуальным компонентом обучения должно также стать использование профильного языкового материала в самостоятельной работе, поскольку именно это сможет подготовить будущих магистрантов к дальнейшему самостоятельному изучению иностранного языка в течение всей жизни в соответствии с собственными жизненными задачами. Последнее является одним из постулатов Болонского процесса, который объединяет на современном этапе все Европейские вузы.

Основным содержанием самостоятельной работы с использованием профильных текстов при обучении иностранному языку в непрофильном бакалавриате является выполнение заданий по составлению и активному применению глоссария по тематике специальности. Другими словами от студента требуется умение быстро читать профильные тексты и использовать свои языковые возможности для работы с иноязычной информацией. Владение иностранным языком – это, по современным представлениям, зафиксированным в базовых Европейских документах по компетенциям, – функциональные умения, необходимые каждому специалисту. Признание этих умений функциональными означает, что они являются неотъемлемой частью его профессиональной компетенции.

Работа над профильными текстами, подобранными преподавателем, должна быть направлена на извлечение содержательной информации в рамках выбранного профиля, на информационную переработку иноязычного текста с помощью: а) предтекстовых заданий, которые ориентируют на выбор стратегии чтения (ознакомительное, изучающее, просмотровое-поисковое); актуализируют приобретенные ранее знания; обеспечивают при необходимости частичное снятие трудностей;

б) послетекстовых заданий, которые нацелены на проверку понимания и обсуждение прочитанного. Проверка усвоения текстовой информации производится при помощи вопросов, спорных утверждений, упражнений на заполнение пропущенных

слов, приведение в нужный порядок предложений или утверждений. Рекомендуется поиск соответствий (синонимы, антонимы, дефиниции, начало и конец предложений и т. д.), запись основной идеи текста и вывода, дискуссионное обсуждение, пересказ.

В лексический минимум необходимо внести часть наиболее употребляемой лексики из профильных текстов, в том числе термины из соответствующих выбранному профилю областей знаний.

Таким образом, будучи особым видом познавательной деятельности, самостоятельная работа с текстовыми материалами в учебном процессе выполняет свое основное предназначение – формирует у студентов познавательную самостоятельность. Самостоятельная работа студента с профильными текстами связана со становлением его как профессионала в своей области и является одним из условий успешной подготовки конкурентоспособного выпускника. При этом показателем уровня его самостоятельности будут профессиональное умение, готовность студента к приобретению и пополнению профессиональных знаний, творческой постановке и решению возникающих проблем в профессиональной деятельности без помощи других.

Список литературы

1. Григорян В.Г. Роль преподавателя в организации самостоятельной работы студентов / В.Г. Григорян // Высшее образование в России. – 2009. – №11. – С. 108–114.
2. Миняева Н.М. Самообразование студента в вузе в свете ключевых идей гуманитарных наук / Н.М. Миняева // Высшее образование сегодня. – 2010. – № 7. – С. 49–54.
3. Одинцова В.А. Формирование познавательной самостоятельности студентов / В.А. Одинцова // Инновации в образовании. – 2009. – № 11. – С. 98–103.
4. Педагогика: учебное пособие для студентов пед. вузов пед. колледжей / под ред. П.И. Пидкасистого. – М.: Рос. пед. агенство, 1996 (2-е изд.). – 309 с.
5. Современный словарь по педагогике / сост. Рапацевич Е.С. – Мн.: «Современное слово». – 2001. – 928 с.

**Иностранный язык как средство формирования
ценностного отношения студентов к здоровому образу жизни**

**Foreign language as a means of forming valuable attitude
of students to a healthy lifestyle**

В статье рассматриваются некоторые аспекты проблемы формирования ценностного отношения студентов к здоровому образу жизни средствами иностранного языка: концептуальные подходы к отбору содержания материала для занятий, дидактические средства, которые можно использовать на занятиях по иностранному языку.

This article describes several issues of forming valuable attitude of students to a healthy lifestyle by foreign language: conceptual approaches to the selection of learning content, techniques that can be used in the classroom in a foreign language.

Ключевые слова: иностранный язык, ценностное отношение, формирование личности, физическое развитие, здоровый образ жизни, здоровьесозидающая функция образования, личностно-развивающий потенциал иностранного языка.

Key words: foreign language, valuable attitude, personality development, physical development, healthy living, health-creating function of education, developmental potential of a foreign language.

Современный этап интенсивных социально-политических и экономических изменений предъявляет к высшему образованию новые требования, связанные не только с изменением стандартов образования и введением новых технологий, а прежде всего с определением цели образования. Сегодня образованность человека определяется не столько специальными знаниями, сколько разносторонним развитием личности, ориентирующейся в традициях отечественной и мировой культуры, в современных ценностях, интеллигентностью, высокой нравственностью, широким горизонтом мышления, физическим и психическим здоровьем. Подготовка высококвалифицированных кадров в соответствии с потребностями общества и государства ставит вопрос о максимальном развитии человеческих способностей как интеллектуальных, так и физических, и эмоциональных, и психических, что позволит специалистам включиться в усложняющиеся трудовые процессы. Государственные документы (закон Р.Ф. «Об образовании», концепция «Российское образование – 2020», «О физической культуре и спорте в Р.Ф.», «Концепция

долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года», «Национальная доктрина развития образования РФ до 2025 года» и др.) подчеркивают приоритетность воспитания человека в духе ответственного отношения к собственному здоровью и здоровью окружающих, как наивысшей социальной ценности, формирование высокого уровня здоровья детей и учащейся молодежи во всех его аспектах – духовном, психическом, физическом. Президент РФ В.В. Путин подписал указ о введении Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО), что свидетельствует о необходимости и важности решения проблемы ориентации молодежи на здоровый образ жизни на современном этапе.

В данной статье хотелось бы акцентировать своё внимание на одном из аспектов формирования личности, а именно физическом развитии, что особенно актуально для студентов факультета физической культуры. Проблема физического развития личности неотъемлемо связана с занятиями спортом, с сохранением и укреплением здоровья, которые занимают одно из ведущих мест в системе социальных ценностей и приоритетов общества. Здоровье человека является показателем общественного прогресса и социально-экономического благополучия страны. В связи с чем особую важность представляет формирование у студентов ценностного отношения к спорту и здоровому образу жизни.

Следует отметить, что в науке немало работ посвящено этой проблеме. Такие авторы как Дрибинский П.Л., Воднева Е.В., Маджуга А.Г., Меньш Е.А., Цыбиков Д.В. и др. рассматривают этот вопрос с разных позиций и стараются раскрыть здоровье создающую функцию образования. Каждый предмет вузовской программы играет определенную роль в решении поставленной перед высшей школой задачей. Так, ценностное отношение к здоровью формируется такими дисциплинами, как физическое воспитание, музыка, безопасность жизнедеятельности, литература, педагогические и медико-биологические специальности, в том числе, и иностранным языком. В этой связи иностранному языку уделено меньше внимания по сравнению с другими дисциплинами, в то время как этот предмет обладает огромным личностно-развивающим потенциалом. Обучение иностранному языку подразумевает не только формирование языковой (лексико-грамматической) компетентности, но и развитие личности, интегрированной в мировую культуру. Кроме того, иностранный язык обладает особой способностью интегрировать самые разнообразные сведения, что позволяет ему стать организующим предметом, на основе которого возможно слияние нескольких учебных дисциплин в одну. Благодаря своему так называемому

«беспредметному» характеру иностранный язык может служить формированию осознанной внутренней позиции в сфере здоровья и спорта, совершенствованию знаний, умений и навыков противостояния факторам риска для здоровья, развитию готовности улучшать своё здоровье. Всё это особенно важно для будущих педагогов, для их успешной самореализации в профессиональной деятельности и в сфере пропаганды здорового образа жизни и спорта среди учащихся.

Однако студенты неязыковых специальностей не всегда заинтересованы в изучении иностранного языка, что усложняет и решение обозначенной проблемы. В своей работе со студентами мы исходим из положения о том, что формирование мотивации студентов во многом зависит от отбора содержания изучаемых текстов. На наш взгляд, в целях формирования ценностного отношения к спорту и здоровому образу жизни в основу и отбора содержания, и выбора технологии обучения должны быть положены следующие концептуальные подходы:

- аксиологический – отношение к здоровью как самоценности и условию успешной профессиональной и личной жизни, позволяющий осмыслить здоровье как терминальную и инструментальную ценность и профессиональный ресурс, осознать необходимость самим творить своё здоровье;

- когнитивный – знания о разрушительном воздействии факторов риска на здоровье человека, семью и общество, знание основных способов, методов и приемов, восстанавливающих и развивающих здоровье;

- информационно-коммуникативный – погружение в мировую культуру (науку, искусство, литературу) с целью осмысления имеющегося опыта здоровьесберегающей деятельности, выявления продуктивного и непродуктивного потенциала по отношению к здоровью в родной и зарубежной культуре;

- деятельностный – умение правильно питаться, осуществлять физическую активность и учебную деятельность адекватно индивидуальной динамике работоспособности, биоритмам и физиологическим особенностям, отказ от употребления психоактивных веществ, наработка собственных подходов и методов сохранения и развития индивидуального здоровья;

- эмоционально-волевой – осознание личностного смысла здоровья, ощущение телесного, душевного и духовного благополучия, способность к волевым усилиям в сохранении и развитии собственного здоровья, убеждение в необходимости здоровой жизнедеятельности как средства совершенствования и самоактуализации личности (Е.А. Меньш).

Именно эти подходы позволяют предложить студентам знания о факторах, негативно влияющих на телесное, душевное и духовное здоровье, о способах, восстанавливающих и развивающих индивидуальное здоровье, о необходимости здоровой жизнедеятельности как средства самосовершенствования, об отношении к здоровью в родной и иноязычной культуре, познакомить студентов с представлением о взаимосвязи духовного, душевного и телесного здоровья, со знанием механизмов влияния на организм психоактивных веществ, с организацией правильного питания и оптимальной двигательной активности, с выстраиванием режима сна и учебной деятельности в соответствии с индивидуальной динамикой работоспособности и физиологическими особенностями, с выработкой собственных подходов и методов сохранения и развития индивидуального здоровья.

Осуществление формирования ценностного отношения студентов к здоровому образу жизни достигается в процессе как аудиторной, так и внеаудиторной работы. Во время работы в аудитории используются следующие приёмы:

- работа с текстами по проблемам здоровья: здоровое питание, качество потребляемых продуктов питания, здоровый образ жизни, медицинское обслуживание, морально-этические аспекты взаимоотношений врача и пациента, проблема нравственного выбора (эвтаназия, генетически модифицированные продукты, врачебная этика, СПИД, проблема наркозависимости);

- беседы-диалоги на иностранном языке по данной тематике;

- кросс-культурный анализ, открывающий возможность анализа, обобщения и взаимного дополнения существующего ценностного отношения к здоровью в российской и иноязычной культурах;

- выступление студентов с рефератами, подготовленными на материале литературы, взятой из отечественных или зарубежных источников на иностранном языке;

- аннотирование и реферирование текстов;

- метод проектов (защита проектов по темам, связанным с отношением к здоровью в разных странах, разработка и осуществление индивидуальных траекторий поддержания и развития здоровья);

- тренинги и ролевые игры, которые позволяет создавать в процессе группового обучения ситуации, отражающие реальную проблематику нездорового человека и способствующие ее разрешению, погружение в проблемно-жизненные ситуации;

- дискуссионный метод призванный сформировать у студентов навыки ведения дискуссии и аргументации, оценки явления;

- различные виды рефлексии, позволяющие осмысливать, оценивать, корректировать имеющийся субъективный опыт сохранения здоровья (написание писем и сочинений, герменевтический анализ текстов);

- целенаправленное общение через Интернет по изучению опыта сохранения здоровья (прямые диалоги, переписка с представителями различных стран, работа с сайтами зарубежных вузов, поиск информации на иностранном языке).

Приведенный здесь частичный обзор дидактических средств, используемых на занятиях иностранного языка по теме «Здоровый образ жизни», обеспечивает активное привлечение студентов к осмыслению сущности физического здоровья, к рефлексии личностного опыта, к формированию ценностного отношения к здоровому образу жизни.

Список литературы

1. Меньш Е.А. Формирование ценностного отношения студентов к здоровью средствами межкультурной коммуникации: автореф. дис. канд. пед. наук: (13.00.01) / Е.А. Меньш. – Тюмень, 2010. – 25 с.

2. Цыбиков Д.В. Формирования ценностного отношения студентов к здоровому образу жизни в образовательном процессе педагогического вуза: автореф. дис. канд. пед. наук: (13.00.01) / Д.В. Цыбиков. – М., 2013. – 23 с.

Сведения об авторах

About Authors

Артемова Инна Юрьевна – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, (Санкт-Петербург), arte.inna@gmail.com

Атарщикова Анна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, (Санкт-Петербург), atarsch@mail.ru

Батурина Юлия Всеволодовна – старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, (Санкт-Петербург), jbaturina@yandex.ru

Бурдынская Светлана Петровна – кандидат педагогических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, (Санкт-Петербург), sburdynskaya@mail.ru

Гордиенко Динара Якубовна – старший преподаватель, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), (г. Ростов-на-Дону), dinara-na-donu@mail.ru

Гребенев Александр Николаевич – кандидат филологических наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, (Санкт-Петербург), DWITH@yandex.ru

Ермолова Марина Викторовна – кандидат наук, доцент, Институт менеджмента и информационных технологий (филиала) Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, (г. Череповец)

Дзенс Надежда Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, Белгородский государственный университет, (г. Белгород), dzensnad@yandex.ru

Долгова Елена Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, Орловский Государственный Аграрный Университет, (г. Орел), elenadolg76@mail.ru

Заботина Евгения Николаевна – кандидат филологических наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, (Санкт-Петербург), e.vakulenko@gmail.com

Калинина Екатерина Валентиновна – преподаватель, Донской государственный технический университет, (г. Ростов-на-Дону), katalina.kalinina@yandex.ru

Кацюба Лариса Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, Московский финансово-юридический университет (МФЮА), (г. Москва), larrakatz@yandex.ru

Котельникова Евгения Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), (г. Ростов-на-Дону), jenni.kot@ya.ru

Кудряшов Игорь Александрович – доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, (г. Ростов-на-Дону), igalk@mail.ru

Морозова Ольга Николаевна – доктор филологических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, (Санкт-Петербург), olfrost@mail.ru

Николаева Дарья Сергеевна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург), dashanikolaeva@mail.ru

Панченко Варвара Антоновна – кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, (Санкт-Петербург), varvara.pan@mail.ru

Попов Евгений Александрович – аспирант, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, (Санкт-Петербург), popov.evge@gmail.com

Постева Екатерина Васильевна – аспирант, Южный федеральный университет, (г. Ростов-на-Дону), katrin-21cent@mail.ru

Просяникова Ольга Игоревна – кандидат филологических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, (Санкт-Петербург), olgarpros@mail.ru

Пшеничникова Анна Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет, (г. Владивосток), moibimulya@mail.ru

Сафонова Любовь Сергеевна – аспирант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, (Санкт-Петербург), lis_venedin@mail.ru

Скворцова Анна Вячеславовна – кандидат филологических наук, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, (Санкт-Петербург), annysunnybird@gmail.com

Скнар Галина Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент, (Ростов-на-Дону), sknar.galinadmitrievna@yandex.ru

Скорик Ксения Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, (Санкт-Петербург), ksenyapro@mail.ru

Стефанкова Лариса Николаевна – заместитель директора, МБОУ Гимназия № 36, (г. Ростов-на-Дону), larisastefankova@gmail.com

Федаюк Полина Алексеевна – преподаватель, Шосткинский институт Сумского государственного университета, (г. Шостка, Украина), Polina4747@gmail.com

Чернышева Виктория Олеговна – старший преподаватель, Донской государственный технический университет, (г. Ростов-на-Дону), sunnyvika@mail.ru

Шаяк Антонина Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, (Санкт-Петербург), antonina.shayuk@mail.ru

Шурупова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель, Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, (г. Липецк), shurupova2011@mail.ru

Хамаганова Елена Александровна – кандидат филологических наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, (Санкт-Петербург), almutp@mail.ru

Для заметок

Для заметок

Научное издание

**Актуальные проблемы теории
и методологии науки о языке**

Материалы Всероссийской
научно-практической конференции

29 апреля 2014 г.

Печатается в авторской редакции
Оригинал-макет *Е. Ю. Березиной*

Подписано в печать 02.05.2014. Формат 60х84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13,75. Тираж 500 экз. Заказ № 1033

Ленинградский государственный университет
имени А. С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а